

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

- Концепция правовой политики
- Приоритеты правовой политики
- Правовая жизнь общества
- Право и политика в их взаимосвязи
- Федеральная и региональная правовая политика

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

3 (76) • 2019

Журнал включен ВАК Минобрнауки России в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки);

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки);

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки);

12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право (юридические науки);

12.00.10 – Международное право; Европейское право (юридические науки);

12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки);

12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс (юридические науки).

Академический и вузовский юридический научный журнал

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), д.ю.н., профессор; А.А. Зелепукин (зам. главного редактора), к.ю.н., доцент; Б.Г. Дубровин (ответственный секретарь); В.А. Абалдуев, к.ю.н., доцент; Е.Н. Абакина, к.ю.н., доцент; С.Ф. Афанасьев, д.ю.н., профессор; В.А. Бабаков, к.ю.н., доцент; Н.А. Власенко, д.ю.н., профессор; А.А. Волос, к.ю.н., доцент; С.В. Ворошилова, д.ю.н., доцент; А.В. Голикова, к.ю.н., доцент; В.А. Затонский, к.и.н., доцент; Е.В. Кобзева, к.ю.н., доцент; Н.Н. Ковалева, д.ю.н., профессор; А.В. Колесников, к.ю.н., доцент; Е.В. Колесников, д.ю.н., профессор; Г.Н. Комкова, д.ю.н., профессор; И.Н. Коновалов, д.и.н., профессор; Е.С. Лапин, к.ю.н., доцент; Д.А. Липинский, д.ю.н., профессор; Р.С. Маркунин, к.ю.н.; В.В. Нырков, к.ю.н., доцент; Е.Н. Пастушенко, д.ю.н., профессор; В.В. Попов, д.ю.н., профессор; В.А. Рудковский, д.ю.н., профессор; А.Ю. Саломатин, д.ю.н., д.и.н., профессор; С.А. Семикина, к.ю.н., доцент; А.Ю. Соколов, д.ю.н., профессор; О.Л. Солдаткина, к.ю.н.; В.В. Субочев, д.ю.н., доцент; Н.И. Сухова, к.ю.н., доцент; Л.А. Тимофеев, д.ю.н., профессор; Е.В. Типикина, к.ю.н., доцент; Д.С. Хижняк, к.ю.н., доцент; В.Д. Холоденко, к.ю.н., доцент; Е.Ю. Чмыхало, к.ю.н., доцент.

Редакционный совет:

С.А. Белоусов, д.ю.н., доцент; Е.В. Вавилин, д.ю.н., профессор; А.Г. Лисицын-Светланов, д.ю.н., профессор, академик РАН; А.Н. Савенков, д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАН; С.Б. Суоров, д.с.н., профессор; С.Н. Туманов, д.ю.н., профессор; Е.Е. Фролова, д.ю.н.; Ю.Л. Шульженко, д.ю.н., профессор; Г.А. Василевич, д.ю.н., профессор (Республика Беларусь); С.Ф. Ударшев, д.ю.н., профессор (Республика Казахстан); Г. Робберс, доктор наук, профессор (Германия); А. Трунк, доктор наук, профессор (Германия); Я. Зелински, доктор наук, профессор (Польша); В. Скоркова, д.ю.н., профессор (Словацкая Республика); С. Лю, д.ю.н., профессор (Китай).

Editorial board:

A.V. Malko (editor-in-chief), Doctor of Law, Professor; A.A. Zelepukin (deputy of editor-in-chief), Candidate of Law, Associate Professor; B.G. Dubrovин (executive secretary); V.A. Abalduев, Candidate of Law, Associate Professor; E.N. Abanina, Candidate of Law, Associate Professor; S.F. Afanasiev, Doctor of Law, Professor; V.A. Babakov, Candidate of Law, Associate Professor; N.A. Vlasenko, Doctor of Law, Professor; A.A. Volos, Candidate of Law, Associate Professor; S.V. Voroshilova, Doctor of Law, Associate Professor; V.A. Zatonsky, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; A.V. Golikova, Candidate of Law, Associate Professor; E.V. Kobzeva, Candidate of Law, Associate Professor; N.N. Kovaleva, Doctor of Law, Professor; A.V. Kolesnikov, Candidate of Law, Associate Professor; E.V. Kolesnikov, Doctor of Law, Professor; G.N. Komkova, Doctor of Law, Professor; I.N. Konovalov, Doctor of History, Professor; E.S. Lapin, Candidate of Law, Associate Professor; D.A. Lipinskiy, Doctor of Law, Professor; R.S. Markunin, Candidate of Law; V.V. Nyrkov, Candidate of Law, Associate Professor; E.N. Pastushenko, Doctor of Law, Professor; V.V. Popov, Doctor of Law, Professor; V.A. Rudkovskiy, Doctor of Law, Professor; A.Y. Salomatин, Doctor of Law, Doctor of History, Professor; S.A. Semikina, Candidate of Law, Associate Professor; A.Ju. Sokolov, Doctor of Law, Professor; O.L. Soldatkina, Candidate of Law; V.V. Subochev, Doctor of Law, Associate Professor; N.I. Sukhova, Candidate of Law, Associate Professor; L.A. Timofeev, Doctor of Law, Professor; E.V. Tipikina, Candidate of Law, Associate Professor; D.S. Hizhnyak, Candidate of Law, Associate Professor; V.D. Holodenko, Candidate of Law, Associate Professor; E.Y. Chmyhalo, Candidate of Law, Associate Professor.

Editorial council:

S.A. Belousov, Doctor of Law, Associate Professor; E.V. Vavilin, Doctor of Law, Professor; A.G. Lisitsin-Svetlanov, Doctor of Law, Professor; A.N. Savenkov, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of RAS; S.B. Surovov, Doctor of Sociology, Professor; S.N. Tumanov, Doctor of Law, Professor; E.E. Frolova, Doctor of Law; Ju.L. Shul'zhenko, Doctor of Law, Professor; G.A. Vasilevich, Doctor of Law, Professor (The Republic of Belarus); S.F. Udartsev, Doctor of Law, Professor (The Republic of Kazakhstan); G. Robbers, DR, Professor (Germany); A. Trunk, DR, Professor (Germany); J. Zieliński, Dr hab, Professor (Poland); V. Skorkova, JUDr, Ph.D. (The Slovak Republic); S. Lyu, Doctor of Law, Professor (China).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

<i>Кодан С.В. (Екатеринбург)</i>	Учебный курс «Политологический подход в изучении государства и права в подготовке аспирантов: цели, задачи, функции	8
<i>Малько А.В., Маркунин Р.С. (Саратов)</i>	Концепция правовой политики в сфере построения системы юридической ответственности органов публичной власти: о необходимости формирования	13
<i>Трофимов В.В. (Тамбов)</i>	Глобальная нестабильность как фактор мобилизации национальных государственно-правовых систем (к вопросу о конфликтной социальной природе политико-правового контекста) . . .	16
<i>Груздев В.В., Бабичев Д.А. (Кострома), Левченко А.И. (Луганск)</i>	Правопорядок и законность в нестабильных социумах	23
<i>Шульженко Ю.Л. (Москва)</i>	Верховенство парламента – основа парламентаризма	30
<i>Пономаренков В.А. (Самара)</i>	Биология мотива правового поведения	35

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА

<i>Воротников А.А. (Саратов)</i>	Международные экологические принципы: теория и практика конституционной реализации	41
<i>Евстифеева Е.В., Дородонова Н.В. (Саратов)</i>	Международно-правовая политика в сфере проведения биомедицинских и геномных исследований	44
<i>Липкина Н.Н. (Саратов)</i>	Особенности квалификации международно-правовых норм о правах человека в качестве <i>jus cogens</i>	51
<i>Косолапов М.Ф. (Саратов)</i>	Тенденции формирования правовой политики Российского государства в сфере имплементации актов «мягкого права»	56

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

<i>Осипов Р.А. (Саратов)</i>	Теоретико-методологические основы концепции информационно-правовой политики в Российской Федерации	63
<i>Волос А.А. (Саратов)</i>	К вопросу о правовом значении смарт-контрактов	67
<i>Варламова Е.В., Ересько П.В. (Саратов)</i>	Правовое регулирование цифровых финансовых активов в России	71
<i>Петров Д.Е. (Саратов)</i>	Процессы дифференциации и интеграции в экологическом и природоресурсном праве	77
<i>Барышникова Н.А., Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н. (Саратов)</i>	Правотворческая политика Центрального банка Российской Федерации: актуальные проблемы	80

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – ЮРИДИЧЕСКАЯ ШКОЛА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гайворонская Я.В.

Правовые акты и правотворчество субъекта федерации: взгляд с позиций новых реалий правового регулирования 96

Самусенко Т.М.

Кафедра теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета: история, настоящее и будущее 104

Овчинников С.Н.

История юридической науки: к методологии исследования 109

Лобач Д.В.

К вопросу о перспективе криминализации бесчеловечных деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», в российском уголовном законодательстве 115

Дорофеева М.А.

Образовательная технология делиберации как способ преодоления функциональной неграмотности и формирования критического мышления в рамках дисциплины «История государства и права России» 124

Трибуна молодых ученых

Зуева Ю.В. (Нижний Новгород)

Самозащита права: к вопросу о правомерности и противозаконности . . 130

Уманец В.С. (Саратов)

Социальная природа более мягкого наказания в контексте статьи 64 Уголовного кодекса РФ 135

Селиванов И.Я. (Саратов)

Проблемные вопросы административной ответственности региональных и муниципальных депутатов 141

Обзоры и рецензии

Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (г. Саратов, 18 апреля 2019 г.)

Солдаткина О.Л. (Саратов)

Цифровое право: методология исследования 146

Выступления:

Малько А.В., Горбунова М.Ю. (Саратов)

Поощрение использования информационных технологий в процессе осуществления правосудия 150

Афанасьев С.Ф. (Саратов)

Цифровое право в контексте электронного аудиопотоколирования в судах 154

Кулапов В.В. (Саратов)

Рекомендации Совета Европы по развитию электронного правосудия 156

Ковалева Н.Н. (Саратов)

Машиночитаемое право как механизм умного регулирования в области связи 158

<i>Борисова В.Ф., Калмазова Н.А.</i>	Предпосылки разработки Концепции правового регулирования электронного правосудия	160
<i>Голоскоков Л.В. (Москва)</i>	Правовая наука — бумажная, электронная, цифровая: что дальше?	161
<i>Лазарева О.В. (Саратов)</i>	Право как государственная воля общества в цифровой реальности	163
<i>Кузьмин И.А., Кузьмина Е.С. (Иркутск)</i>	Социально-правовое картирование в методологии гуманитарных исследований: цифровые контексты	164
<i>Михайлов А.Е. (Саратов)</i>	Цифровая экономика: теоретико-правовые подходы	166
<i>Воронцова И.В. (Казань)</i>	О соотношении понятий «электронный суд» и «электронное правосудие»	167
<i>Воронин А.В. (Саратов)</i>	Автоматизированный поведенческий анализ в решении задач обеспечения справедливости правосудия в суде присяжных: ценностный подход с использованием глубинных нейронных сетей	169
<i>Байниязова З.С. (Саратов)</i>	О влиянии цифровой экономики на право и правовую систему	171
<i>Анисимова А.С. (Саратов)</i>	Правовая политика в сфере цифровизации права	172
<i>Нырков В.В. (Саратов)</i>	Двоичность правовой информации как методологический подход в исследовании проблем процессуально-правового регулирования, сопряженных с использованием информационных технологий	175

CONTENT

THE POLITICAL AND LEGAL LIFE OF SOCIETY

<i>Kodan S.V. (Ekaterinburg)</i>	Training course “Political science approach in the study of state and law” in the preparation of graduate students: goals, objectives, functions	8
<i>Malko A.V., Markunin R.S. (Saratov)</i>	The concept of legal policy in the field of building a system of legal responsibility of public authorities	13
<i>Trofimov V.V. (Tambov)</i>	Global instability as a mobilization factor in national state and legal systems (to the question of the conflicting social nature of political and legal context)	16
<i>Gruzdev V.V., Babichev D.A. (Kostroma), Levchenkov A.I. (Lugansk)</i>	Law and legality in unstable societies	23
<i>Shulzhenko Yu.L. (Moscow)</i>	Rule of parliament - basis of parliamentary	30
<i>Ponomarenkov V.A. (Samara)</i>	Biology motive of legal behavior	35

INTERNATIONAL LEGAL POLICY

<i>Vorotnikov A.A. (Saratov)</i>	International ecological principles: theory and practice of the constitutional realization	41
<i>Evstifeeva E.V., Dorodonova N.V. (Saratov)</i>	International legal policy in the field of biomedical and genomic research	44
<i>Lipkina N.N. (Saratov)</i>	Specific features of qualification of international legal norms on human rights as jus cogens	51
<i>Kosolapov M.F. (Saratov)</i>	Trends in the formation of the legal policy of the Russian state in the implementation of acts of “soft law”	56

BRANCH PROBLEMS OF LEGAL POLICY

<i>Osipov R.A. (Saratov)</i>	Theoretical-methodological basis of the conception of informational-legal policy in the Russian Federation	63
<i>Volos A.A. (Saratov)</i>	To the question of smart contracts and its legal value	67
<i>Varlamova E.V., Eresko P.V. (Saratov)</i>	Legal regulation of digital financial assets in Russia	71
<i>Petrov D.E. (Saratov)</i>	The processes of differentiation and integration in environmental and natural resource law	77
<i>Baryshnikova N.A., Pastushenko E.N., Zemtsova L.N. (Saratov)</i>	Law-making policy of the Central bank of the Russian Federation: actual problems	80

PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION – EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

<i>Gaivoronskaya Ya.V.</i>	Legal acts and lawmaking by a constituent entity: through a prism of new realia of legal regulation	96
<i>Samusenko T.M.</i>	Chair of Theory and History of State and Law of the Far Eastern Federal University: history, present time, future	104
<i>Ovchinnikov S.N.</i>	History of legal science: to the methodology of cognition	109
<i>Lobach D.V.</i>	On the issue of the prospect of criminalization of inhuman acts that constitute the concept of “crimes against humanity” in Russian criminal legislation	115
<i>Dorofeyeva M.A.</i>	Deliberation educational program as a means overcome functional illiteracy and to create critical and analytical thinking during the course “History of Russian state and law”	124

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Zueva Yu.V. (Nizhny Novgorod)</i>	Self-defense of the right: to the issue of legality and illegality	130
<i>Umanets V.S. (Saratov)</i>	The social nature of milder sentences in the context of Art. № 64 of the Criminal Code of the Russian Federation	135
<i>Selivanov I.Ya. (Saratov)</i>	Problematic issues of administrative responsibility of regional and municipal deputies	141

REVIEWS AND NOTICES

Review of methodological seminar on “Digital rights: research methodology” (Saratov, April 18, 2019)

<i>Soldatkina O.L. (Saratov)</i>	Digital law: research methodology	146
Speeches:		
<i>Malko A.V., Gorbunova M.Y. (Saratov)</i>	Encouragement of information technology’s using in the administration of justice’s process	150
<i>Afanasiev S.F. (Saratov)</i>	Digital law in the context of electronic audio recording in courts	154
<i>Kulapov V.V. (Saratov)</i>	Council of Europe recommendations for e-justice development	156
<i>Kovaleva N.N. (Saratov)</i>	Machine-readable law as a mechanism of smart regulation in the field of communication	158
<i>Borisova V.F., Kalmazova N.A. (Saratov)</i>	Background of the development of the Concept of legal regulation of e-justice	160
<i>Goloskokov L.V. (Moscow)</i>	Legal science paper, electronic, digital: what’s next?	161
<i>Lazareva O.V. (Saratov)</i>	Law as the will of the state companies in the digital realm	163
<i>Kuzmin I.A., Kuzmina E.S. (Irkutsk)</i>	Social and legal mapping in the methodology of humanitarian studies: digital contexts	164
<i>Mikhailov A.E. (Saratov)</i>	Digital economy: theoretical and legal approaches	166
<i>Vorontsova I.V. (Kazan)</i>	Concerning relationship between the concepts of «e-court» and «e-justice»	167
<i>Voronin A.V. (Saratov)</i>	Automated behavioral analysis in solving the tasks of ensuring justice in a jury trial: value approach using deep neural networks	169
<i>Bajnijazova Z.S. (Saratov)</i>	On the impact of the digital economy on the law and legal system	171
<i>Anisimova A.S. (Saratov)</i>	Legal policy in the field of digitalization of law	172
<i>Nyrkov V.V. (Saratov)</i>	The duality of legal information as a methodological approach in the study of the problems of procedural and legal regulation associated with the use of information technologies	175

• ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА •

С.В. Кодан,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской
Федерации,
профессор кафедры теории
государства и права
Уральского государственного
юридического университета

S.V. Kodan,
Doctor of Law, Professor, Honored
Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Theory of State and
Law Department of the Ural State
Law University
svk2005@yandex.ru

**Учебный курс «Политологический подход в
изучении государства и права» в подготовке
аспирантов: цели, задачи, функции***

***Аннотация:** предметная сфера статьи связана с подготовкой аспирантов-юристов в рамках обучения в аспирантуре. Автор показывает значение изучения политологического подхода в подготовке молодых ученых-юристов, значимость усвоения ими традиций и наработок научных школ различных гуманитарных наук в политологическом и юридическом направлениях. Особое внимание обращается на включение в образовательный процесс политико-правовых знаний. Акцент делается на содержании авторского учебного курса «Политологический подход в изучении государства и права», преподавание которого апробировано им при реализации образовательных программ в Уральском государственном юридическом университете в 2015–2019 гг. Показывается организация и распределение материалов в программе курса по учебным модулям, описываются формы по курсу, определяются критерии реализации программы курса.*

***Ключевые слова:** теория права, история права, отраслевые юридические науки, политология, взаимодействие политики и государства, взаимодействие политики и права, юридическая наука, юридическое образование.*

**Training course "Political science approach in
the study of state and law" in the preparation of
graduate students: goals, objectives, functions**

***Abstract:** the subject area of the article is related to the training of law graduate students as part of postgraduate education. The author shows the importance of studying the political science approach in the preparation of young legal scholars, the importance of their mastering the traditions and developments of the scientific schools of various humanities in the political science and legal direction. Particular attention is paid to the inclusion in the educational process of political and legal knowledge. The article focuses on the content of the author's training course "The political approach to the study of state and law", the teaching of which he tested in the implementation of educational programs in the Ural State Law University in 2015–2019. The organization and distribution of*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 18-011-00329 «Юридическое источниковедение: теория, методология и методика изучения носителей государственно-правовой информации».

materials in the course program for training modules is shown, the forms for the course are described, the criteria for the implementation of the course program are determined.

Keywords: *theory of law, history of law, branch legal sciences, political science, interaction of politics and the state, interaction of politics and law, legal science, legal education.*

Изучение взаимодействия права и политики стало одним из фундаментальных направлений в современной юридической науке. Пласт глубоких и разносторонних исследований определил и представил научной общественности широкую палитру научных работ по различным аспектам указанной проблемы. Введение их в процесс подготовки аспирантов является одним из первостепенных вопросов, связанных с подготовкой молодых ученых-юристов. Профессор А.В. Малько неслучайно подчеркивает, что «правообучающая форма правовой политики проявляется в подготовке юристов нового поколения, готовых творчески действовать в новой политико-правовой ситуации» [1, с. 217]. В рамках настоящей статьи представлено видение основных вопросов, связанных с преподаванием ее автором учебного курса «Политологический подход в изучении государства и права» в рамках аспирантуры в Уральском государственном юридическом университете в 2015–2019 гг.

Позиционирование учебного курса в программе подготовки аспирантов связано с необходимостью усиления внимания к использованию политологического подхода в изучении государственно-правовой системы общества. Делая акцент на междисциплинарных связях юриспруденции и политологии, данный подход позволяет сосредоточиться на сложных процессах влияния политических процессов и институтов на государственно-правовую систему общества. Именно поэтому учебный курс «Политологический подход в изучении государства и права» был включен в программу подготовки аспирантов в Уральской государственной юридической академии. Обратим внимание на то, что данный курс развивает подходы к изучению государства и права в контексте их взаимодействия с политикой, которые заложил основатель свердловской школы теории права С.С. Алексеев [2]. Особо следует отметить привлечение к преподаванию курса учебно-методических работ саратовской школы изучения правовой политики. В.А. Затонский и А.В. Малько относительно необходимости политических аспектов изучения права справедливо подчеркивают: «Правовая политика — научная и учебная дисциплина о понимании права, его возможностях, силе, направлениях его использования в соответствии с задачами, решаемыми современным российским обществом. Это научная и учебная дисциплина одновременно и мировоззренческого, и общетеоретического, и прикладного профиля, нацеленная на то, чтобы правовая политика в России приобрела подлинно научный, выверенный теорией и практикой характер» [3, с. 3].

Курс относится к вариативной части учебного плана аспирантуры, является обязательной дисциплиной учебного плана по направлению 12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и согласован с учебными дисциплинами как «Методология юридической науки» и «Юридическое источниковедение». Последний курс непосредственно связан с проблемами изучения носителей информации политико-юридического характера [4].

Целевые установки учебного курса ориентированы на изучение проблематики, находящейся в междисциплинарном пространстве политологии и юриспруденции.

Цель курса — освоение аспирантами комплекса политологических знаний, необходимых для успешного решения задач, связанных с использованием категорий политологии в сфере научно-исследовательской и педагогической деятельности, а также использование полученных знаний политологического характера в правотворческой и правоприменительной деятельности при разработке и проведении экспертизы нормативных правовых актов.

Профессиональные задачи, к которым готовится аспирант в ходе освоения дисциплины «Политологический подход в изучении государства и права», включают две группы, связанные с научными исследованиями и будущей педагогической работой.

В сфере научно-исследовательской деятельности: формирование у аспирантов цельного представления о взаимодействиях политических и государственно-правовых явлений и институтов; общее знакомство аспирантов с современной проблематикой взаимодействия политики, государства и права в гуманитарных науках в целом и в различных научных юридических дисциплинах; усвоение понятийно-категориального аппарата юридического источниковедения; формирование представлений о теоретических основаниях политико-юридических явлений, рассматриваемых в юридической науке как «политика права», «правовая политика», «юридическая политика», их соотношения и особенностях понимания взаимодействий политических и государственно-правовых явлений; направлениях и характеристике отдельных направлений юридической политики, их значении в развитии государственно-правовой сферы жизнедеятельности общества в целом и отдельных юридических институтов, правосознания и правовой культуры; изучение методологических принципов, конкретных методов и методик использования политологических подходов в анализе государственно-правовых институтов в научно-исследовательской и педагогической деятельности.

В сфере педагогической деятельности: методически компетентно в процессе преподавания юридических дисциплин строить учебные занятия с использованием полученных знаний по изученному курсу; уметь показать роль политики и политических институтов в контексте их взаимодействия с государственно-правовыми институтами в процессе подготовки юристов; обеспечить понимание обучающимися

значения и особенностей юридической политики и отдельных ее видов носителей государственно-правовой информации; показать в ходе преподавания учебного курса методологию работы с носителями политико-идеологической информации; сформировать у обучающихся навыки самостоятельного поиска и обработки носителей политико-идеологической информации.

Модульная организация материала учебного курса предусматривает выделение отдельных разделов, содержание которых представлено в рамках структурных элементов лекционного курса (в форме лекций-дискуссий), и соответствующих им семинарских и практических занятий (в различных формах обучения на проблемной основе), а также письменной промежуточной, и итоговой отчетности.

Первый модуль — «Политика, идеология, государство, право в социальном управлении и нормировании отношений» — предполагает рассмотрение следующих вопросов: общие подходы к пониманию политики; исторические истоки взаимодействия политики, государства и права; политика и идеология как факторы государственно-правового развития общества; государство и позитивное право, как инструменты реализации политики; политическая и государственно-правовая система общества.

Второй модуль — «Теоретические подходы к изучению взаимодействия политики и государственно-правовых процессов и институтов в истории юридической науки и современном правоведении» — обращает внимание аспирантов на такие проблемы, как: изучение взаимодействий политики государства и права как историческая традиция юриспруденции; современные научные школы и направления изучения и понимания взаимодействия политики, государства и права; понятие, формы и направления реализации юридической политики; характеристика отдельных видов юридической политики.

Третий модуль — «Политический анализ в изучении государственно-правовых явлений и институтов и прикладной юридической деятельности» — ориентирует аспирантов на практическое применение получаемых знаний и включает обращение к вопросам следующего характера: понятие, уровни, направления политического анализа и его использование в юриспруденции; методологические и методические подходы к проведению политического анализа государственно-правовых явлений и институтов; политический анализ в юридическом исследовании и прикладной деятельности юриста.

Подведение итогов освоения учебного курса включает участие аспирантов в трех круглых столах с обсуждением предложенных преподавателем проблемным вопросам с дифференцированной (балльной) оценкой их обсуждения, является первым основанием для зачета. Также аспиранты выполняют реферат с теоретическим анализом и обоснованием политико-юридических проблем диссертационного исследования, зачет которого с учетом полученных баллов выступает в

качестве второго основания для зачета. Набрав 75 % процентов от необходимого количества баллов, аспирант получает зачет по дисциплине.

Критерии освоения учебного курса предусматривают готовность аспиранта к использованию полученных знаний в системе координат основной триады. Предполагается, что после освоения дисциплины молодой ученый должен: знать основные категории, понятия политологии во взаимосвязи с изучением государственно-правовых явлений и институтов, позволяющие анализировать проявления в них политики и идеологии; уметь анализировать политические основания и проявления политики и аргументированно раскрывать их влияние на формирование и развитие государственно-правовых явлений и институтов при проведении научных исследований; владеть устойчивыми навыками знания и применения аналитических средств в анализе государственно-правовых явлений и институтов как инструмента закрепления и проведения в жизнь политических решений при проведении научных исследований в юридической сфере.

Итак, преподавание учебного курса «Юридическое источниковедение» в рамках реализации Федерального государственного образовательного стандарта подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре позволяет в процессе подготовки к педагогической и научной деятельности сконцентрировать внимание на политико-юридических проблемах изучения государственно-правовых явлений и институтов в теоретическом и прикладном планах. Освоение указанного курса выступает предпосылкой формирования знаний, умений и навыков аспиранта как будущего исследователя и преподавателя.

Список литературы:

1. Малько, А.В. Теория правовой политики / А.В. Малько. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 328 с
 2. Алексеев, С.С. Основы правовой политики в России. Курс лекций / С.С. Алексеев. — М., Екатеринбург: Де-Юре, 1995. — 128 с.
 3. Затонский, В.А. Правовая политика: основы теории и практики: учебно-методический комплекс / В.А. Затонский, А.В. Малько. — М.: Проспект, 2015. — 352 с.
 4. Кодан, С.В. Учебный курс «Юридическое источниковедение» в реализации государственных образовательных стандартов по подготовке аспирантов в юридическом вузе (из практики Уральского государственного юридического университета) // Современное образование. — 2018. — № 4. — С. 171–181.
-

А.В. Малько,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН

Р.С. Маркунин,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
государства и права Саратовской
государственной юридической
академии

A.V. Malko,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian
Federation, Director of the Saratov
branch Institute of State and Law of RAS
i_gp@ssla.ru

R.S. Markunin,
Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory State and rights of Saratov
State Law Academy
markunin88@yahoo.com

Концепция правовой политики в сфере построения системы юридической ответственности органов публичной власти: о необходимости формирования*

Аннотация: статья посвящена основным направлениям деятельности правовой политики в сфере регулирования вопросов юридической ответственности органов публичной власти. Обосновывается необходимость построения общей системы юридической ответственности, которая отличалась бы наличием тесной связи структурных элементов. Проанализированы особенности проявления позитивного и негативного аспектов юридической ответственности в рамках единой системы. Делается вывод о важной роли правовой политики в процессе создания единой системы юридической ответственности, ориентированной на обеспечение эффективной деятельности властных субъектов.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правовая политика, системный метод, государственный орган, публичная власть, парные категории.

The concept of legal policy in the field of building a system of legal responsibility of public authorities

Abstract: the article is devoted to the main activities of the legal policy in the field of regulation of the legal responsibility of public authorities. The necessity of building a common legal liability system, which would be distinguished by the close connection of the structural elements of the system, is substantiated. The features of the manifestation of positive and negative aspects of legal responsibility within a single system are analyzed. In conclusion, it is concluded that the important role of legal policy in the process of creating a unified system of legal responsibility, focused on ensuring the effective operation of power subjects.

Keywords: legal responsibility, legal policy, system method, state body, public authority, pair categories.

**Вопрос об ответственности органов публичной власти
всегда занимал особое место в правовых исследованиях. Деятельность**

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

данных органов может быть связана с коренными преобразованиями в общественной жизни всего общества, в связи с чем появляется необходимость создания гарантий, обеспечивающих функционирование властных субъектов исключительно в правовых рамках и с максимальным уровнем эффективности. Поддерживать подобные высокие показатели работы публичных органов становится возможным благодаря верно выстроенной правовой политике в этой сфере.

При решении вопросов юридической ответственности правовая политика должна основываться на использовании системного метода познания. Современное состояние общественной жизни характеризуется существованием огромного количества системных явлений, в связи с чем правила проведения научных исследований должны отражать эту тенденцию [1, с. 50]. Системный подход выступает методологической концепцией, основанной на стремлении создать целостную картину интересующего нас объекта как единого «организма» с установлением его структурных элементов, связей между ними и выявлением особенностей взаимодействия системного явления с внешней средой [2, с. 9]. В нашем случае юридическая ответственность рассматривается обособленно от окружающей среды с присущими ей системными свойствами в виде целостности, связанности элементов, устойчивости ее структуры и т.д. По этой причине правовая политика в области регулирования юридической ответственности должна быть сосредоточена на закреплении основных структурных элементов системы ответственности. Раскрытие особенностей структуры системного явления показывает определенные взаимосвязи, взаиморасположение составных частей системы. Система юридической ответственности публичных органов власти включает в себя такие элементы, как: субъект ответственности, основания, меры и процедуру их реализации.

Проводимая правовая политика должна учитывать процесс постоянного взаимодействия системы юридической ответственности с системами более высокого уровня, в частности с системой права. Своеобразие структурных элементов системы права, а именно правовых норм, оказывает непосредственное влияние на особенности закрепления в действующем законодательстве структурных элементов системы юридической ответственности. Это происходит по причине того, что элементы системы ответственности органов публичной власти в виде оснований, мер, процедуры реализации и самого субъекта ответственности выражаются посредством правовых норм, которые являются элементами системы права. Одновременно с этим можно наблюдать обратное влияние со стороны системы юридической ответственности, поскольку своеобразное сочетание структурных элементов данной системы приводит к формированию различных видов ответственности (уголовная, конституционная и т.д.), что в свою очередь сказывается на системе права.

Помимо этого следует учесть тот факт, что в связи с существованием принципа федерализма в Российской Федерации региональные государственные органы формируют самостоятельные системы юридической

ответственности властных субъектов, которые отличаются друг от друга рядом особенностей. На федеральном уровне сводится к минимуму определение и регламентация структурных элементов системы ответственности. Федеральные нормативно-правовые акты могут не содержать конкретных оснований и установленных процедур реализации мер ответственности в отношении региональных органов и должностных лиц, тем самым обеспечивая существование систем более низкого уровня с индивидуальными чертами и уникальными свойствами.

На результативность системы юридической ответственности органов власти также влияет учет правовой политикой двойного проявления юридической ответственности в виде ее позитивной и негативной составляющих. Позитивная юридическая ответственность выступает гарантией качественного уровня исполнения обязанностей властными субъектами до совершения противоправного деяния. В случае несоблюдения обязанностей ответственность осуществляет переход к своему негативному проявлению, в котором реализуются иные цели, связанные с карой и обеспечением недопустимости повторения данных деяний в будущем. Понимание подобного перехода важно в процессе построения системы, поскольку такая противоположность одного явления дает представление о парности его внутренних категорий. Парность является выражением противоречивого характера каждого проявления юридической ответственности. Одна категория реальна лишь при наличии неразрывной связи со второй [3, с. 248]. Правовая политика, рассматривающая при построении системы юридической ответственности лишь негативное ее проявление, будет отличаться односторонностью и недальновидностью.

На основании изложенного считаем, что концепция правовой политики в сфере построения системы юридической ответственности органов публичной власти должна предусматривать:

1. Анализ действующего состояния системы юридической ответственности властных субъектов с учетом имеющихся на данный момент достоинств и недостатков.

2. Соблюдение всех правил общей теории систем в процессе создания единой системы юридической ответственности публичной власти. Система при этом должна рассматриваться в виде идеальной абстрактной конструкции, включающей в себя взаимосвязанные структурные элементы, деятельность которых сосредоточена на достижении единой цели.

3. Формирование основных направлений правовой политики, в частности:

- a) учет присутствия двух разновидностей проявления юридической ответственности в виде позитивного и негативного аспектов, между которыми происходит постоянное взаимодействие и переход от одного к другому;

- b) проведение мониторинга на наличие обязательных структурных элементов системы ответственности органов публичной власти в виде: субъекта, основания, меры ответственности и процедуры ее реализации;

в) отражение в действующем законодательстве тесной взаимосвязи системы юридической ответственности и иных элементов, которые способны оказывать на нее непосредственное влияние.

4. Перспектива дальнейшего развития системы юридической ответственности органов публичной власти, определение степени ее изменчивости под воздействием внешних факторов.

В заключение следует сказать, что действующее законодательство, регулирующее вопросы юридической ответственности органов публичной власти, нуждается во внесении ряда изменений. Проводимая правовая политика по совершенствованию нормативно-правовых актов должна быть ориентирована на создание единой системы юридической ответственности с соблюдением основных правил построения системных явлений, одновременно учитывая определенную специфику субъекта ответственности. Результатом подобных изменений станет закрепление на законодательном уровне дополнительных гарантий по обеспечению результативной деятельности органов публичной власти и повышению эффективности всей правовой системы в целом.

Список литературы:

1. Маркунин, Р.С. Система юридической ответственности судебной власти // Российская юстиция. — 2018. — № 7. — С. 50–52.
2. Губарев, В.В. Системный анализ в экспериментальных исследованиях: учеб. пособие / В.В. Губарев. — Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2000. — 99 с.
3. Розенталь, М.М. Принципы диалектической логики/ М.М. Розенталь. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. — 477 с.

В.В. Трофимов,

*доктор юридических наук, доцент,
директор Научно-исследовательского
института государственно-
правовых исследований,
профессор кафедры теории и
истории государства и права
Тамбовского государственного
университета имени Г.Р. Державина*

V.V. Trofimov,

*Doctor of Law, Associate Professor,
Director of Scientific Research
Institute of State-Legal Research,
Professor of the Department of theory
and history of state and law of Tambov
State University
named G.R. Derzhavin*

Глобальная нестабильность как фактор мобилизации национальных государственно- правовых систем (к вопросу о конфликтной социальной природе политико-правового контекста)*

Аннотация: в статье рассматривается вопрос влияния конфликтных отношений между государствами на общее состояние миропорядка, характеризующее на современном этапе развития как ситуация глобальной нестабильности. В свою очередь,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

устанавливается, что подобное состояние глобальной нестабильности ориентирует многие национальные государства на мобилизационные действия, направленные на приведение своих государственно-правовых систем к более высокому уровню качественных характеристик, внутренней упорядоченности и устойчивости. Для проводимого научного анализа в работе применяется современный социолого-правовой подход, в рамках которого многие правовые процессы оцениваются с позиции коммуникативных (социально-интерактивных) предпосылок. Указываются основные типы конфликтов, возникающих между государствами на международной арене.

Ключевые слова: государство, право, государственно-правовая система, государственно-правовая жизнь, глобализация, мобилизация права, социально-правовая интеракция, коммуникация, конфликт, правовые средства.

Global instability as a mobilization factor in national state and legal systems (to the question of the conflicting social nature of political and legal context)

Abstract: *the article considers the issue of the influence of conflict relations between states on the general state of the world order, which is characterized at the present stage of development as a situation of global instability. In turn, it is established that such a state of global instability orients many nation states to mobilization actions aimed at bringing their state legal systems to a higher level of quality characteristics, internal orderliness and sustainability. For the conducted scientific analysis, a modern socio-legal approach is applied in the framework of which many legal processes are evaluated from the position of communicative (social-interactive) prerequisites. The main types of conflicts arising between states in the international arena are indicated. The author analyzes the problem of national sovereignty and ways to maintain it at the appropriate level, including with the help of certain state-legal instruments.*

Keywords: *state, law, state and legal system, state and legal life, globalization, mobilization of law, social and legal interaction, communication, conflict, legal means.*

Динамика государственно-правовых систем России, других стран и мира в целом обуславливается воздействием различных объективных и субъективных, внешних и внутренних, позитивных и негативных и прочих факторов. В результате этого факторного влияния происходят процессы формирования новых государственно-правовых институтов и учреждений, а также воспроизводство и трансформация существующих государственно-правовых форм. Одним из таких значимых факторов государственно-правовой жизни (в ее системных и несистемных проявлениях) человеческого общества на современном этапе цивилизационного развития являются сложные и во многом противоречивые глобализационные процессы. Так, становление новых государств и национальных правовых систем сопровождается ломкой старых устоявшихся государственно-правовых форм (например, формирование украинской государственности связано с постепенной трансформацией государственного устройства территории страны); глобализации сопутствует встречный процесс регионализации (например, кризисные явления в Европейском союзе в связи с усиливающимися «exit» тенденциями); конвергенция и интенсификация на одних уровнях госу-

дарственно-правовой жизни общества сочетается с деконструкцией и диффузией (дисфункцией) на других участках и т.п.

Современное состояние мира в целом можно охарактеризовать в качестве ситуации перманентной глобальной нестабильности, что признается многими исследователями и чему находятся разные причины [1]. Не случайно, что сегодня в отечественной и мировой социально-гуманитарной науке это один из самых обсуждаемых феноменов, поскольку в завершение второго десятилетия XXI столетия нестабильности (разнообразных экономических, политических, военных и прочих кризисов) в мире стало не меньше, а существенно больше, даже по сравнению с началом третьего тысячелетия, что не может не беспокоить мировую общественность [2].

Онтологическая природа данного состояния глобального миропорядка, как представляется, во многом очевидна — это прежде всего конфликт интересов государств (в особенности — ведущих), стремящихся занять приоритетное положение и диктовать свою политику (властную волю) другим участникам глобального пространства, в силу чего мировая система оказалась ввергнута в ситуацию перманентной турбулентности. И хотя порой участники мирового взаимодействия (международные акторы) пытаются найти те или иные точки соприкосновения, установить консенсус, выгодный для каждой из сторон, выработать определенную линию сотрудничества, в силу чего периодически наступает своего рода «сезон затишья», это продолжается, как правило, недолго. Вновь вызревают и идут полным ходом социально-политические конфликты внутри стран (сегодня, например, Франция демонстрирует внутренний конфликт власти и общественной оппозиции, представленной так называемыми желтыми жилетами), военные конфликты между государствами и т.п.

Существующая динамика развития государственно-правовой жизни выражает последовательную смену ситуаций конфликтов и согласия в обществе. Согласно универсальным социальным законам всеобщие государственные и социально-правовые процессы строятся и осуществляются именно в силу этих двух базовых стратегий функционирования социально-интерактивных систем: стратегии конфликта и стратегии сотрудничества. От преобладания какой-либо из них на практике зависит в конечном счете тот преимущественный характер, который примет за основу функционирования та или иная национальная государственно-правовая система и международная государственно-правовая система в целом [3].

Социальные субъекты, конфликтуя или устанавливая связи сотрудничества, влияют на правовую картину мира, внося (внедряя) в нее либо элементы мер государственно-правового воздействия, предотвращающие или разрешающие конфликты (если они доминируют на практике), либо обогащая мировую правовую жизнь новыми соглашениями и договорами о сотрудничестве (конвенциональными юридическими формами), если преобладает международная солидарность, согласие и взаимоуважение между странами. Каждой из стран,

по сути, необходимо выстраивать ту «линию поведения», которая будучи нацелена на сохранение собственной идентичности (суверенности), что предполагает реализацию активной роли в международной политико-правовой интеракции, а значит готовность к возможному конфликту (навязанному или инициированному) и умение удерживать свои позиции в ходе такового, вместе с тем учитывала бы также интересы других участников взаимодействия и была ориентирована на сотрудничество. Это стало бы гарантией и собственного эффективного развития. Как справедливо замечает В.Д. Зорькин, обрисовывая перспективы развития России в условиях существующей в современном мире социальной турбулентности (характеризуя, придерживаясь социально-политической концепции У. Бека [4], это состояние мирового социума как «глобальное общество риска»): «Нормальное правовое развитие России обусловлено выстраиванием верного баланса между конкуренцией и сотрудничеством с правовыми системами других стран» [5, с. 6].

Интерактивно-социальный уровень мировых государственно-правовых процессов — это их ипостась, та предельная социальная (во многом — социально-психологическая, поскольку «замешана» на межличностном взаимодействии) основа, на которой выстраиваются все экономические, политические, культурные и прочие отношения между различными социальными акторами. Глобальные процессы взаимодействия (коммуникации) здесь лишь подтверждение общего закона функционирования социальных систем, на фоне действия которого право проявляет свою энергию и силу [6]. В этом смысле резонно солидаризироваться именно с тем определением понятия глобализации (автор — Ф. Лапорта [7]), которое высвечивает коммуникативную природу данного процесса, раскрываемого «как идущего поверх установленных государственных границ сложного и всеобъемлющего процесса человеческого взаимодействия, определяющего существование совокупности политических, культурных и общественных связей, приоритетность которых по отношению к местным, региональным, национальным ограничениям обеспечивает условия для создания новой транснациональной цивилизации» [6, с. 19].

Несомненно, попытки сближения, мирного решения государственно-правовых проблем, опосредованных глобальными процессами, имеют место, но, к сожалению, они пока «уступают» конфликтному способу существования (политико-правовой самоидентификации). Та сторона глобальной правовой жизни, которая связана с конфликтом, конкуренцией, порой достаточно агрессивной (что предстает в некотором смысле в качестве превратно понятой отдельными участниками международной арены задачи: «отстоять» свое место в мировом разделении труда, в мировой системе координат, порой игнорируя интересы «других», используя при этом правовые или, лучше сказать, квазиправовые инструменты для решения проблем), сегодня выступает одной из доминирующих тенденций социально-правового взаимодействия в глобальном масштабе. Так, в качестве примера можно привести юридические решения МВФ и Еврогруппы по разрешению экономи-

ческого кризиса на Кипре, которыми были фактически инициированы действия по экспроприации банковских вкладов (в противоречие со всеми стандартами по обеспечению права собственности). «В данном случае, — как верно отмечает В.Д. Зорькин, — уместнее говорить не о правоустановлении, а о нормоустановлении. Ведь в отличие от процессов правообразования или правотворчества, в рамках которых формируется правовой обычай или создается закон как итог демократической процедуры согласования позиций всех заинтересованных сторон, здесь мы имеем дело скорее с бюрократическим решением властных инстанций, способных утвердить его силой своего авторитета» [5, с. 438]. И именно этой стороной государственно-правовой жизни во многом определяется, на наш взгляд, перспектива развития национальных систем государства и права.

В.Д. Зорькин выделяет в современном глобальном мире три основных направления конкуренции как национальных, так и региональных (и во внутригосударственном, и в международном значении) правовых систем. Первое направление — конкуренция за потоки инвестиций. Второе направление — конкуренция за технологические потоки (имеются в виду и производственные, и социальные технологии). Третье направление — конкуренция за потоки всего того, что может в совокупности именоваться гражданской, политической, экономической, социальной лояльностью на основе правовой легитимности (имеется в виду конкуренция различных правовых систем за активную лояльность граждан к своим странам и их государственно-правовым системам). К этим направлениям конкуренции примыкает множество направлений конкуренции «второго порядка», находящихся на стыке трех основных. Во всех этих «конкурентных сферах» используются «право» и «социально-правовые технологии», позволяющие субъектам находить те или иные «конкурентные преимущества», либо минимизировать таковые у других, параллельно с этим вырабатываются и соответствующие наднациональные регуляторы [5, с. 450–451].

Существующие конфликтные отношения между странами (государствами) или населяющими их людьми сами по себе отрицательны, но вместе с тем и они не исключают конструктивного начала. Конфликты, в свою очередь, приводят к возникновению иных международно-правовых институтов и регуляторов, функцией которых является предотвращение возможных конфликтов либо их разрешение, в том числе посредством санкций, негативных обзвываний и запретов на осуществление той или иной социально-политической, социально-экономической и прочей активности. Несмотря на отрицательный характер конфликтных процессов, они также составляют содержание государственно-правовой жизни и обуславливают в существенной степени ее диалектику, закономерности развития (эволюции). Иное, наверное, и невозможно, по определению, так как всегда происходит столкновение различных по своей направленности интересов разных социальных акторов.

Влияние фактора глобализации на государственно-правовую жизнь довольно значительно и неоднозначно. Как замечает В.Е. Чиркин:

«Наряду с множеством факторов на развитие государства и права в отдельных странах и в международном масштабе важное влияние оказывают три процесса: модернизация, глобализация и интеграция. Каждый из них может иметь и положительные, и отрицательные стороны. Модернизация иногда приобретает одностороннюю форму вестернизации (от слова «western» — западный), интеграция может приводить к излишней зависимости (это мы наблюдаем сейчас в России), глобализация иногда жестко ломает привычный уклад, социокультуру» [8, с. 7].

Глобализация в этом аспекте (отражая алгоритм взаимодействия — противостояния) порождает целый ряд проблем социального и политического характера, дает основание «задуматься» странам о собственном национальном суверенитете. И это также вытекает из природы того взаимодействия (в данном случае — макровзаимодействия), которое происходит на уровне стран. Как замечает П. Бергер: «Не может быть сомнения в том, что экономические и технологические преобразования, которыми обусловлено само явление глобализации, породили серьезные социальные и политические проблемы, такие как разделение на победителей и проигравших (как в пределах одного общества, так и между сообществами) и вызов традиционным представлениям о национальном суверенитете» [9, с. 9].

В результате — национальное право (которое во многом входит в зависимость от наднационального права [8]), как правило, формирует арсенал средств для предотвращения известных рисков (угроз) для национальной безопасности (экономические, финансовые, военные и прочие механизмы, определяемые правовыми формами [10; 11]). Как замечает В.Е. Чиркин: «По отношению к государству и праву эти процессы (автор имеет в виду процессы модернизации, глобализации и интеграции. — Уточнение наше. — В. Т.), в том числе и из-за сопротивления глобализации, ведут к возрастанию значимости социокультурных правовых ценностей разных страновых правовых систем и региональных семей» [8, с. 7].

Наблюдается тенденция к формированию новых геополитических интересов государств, связанная с истощением собственных природных ресурсов, прогнозируемыми климатическими изменениями, что позволяет предполагать в дальнейшем усиление притязаний одних государств на части территорий других государств, располагающих огромными незаселенными территориями и запасами природных и жизненно важных ресурсов. Прогнозирование подобных геополитических изменений требует уже сегодня разработки комплекса согласованных мероприятий по противодействию скрытой «интервенции» некоторых иностранных государств в отдельные регионы других государств, в том числе и Российской Федерации [12]. Заметны и иные формы реагирования на последствия глобальной нестабильности и общий конфликтный образ современного межгосударственного обмена [13; 14].

В итоге это приводит к объективной мобилизации национальных государственно-правовых систем (не говоря о том, что глобализация

приводит к трансформациям национального государства по различным сценариям [15]), что выражается, во-первых, в стремлении усилить систему государственного правового регулирования в стране (повысить эффективность права); во-вторых, во введении ряда законодательных ограничений (в том числе санкционного характера) на иностранное (чужеродное) влияние со стороны политики, бизнеса, государственно-правовых стандартов; в-третьих, в создании определенных превентивных механизмов, не позволяющих вносить в государственно-правовую систему страны (в право, правосознание, юридическую практику) негативных и энтропийных тенденций (например, в этом ключе можно рассматривать недавно принятые поправки в информационное законодательство [16]) и пр. Таким образом, как это ни парадоксально, но социальный конфликт одновременно с деструктивной стороной несет в себе и определенный конструктивный заряд — в данном случае, присутствуя в практике межгосударственного взаимодействия и порождая глобальную нестабильность, конфликт опосредованно ориентирует государственно-правовые системы на мобилизационные мероприятия, на упрочение основ собственной государственности и права, что абсолютно оправданно, ибо победу в конфликте может одержать только более сильная сторона или по меньшей мере не проиграть, что в условиях глобальной турбулентности вполне можно рассматривать как экзистенциальный выигрыш.

Список литературы:

1. Данилов, А.Н. Глобальная нестабильность — порождение системной трансформации постсоветского мира // Социологическая наука и социальная практика. — 2018. — № 1. — С. 37–52.
2. Степин, В.С. XXI век — радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения (18–20 мая 2017 г.). — СПб.: СПбГУП, 2017. — С. 185–189.
3. Трофимов, В.В. Солидарный и конфликтный типы коммуникации и право: закономерные связи // Правоведение. — 2015. — № 3. — С. 6–21.
4. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
5. Зорькин, В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография / В.Д. Зорькин. — М.: Норма, 2013. — 496 с.
6. Поляков, А.В. Верховенство права, глобализация и проблемы модернизации философии и теории права // Правоведение. — 2013. — № 4 (309). — С. 18–30.
7. Лапорта, Ф. Глобализация и верховенство права. Некоторые сомнения вестфальца // *Philosophi of Law Issues. An International Journal.* — Vol. IV-V. — Kyiv — Чернівц: Рута, 2008. — С. 34–50.
8. Чиркин, В.Е. Наднациональное право и государственный суверенитет (некоторые проблемы теории) / В.Е. Чиркин. — М.: Норма : Инфра-М, 2017. — 40 с.
9. Бергер, П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 379 с.

10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2009. — № 20, ст. 2444.

11. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 1, ч. 2, ст. 212.

12. Васильева, Л.Н. К вопросу о мерах по противодействию культурной экспансии иностранных государств на территорию Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2009. — № 3. — С. 8–11.

13. Горбунова, О.Н. Проблемы совершенствования финансового законодательства в условиях развивающегося мирового финансового кризиса // Право и государство: теория и практика. — 2009. — № 3 (51). — С. 64–76.

14. Беляева, Т.Н. Управление ликвидностью российского банковского сектора в условиях глобальной нестабильности / Т.Н. Беляева, Е.В. Веселова // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. — 2010. — № 3 (23). — С. 35–39.

15. Осветимская, И.И. Основные модели трансформации национального государства в перспективе установления глобального порядка // Правоведение. — 2013. — № 4. — С. 51–63.

16. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ // Российская газета. — Федеральный выпуск № 97 (7855) от 7 мая 2019 г.

В.В. Груздев,
*доктор юридических наук, профессор,
проректор по научной работе
Костромского государственного
университета*

Д.А. Бабичев,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной и
правоохранительной деятельности
Костромского государственного
университета*

А.И. Левченков,
*кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права
Луганской академии внутренних дел
имени Э.А. Дидоренко*

V.V. Gruzdev,
*Doctor of Law, Professor,
Vice-Rector for Research of Kostroma
State University*

D.A. Babichev,
*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of Judicial
and Law Enforcement activities of
Kostroma State University*

A.I. Levchenkov,
*PhD in Law, Professor,
Head of the Department of Theory
and History states and law of Lugansk
Academy of Internal Affairs named
after E.A. Didorenko*

Правопорядок и законность в нестабильных социумах

Аннотация: в статье предлагается авторское видение проблемы правопорядка и законности в государствах переходного типа (нестабильных социумах). Подвергнута сомнению широко распространенная в научном сообществе точка зрения о том, что конечной целью правового регулирования выступает установление в обществе устойчивого и действенного правопорядка. По мнению авторов,

данная точка зрения не соответствует ни теории, ни практике современного видения движения политико-правовой материи как внутри государства, так и на международной арене. В статье утверждается, что правопорядок является только средством (инструментарием) достижения нужной упорядоченности и эффективного функционирования экономической и социально-политической систем, существующих в конкретном обществе. Реализуя правоохранительную функцию правопорядка, государство обязано обеспечить безопасность всем участникам производства материальных и духовных благ. Авторы приходят к выводу, что в современной Украине и подобных ей государствах режим законности, на котором базируется правопорядок, прямо зависит от политического режима и направленности его действия. В государствах с ограниченным суверенитетом на качество и формы проявления правопорядка влияет мировой правопорядок.

Ключевые слова: правопорядок, законность, правовое регулирование, общественный порядок, мировой правопорядок, социальный правопорядок, глобализация, нестабильный социум, государство переходного типа.

Law and legality in unstable societies

Abstract: *the article proposes the author's vision of the problem of law and order and legality in transitional states (unstable societies). A widespread point of view in the scientific community that the ultimate goal of legal regulation is the establishment of a stable and effective rule of law in society is questioned. The authors believe that this point of view does not correspond to the theory or practice of the modern vision of the movement of political and legal matter both within the state and in the international arena. The article argues that the rule of law is only a means (tools) to achieve the necessary orderliness and effective functioning of the economic and socio-political systems that exist in a particular society. By implementing the law enforcement function of the rule of law, the state is obliged to ensure the safety of all participants in the production of material and spiritual goods. The authors come to the conclusion that in modern Ukraine and the states like the rule of law on which the rule of law is based, it directly depends on the political regime and the direction of its action. In countries with limited sovereignty, the rule of law affects the quality and forms of law enforcement.*

Keywords: *law and order, legality, legal regulation, public order, world law and order, social law and order, globalization, unstable society, transitional state.*

В современных условиях как на практическом, так и на научно-теоретическом уровне проблема правопорядка становится одной из наиболее актуальных и обсуждаемых, что связано со многими причинами. Во-первых, согласно западноевропейской научной доктрине в глобализованном мире должен быть единый всепланетарный социальный и правовой порядок. Всеобъемлющая экономическая интеграция всех стран мира должна неизбежно найти свое выражение и закрепление как в политических, так и в юридических формах. Политико-юридической основой глобализованного мира должен стать «мировой правовой порядок». Во-вторых, деинтеграционные процессы как антипод глобализационным процессам неизбежно приводят к разрушению общественного и правового порядка в периферийных и полупериферийных государствах. В-третьих, феномен Украины и других стран, пострадавших от цветных революций, требует тщатель-

ного анализа разносторонних процессов, происходящих в этих государствах, в том числе и кропотливого анализа такой категории, как правопорядок. В-четвертых, категорию правопорядка необходимо исследовать в тесной взаимосвязи и взаимодействии с такими понятиями, как общественный порядок, социальный порядок, мировой правопорядок и законность.

В современных учебниках по теории государства и права понятие «правопорядок» определяется как состояние (режим) правового упорядочивания (урегулированности) системы общественных отношений, которые складываются в условиях реализации законности. С этим определением правопорядка можно согласиться, хотя тезис о том, что он (правопорядок) складывается только в условиях законности и прямо зависит от нее, достаточно полемичен.

Что касается правопорядка как конечной цели правового регулирования, то это утверждение, пожалуй, уже не соответствует современным реалиям и уровню развития гуманитарных наук.

В государствах переходного типа правопорядок не может характеризоваться в полной мере реальным уровнем законности, обеспечением и реализацией субъективных прав, соблюдением юридических обязанностей всеми гражданами, органами и организациями. В нестабильных социумах законность и правопорядок не являются главными условиями и средствами максимально полного обеспечения прав и свобод граждан в силу доминирования в обществе политических и социально-экономических отношений, а также постоянно усиливающегося внешнего воздействия на государства и национальный правопорядок со стороны высокоразвитых государств. Режим законности в нестабильных социумах прямо зависит от политического режима, существующего в стране. Антидемократический политический режим предопределяет содержание, форму и пути реализации правопорядка. В таком случае речь идет об установлении антинародного правопорядка, диктаторского, с видимостью присутствия законности либо полного ее игнорирования.

В советской и современной юридической литературе, как правило, конечной целью правового регулирования принято считать правопорядок, его действенность [1, с. 50–51]. Правопорядок — это основанная на юридических нормах, идеях, ценностях и идеалах такая институциональная организация общества, которая обеспечивает упорядоченность социальных отношений и отражает специфику и закономерности развития социально-культурной системы. В.Я. Любашиц выделяет два уровня правопорядка. Публичный — официально задекларированный и институционально признанный, идеи и содержание которого культивируются в жизнедеятельности социальных субъектов; скрытый — такой, что отражает реальное положение дел и расстановку социальных сил, стратегии и неофициальные практики, отношения социальных субъектов [2, с. 13–17].

Несмотря на эти новации, утверждение профессора В.А. Любашица все же вписывается в старую парадигму, хотя проблема правопорядка в этом случае решается на более высоком качественном уровне. То есть сегодня социально-инструменталистский подход к пониманию и определению эффективности права (и цели правового регулирования) доминирует как в теоретических, так и в эмпирических исследованиях [3, с. 191–196]. В.Я. Любашиц, О.Е. Лейст, В.В. Борисов употребляют также понятие «национальный правопорядок», что не меняет сущности понятия и цели правового регулирования, а подчеркивает тип правопонимания, укорененного в национальном мироощущении, и тип политического и юридического мышления [4, с. 652; 5, с. 39].

Рассматривая проблему правопорядка, на наш взгляд, целесообразно обратить внимание на следующее: правопорядок — это составная часть общественного порядка. Анализ правопорядка следует не только осуществлять на нормативном уровне, но и учитывать общесоциальные характеристики, потому что он является составной частью общества, несет на себе отпечаток тех ценностей, идей, принципов, основ и традиций, на основе которых существует и функционирует вся социальная система [4, с. 653]. Такой интегративный, широкий взгляд на правовую упорядоченность общественных отношений связан с тем, что далеко не все сферы социальной жизни, входящие в правопорядок или активно влияющие на него, регламентированы нормативными актами. В правопорядке довольно много общесоциальных тенденций, характеристик, которые не имеют чисто юридического содержания, но без которых он невозможен [6, с. 563].

Установление определенного общественного порядка — тоже не самоцель (и не только промежуточная цель), а средство и состояние упорядоченности общественных отношений в социуме, которые необходимы для обеспечения его цивилизационного существования (то есть для поступательного, прогрессивного воспроизведения материальной и духовной жизни человека). При этом следует помнить, что в государствах переходного типа правопорядок является очевидной, главной (и в количественном, и в качественном измерении) составной частью общественного порядка, потому что он строится и обеспечивается преимущественно за счет действия правовых, а не других социальных норм. Вместе с тем государства переходного типа часто наблюдается наличие противоречий между правовыми нормами (государственное, официальное, правовое регулирование) и нормами религиозными, корпоративными и моральными. Есть также противоречие между официальным правовым регулированием и теневым (неправовыми практиками). Очень важно, чтобы «неправовые» практики, которые существуют параллельно с государственным правовым регулированием общественных отношений («теневое» регулирование), не подменяли и не заслоняли собой «официальное» правовое регулирование и влияли на общественную жизнь по масштабам и силе [7, с. 5–23].

В дополнение к этому в государствах переходного типа имеются острые социальные противоречия между незначительной долей экономически и политически лидирующих слоев населения и бедным большинством страны. Вымирание нации, моральная деградация, цивилизационная бесперспективность — важные показатели действия современного украинского государства, «разноцветной» власти, направленности и эффективности правового регулирования. И если это происходит в обществе, то значит не реализуются не только главные, но и промежуточные, однако очень важные сегодня, цели правового регулирования — достижение социального компромисса в государстве, защита его суверенитета, поддержание необходимого благосостояния людей и его рост. Того, что целью правового регулирования должен быть «правовой порядок», как считают большинство ученых, недостаточно, чтобы понять сущность и цели правового регулирования общественных отношений. Кроме этого, надо всегда помнить, в интересах какой части социально неоднородного общества (в государствах переходного типа) устанавливается определенный вид правопорядка — в интересах преимущественно небольшой части населения страны (олигархические республики) или в интересах ее большинства (демократические республики).

Ученые и политики забывают, что правопорядок — лишь часть общественного порядка. С точки зрения М. Вебера, социальный порядок предусматривает, во-первых, массовое его одобрение, если он соответствует историческому и традиционному опыту народа, интересам и ожиданиям большинства людей; во-вторых, фиксацию важнейших институтов, поддерживающих эту модель порядка, в нормативных актах и других источниках права; в-третьих, создание таких государственных учреждений, деятельность которых вела бы к соблюдению и поддержанию такого порядка [8, с. 645–647]. При этом он указывает на одну важную особенность существующего в конкретном социуме правопорядка — возможность неодинакового понимания различными слоями населения страны смысла правовых предписаний [8, с. 637–638].

В свою очередь, правовой порядок, как утверждал основоположник философии позитивизма Огюст Конт, базируется на природном социальном порядке. Он писал, что штучный порядок как социальных, так и всех других явлений, безусловно, опирается на природный порядок, повсеместно обусловленный совокупностью реальных законов. По его мнению, порядок есть обязательное условие социального прогресса, а прогресс есть цель порядка [9, с. 229]. Другой, не менее известный английский ученый Джон Стюарт Миль в своей работе «Система логики» указал на три важнейшие составные правопорядка: а) система воспитания; б) наличие у людей в той или иной форме чувства верности или лояльности к действующей власти; в) наличие сильного и действенного принципа связи между членами общины или государства, принципа солидарности между теми, кто живет под одним и тем же управлением, в одних и тех же природных или исторических границах [9, с. 273].

Ч. Миллс анализирует проблему порядка как проблему интеграции социума, причем, по его мнению, этот порядок устанавливается на различных уровнях: есть первичный социальный порядок, который приводит к структурированию вокруг него вторичных порядков, в том числе и правового. В каждом социуме первенство одного порядка над другим зависит от ценностных основ, на которых выстраиваются общественные отношения. Например, для Германии, пишет ученый, политический порядок является первичным, он обеспечивает социальный порядок, для Америки первичен экономический порядок, поскольку он предопределяет и социальный, и политический порядок [10, с. 94–95].

Какие выводы, исходя из изложенного, можно сделать в отношении Украины? Видимо, украинским ученым и политикам стоит обратить внимание на то, что правопорядок — это только часть социального порядка. По сути, он является поддержкой и укреплением последнего. Устанавливая правопорядок, мы ставим перед собой цель достижения необходимого общественного порядка. Правопорядок не может существовать сам по себе, «висеть в воздухе», не опираясь на социальный порядок, а тем более противоречить ему. Если существующий в стране правопорядок не поддерживается большинством населения и не защищает его интересы, то автоматически ставятся под сомнение наличие и действенность социального порядка, цивилизационные перспективы государства и степень его демократичности.

Любой социальный интерес предполагает определенную принудительную защиту — непосредственную социальную санкцию. Причем реакция на нарушение будет «прямо пропорциональной», а в условиях обнищания и моральной деградации населения может значительно превысить причиненный вред. Непосредственная социальная санкция тем строже, чем более значимый интерес она защищает. Здесь кроется еще одна опасность объективного характера социального регулирования: непосредственная социальная санкция (крик души народа, со знаком плюс или минус), не будучи опосредованная законодательством, может и, как показала практика, действительно активно проявляется в «неформальном» (неправовом) принудительном реагировании на нарушение прав и свобод человека. Ситуация обостряется еще и тем, что действующее законодательство и официальная мораль в этих условиях воспринимаются не только как неэффективные, но и как несправедливые [11, с. 8]. Из этого следует один из выводов: если цель правового регулирования несправедлива, то сущность, функции государства и права, методы руководства обществом, существующий правопорядок и законность несправедливы тоже, а это уже не только правовой «приговор» существующей власти, но и моральная оценка ее деятельности.

Необходимо учитывать, что существующая сегодня расстановка сил на геополитической арене свидетельствует о том, что:

во-первых, уже не может идти речь о формировании «нового мирового порядка» без такой страны, как Китай (второй экономики мира);

во-вторых, мировой экономической и политической кризис, который сегодня еще больше набирает обороты, обнажил и усилил духовный, моральный и культурный кризис западного общества потребления;

в-третьих, новый мировой порядок стал еще более «новым». Эпоха безраздельного господства США на международной арене уже, наверное, подходит к концу.

Однако сегодня на наших глазах «новый мировой порядок» превращается в новый мировой «беспорядок» как результат очередного глобального перераспределения мировых ресурсов, которые катастрофично сокращаются. И похоже, что «старые» (США) и «новые» мировые игроки (Китай и Европа) по отдельности решили играть в свою игру, где главный приз — мировые ресурсы — может достаться кому-то одному, с другими участниками гонки победитель делиться не будет. Все остальные государства будут только фоном, на котором состоятся эти события, а в случае необходимости — средством достижения амбициозных целей мировых лидеров.

На основании изложенного можно сделать выводы о том, что правопорядок не является самоцелью и конечной целью правового регулирования. Он выступает определенным условием, способствующим выполнению государством своей основной функции — социально-экономической. Охранительное предназначение правопорядка в любой стране реализуется посредством его действия, направленного на создание благоприятных условий для организации и реализации процесса производства материальных и духовных благ всеми его участниками. В государствах переходного типа понятие правопорядка необходимо рассматривать в тесной связи с такими важнейшими категориями, как общественный порядок, национальный порядок, мировой правопорядок, так как последний прямо влияет на качественные и количественные параметры первого и определяет направленность его действия и формы реализации.

Список литературы:

1. Эффективность правовых норм: [науч. изд.] / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самошенко и др. — М.: Юрид. лит., 1980. — 280 с.
2. Любашиц, В.Я. Понятие государственной власти, ее особенности и разновидности // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2001. — № 1. — С. 13–17.
3. Жинкин, С.А. Некоторые аспекты понятия эффективности норм права // Правоведение. — 2004. — № 1. — С. 191–196.
4. Любашиц, В.Я. Теория государства и права / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 704 с.
5. Лейст, О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст. — М.: Зерцало, 2002. — 288 с.
6. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2004. — 512 с.

7. Заславская, Т.И. Социальные механизмы трансформации неправовых практик / Т.И. Заславская, М.А. Шабанова // *Общественные науки и современность*. — 2001. — № 5. — С. 5–23.

8. Вебер, М. Избранные произведения // М. Вебер. — М., 1990. — 808 с.

9. Западноевропейская социология XIX века : тексты / под ред. В.И. Добренкова. — М., 1996. — 352 с.

10. Миллс, Ч. Высокая теория // *Американская социологическая мысль*. — М., 1994. — С. 94–95.

11. Кудрявцев, В.Н. Право: развитие общего понятия / В.Н. Кудрявцев, А.М. Васильев // *Советское государство и право*. — 1985. — № 7. — С. 3–13.

Ю.Л. Шульженко,

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, главный
научный сотрудник Института
государства и права Российской
академии наук*

Yu.L. Shulzhenko,

*Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chief Researcher of the Institute of
State and Law of RAS*

Верховенство парламента — основа парламентаризма

Аннотация: актуальность выбранной темы обусловлена прежде всего тем, что сегодня в России как в практическом, так и в теоретическом плане обращаются к ряду институтов, которые показали свою жизнеспособность, востребованность, эффективность в высокоразвитых зарубежных странах. В наибольшей степени это связано и с объектом данного исследования — конституционализмом. В центре внимания вопрос об определении, характеристике его основополагающего принципа «верховенство парламента». Использованы в первую очередь важнейшие методы исследования — догматический, историко-правовой, сравнительно-правовой.

Ключевые слова: бюджет, конституция, контроль, министерство, парламента, парламентаризм, правительство, разделение властей.

Rule of parliament — basis of parliamentary

Abstract: the relevance of the chosen topic is primarily due to the fact that today in Russia, both in practical and theoretical terms, they appeal to a number of institutions that have shown their viability, relevance, efficiency in highly developed foreign countries. To the greatest extent, this is also connected with the object of this research — constitutionalism. The focus on the issue of definition, characterization of its fundamental principle, which reasonably called the “rule of parliament”. The most important research methods — dogmatic, historical-legal, comparative-legal — were used.

Keywords: budget, constitution, control, ministry, parliament, parliamentarism, government, separation of powers.

Одной из важнейших черт отечественной государственности как в практическом, так и в теоретическом плане является обращение к ряду институтов, которые в большей или меньшей степени уже были в прошлом, их возрождение. Значимо и то, что многие из них показали свою жизнеспособность, востребованность, необ-

ходимость за рубежом, в первую очередь в высокоразвитых странах. Это в полной мере относится и к парламентаризму — одному из важнейших показателей, составных частей таких феноменов, как правовое, конституционное государство, конституционализм. Можно смело утверждать, что после долгих лет отрицания, острейшей критики налицо процесс его интенсивного возрождения.

Сегодня данная проблематика — предмет пристального внимания российских ученых-государствоведов. Центральное место по праву отведено вопросу, касающемуся выявления, установлению основополагающего принципа парламентаризма — верховенству парламента. Начнем с истории вопроса. В первую очередь рассмотрим, каково было отношение к данной проблематике в дореволюционный период за рубежом. Теория, практика парламентаризма связывались главным образом с наличием, деятельностью парламента, его верховенством. Акцентировалось внимание и на его взаимоотношении с исполнительной властью, в первую очередь с правительством. Классическим образцом парламентаризма являлась Великобритания.

«Ведь то, что может создать законы для других, необходимо, должно быть выше их. Законодательная власть является законодательной в обществе лишь потому, что она обладает правом создавать законы для всех частей и для каждого члена общества, поскольку законодательная власть по необходимости должна быть верховной и все остальные власти проистекают из нее и подчинены ей», — писал Д. Локк [1, с. 347].

За рубежом традиционным было обоснование верховенства парламента как одного из важнейших принципов парламентаризма. Как всегда, особенно преуспели английские ученые. Отмечалось, что такое верховенство дает конституции гибкость, необходимую для того, чтобы служить изменившимся условиям, и, как это ни парадоксально, оно помогает законодательной власти быть чувствительной к общественному мнению и воле избирателей» [2, с. 47].

Обратим внимание, что во второй половине XX в. стало четко вырисовываться направление в буржуазном государствоведении, отражающее свертывание принципа парламентского верховенства, своего рода его «устранение» [3, с. 64]. Все это фиксировалось многими западными учеными в разных формах — через осуществление законодательной власти парламентом по доверенности народа, выделение всего двух форм демократического управления — президент и конгресс, провозглашение равенства всех органов, включая парламента, и в связи с этим необходимости взаимоконтроля, отрицание парламентаризма и парламентской ответственности правительства, мешающей свободе деятельности последнего.

Одно из центральных мест в зарубежной науке заняли вопросы, касающиеся усиления позиций правительственной власти. Такой подход был ярко представлен даже в классической стране парламентаризма — Великобритании. «Вкратце существо британской системы заключается в тенденции ко все большей концентрации власти и ответственности

в одном органе, который мы называем правительством. Поскольку правительство повелевает послушным большинством в парламенте, власть его практически неограниченна и бесконтрольна», — писал в 30-е гг. прошлого века деятель либеральной партии Р. Мюр [4, с. 34]. Британский ученый М.Р. Кертес трактует это как главные ограничения верховенства парламента: «Самое важное ограничение его — результат увеличения полномочий исполнительной власти, которая в настоящее время контролирует время, процедуру и действия Палаты общин» [5, с. 11].

Что касается России, то отечественные ученые-юристы, начиная с дореволюционного периода, вносили значительный вклад в разработку самого понятия «парламентаризм», чего фактически, не было в зарубежной науке государствоведения. Доминирующим, господствующим стал подход, который подчеркивал, выдвигал на первый план зависимость исполнительной власти, правительства, министерства, министров от доверия парламента. На это обстоятельство прямо указывал К.Н. Соколов: «Парламентаризм есть высшая, более развитая, по сравнению с дуализмом, форма представительной государственной организации, все эти вторичные признаки его в результате сводятся, как к основной своей причине, к началу зависимости парламентарного министерства от доверия или недоверия парламента» [6, с. 7]. Такая позиция неслучайна. Исходной прежде всего была сложившаяся в России форма правления, возникшая после революционных событий 1905–1907 гг. — конституционная, представительная монархия. Обратим внимание, что подавляющая часть ученого мира в рассматриваемый период обоснованно характеризовала российскую форму конституционной монархии как наименее развитую. Можно предположить, что именно в восприятии Россией парламентаризма, его развитии в направлении усиления реального влияния парламента на деятельность правительства видели многие отечественные ученые того времени путь ослабления власти царя, путь нашего отечества к демократическому обществу и государству [3, с. 48].

Годы социализма, советской власти — период отказа от парламентаризма. Вся мощь отечественной науки выразилась в острейшей критике капиталистического парламентаризма. Отметим, что критика строилась не на определениях парламентаризма, которые были представлены за рубежом, а на критике определений западного парламентаризма, высказанных советскими государствоведами. Заметим, что в многочисленных советских определениях всегда подчеркивалась верховенствующая, руководящая роль парламента.

Несколько меняется ситуация в годы советской перестройки (1985–1991 гг.). Показателем служит, в частности, тот факт, что увидели свет весьма интересные научные выводы о реальности парламентаризма в странах капитала в зависимости от фактической практики парламента,

о так называемом ограниченном парламентаризме. Позиция сводилась к следующему: в том случае, когда парламентаризм трактовался как система государственной организации с привилегированной позицией парламента, то это показатель отсутствия парламентаризма во многих капиталистических государствах того времени.

Резко меняется картина после отказа нашей страны от социалистического пути. Практически во всех определениях парламентаризма стало подчеркиваться верховенство парламента. Обратим внимание на то, что в современной зарубежной науке почти нет конкретных определений парламентаризма, а проблематике верховенства парламента уделяется мало внимания. Некоторое оживление внесли ученые ряда государств, возникших в связи с распадом СССР. Отметим, что традиция давать такого рода определения сохранилась еще с дореволюционных и советских времен. Важнейшим результатом современного периода стало то, что в российской науке верховенство парламента трактуется как важнейший, наиглавнейший принцип парламентаризма, он стал объектом пристального, всестороннего анализа. Такую позицию, в частности, убедительно подчеркивает Т.Я. Хабриева: «Главный критерий парламентаризма, отличающий его от любого иного вида государственного строя, — верховенство парламента. Лишь при верховенстве парламента может существовать парламентаризм» [7, с. 15–16].

При обосновании такого верховенства, с нашей точки зрения, целесообразно учитывать два основных фактора. Во-первых, такое верховенство определяется главным образом особым, исключительным, представительным характером данного органа, прежде всего тем, что парламента непосредственно избирается народом; его члены — представители различных классов, слоев, групп общества, и исходя из этого в большей или меньшей степени он выражает их интересы. Данный орган — коллегиальный, что характеризуется не только значительным количеством его членов, но и двухпалатной структурой. Во-вторых, важное значение имеет тот факт, что парламента предоставлены функции, полномочия самого высокого ранга.

Важнейшая причина его верховенства, главного критерия парламентаризма, заключается в том, что данный орган принимает законы, а в ряде стран конституцию — акты наивысшего ранга, регулирующие основополагающие вопросы организации, функционирования общества, государства. Данные акты стоят на вершине правовой пирамиды, им должны соответствовать все без исключения акты всех иных государственных органов.

Обоснованием верховенства парламента с акцентом на его подотчетность исключительно Конституции являются его правомочия, деятельность по созданию иных органов государственной власти. Эту сферу можно отнести и к особенностям парламента. Например, к статусу и организации деятельности Федерального Собрания России.

К важнейшим парламентским полномочиям относится и его бюджетная функция. Это определяется тем, что бюджет принимается федеральным законом, парламент также вправе утверждать бюджет, отчет правительства о его исполнении.

Значительная связь имеет место быть между верховенством парламента и его международной функцией. Именно ему принадлежит важнейшая, в значительной мере основополагающая роль в этой сфере.

Обратим внимание и на контрольную деятельность парламента. Она обусловлена в первую очередь его представительной и законодательной сущностью, приоритетным статусом по отношению к иным государственным органам. Отметим одну из удачных, с нашей точки зрения, формулировок сущности такой функции в российской научной литературе. Сущность контрольной функции парламента проявляется в том, что в условиях демократии народу принадлежит право контролировать деятельность всех структур, которым он передал властные полномочия. «Вне контроля не должны находиться никакие государственные образования, в том числе и органы народного представительства. Осуществляя от имени народа высшую форму контроля (парламентский контроль), они сами контролируются народом через различные институты прямой демократии» [8, с. 396]. Следует также учитывать и то, что в науке самому определению «парламентский контроль» долгое время не уделяли должного внимания. В принципе к нему обратились лишь в конце прошлого — начале нынешнего столетия. В современный период акцент сделан на всестороннем анализе основных, используемых в большинстве государств методов осуществления парламентского контроля. К ним отнесена постановка вопроса доверия правительству, устные и письменные вопросы, резолюции порицания, деятельность следственных комитетов, комиссий; формы ответственности и др.

В центре внимания вполне естественно находится контроль парламента по отношению к такой ветви власти, как исполнительная, в первую очередь его содержание, реальные прерогативы. Следует подчеркнуть, что этот контроль связан прежде всего с таким правом представительного органа, как участие в деле формирования исполнительных органов государственной власти.

Наиболее существенными контрольными полномочиями Федерального Собрания по отношению к Правительству РФ являются согласие на назначение Президентом Председателя Правительства; выражение доверия Правительству. В отечественной юридической литературе обосновывается точка зрения о том, что контрольные полномочия российского парламента, реальная практика их осуществления ограничены. В современный период они значительно урезаны по сравнению с теми стандартами, которые приняты за рубежом [9, с. 27].

Общий итог состоит в следующем: проанализированные черты в совокупности есть свидетельство особого статуса парламента. Еще

раз подчеркнем, что наиболее удачно весьма распространенное определение данного органа как верховного народного представительства. Именно такое определение обуславливает верховенствующую позицию парламента в обществе, государстве. Верховенство парламента — важнейший принцип, основа наличия, существования, функционирования парламентаризма. Отметим, что такое верховенство подвижно. На практике имеет место тенденция то его повышения, то понижения. Вместе с тем такое верховенство в условиях демократии должно в обязательном порядке обеспечиваться, гарантироваться в направлении его доминирования, что является залогом, условием реальности и престижа парламентаризма. На практике такое положение, например в сфере законодательства, должно быть обеспечено исключительным парламентарским правом принимать законы по основополагающим ключевым вопросам социально-экономической жизни страны. Обратим внимание и на то, что особую важность приобретает строгое соблюдение, постоянный учет такого основополагающего принципа, как разделение властей.

Список литературы:

1. Локк, Д. Сочинения / Д. Локк. — М.: Мысль, 1988. — Т. 3. — 668 с.
2. Mac Dermott, J.C. Protection of Power under English Law. — L.: Stevens & sons ltd., 1957. — 196 с.
3. Шульженко, Ю.Л. Российская теория парламентаризма: монография / Ю.Л. Шульженко. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 168 с.
4. Мюр, Р. Как управляется Британия / Р. Мюр. — М.: Соцэкгис, 1936. — 309 с.
5. Gurtis, M.R. Central Government. — 3rd ed. / M.R. Gurtis. — L.: Pitman Paperbacks, 1958. — 150 p.
6. Соколов, К.Н. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя / К.Н. Соколов. — СПб.: Тип. «Печатный труд», 1912. — 432 с.
7. Парламентарское право России: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой. — М.: Издание Государственной Думы, 2013. — 400 с.
8. Безуглов, А.А. Конституционное право России: в 2 т. / А.А. Безуглов, С.А. Солдатов. — М.: Профобразование, 2001. — Т. 2. — 831 с.
9. Парламентарское право России: учебник / под ред. О.Н. Булакова. — М.: Эксмо, 2006. — 656 с.

В.А. Пономаренков,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного
права и политологии Самарского
государственного экономического
университета*

V.A. Ponomarenkov,
*Candidate of Law, Associate Professor,
Department of international law and
political science of Samara State
University of Economics
2770402@mail.ru*

Биология мотива правового поведения

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы формирования мотива правового поведения на основе нейрофизиологических процессов и на уровне подсознания человека, побуждающего и направляющего организм к осуществлению целостного

поведенческого акта и осуществляющего контроль готовности организма к его выполнению. Отмечается, что «мотив» как компонент функциональной системы правового поведения представляет собой физиологический механизм активизации и реализации доминирующих потребностей организма, преобразующего мотив в форму опережающего возбуждения мозга – «предвидения» и «оценки результатов действия» (акцептора результата действия). Научные знания о мозге все разрабатываются, что требует их учета в развитии юридической науки.

Ключевые слова: мотив правового поведения, нейрофизиология, свобода воли.

Biology motive of legal behavior

Abstract: *the article discusses the formation of the motive of legal behavior on the basis of neurophysiological processes and at the level of the person's sub-conscious, which stimulates and directs the body to carry out an integral behavioral act and monitors the body's readiness for its implementation. It is noted that the "motive" as a component of the functional system of legal behavior, is a physiological mechanism of activation and implementation of the dominant needs of the body, transforming the motive into a form of advancing excitation of the brain – "foresight" and "evaluation of the results of the action" (result acceptor actions). Scientific knowledge about the brain is growing, which requires their consideration in the development of legal science.*

Keywords: *motive, subjective side of crime, neurophysiology, free will.*

Современное научное знание рассматривает «мотив поведения» как психофизиологический динамический, устойчиво-активный процесс, управляющий поведением субъекта и определяющий его организованность и направленность. В основе формирования «мотива поведения» (мотивационного поведенческого возбуждения индивида) лежит системное множество внутренних и внешних факторов и потребностей (физиологических, социальных, материальных и иных), которые переживаются человеком и выступают как необходимость (влечения, эмоции, интересы, ценностные ориентации, нужда), удовлетворение которых жизненно важно как для существования его самого, так и для сохранения целостности личности и развития его индивидуальности. Одни из этих факторов и потребностей могут быть ведущими, другие — призваны заменить ведущие в случае их повреждения. Конечно, исходя из сложившихся жизненных ситуаций, факторов, потребностей и иных обстоятельств, может происходить «замещение» мотивов поведения, т.е. подстановка ложного мотива, что может проводить к отклонениям правового поведения и др.

Социальную обусловленность «мотива поведения» могут составлять различные желания, например, обретение самоуважения, убеждение самого себя в профессионализме, желание произвести впечатление, потребность в безопасности, потребность в признании, потребность в независимости. Мотивации, не исходящей из потребностей, не существует [1]. Потребность может перерастать во внутреннюю мотивацию, которая активизирует центральную нервную систему и другие системы организма человека. При этом мотив выступает тем

спусковым механизмом, который побуждает субъекта к определенному типу поведения, в том числе и правовому. По сути, «мотив правового поведения» представляет собой совокупность внешних и внутренних условий, вызывающих правовую активность субъекта и определяющих тот или иной тип его правового поведения. Именно «мотив» часто выступает пусковым механизмом внутреннего побуждения всей причинной цепочки, связанной с сознательным или бессознательным удовлетворением потребностей субъекта.

Человек для своего существования и развития нуждается в активных средствах (чувствах, уме и воле) удовлетворения своих потребностей, которые выступают фундаментом всей психической деятельности человека. К данным потребностям непосредственно примыкает система таких побудительных факторов, как убеждения, взгляды, стремления, интересы, идеалы. Соответственно, система побудительных факторов, соотношенная с потребностями, становится мотивацией правового поведения. Человек учитывает, оценивает, взвешивает те обстоятельства, в которых он находится, и осознает ту цель, которая перед ним встает. В результате рождается мотив поведения в его конкретной содержательности, необходимый для реального жизненного действия, который и будет рассматриваться как правомерный или противоправный. Сам по себе «мотив правового поведения» как внутреннее побуждение не является «преступным», однако считается, что ни одно умышленное противоправное деяние не может быть совершено без того или иного мотива.

Потребность, прошедшая через систему побудительных стимулов, которые могут как осознаваться, так и не осознаваться человеком, становится импульсом к определенному типу его поведения. Современные исследования в области нейрофизиологии показывают, что человек чаще всего не контролирует и не осознает непосредственное мотивационное воздействие инстинктивно-биологических механизмов на его поведение [2].

Мотивация как нейрофизиологический процесс воздействует на уровне подсознания человека, побуждая и направляя организм к осуществлению целостного поведенческого акта, и осуществляет контроль готовности организма к его выполнению. Рецепторы внутренней среды (интерорецепторы) человека обеспечивают непрерывное наблюдение за состоянием организма субъекта, а их возбуждение включает гомеостатический механизм, автоматически компенсирующий возникший во внутренней среде сдвиг [3].

Подсознательная (биологическая) мотивация, будучи тесно связанной с метаболическими потребностями организма, формируется на основе врожденных, генетически детерминированных механизмов, проявление которых не требует обучения, так как определяется нейробиологической активностью мозга. Непосредственной причиной и стимулами «биологических мотиваций» выступает активизация

раздражителей внутренней среды, изменения различных биолого-химических реакций, возникающих для поддержания жизни организма, и другие процессы. Биологические мотивации человека могут как активироваться, так и тормозиться теми или иными внешними факторами окружающей среды (например, запахом, внешним видом и др.), но человек в любом случае реагирует (позитивно, негативно, безразлично) на внешние стимулы. В результате под стимулирующим воздействием сложных безусловных рефлексов (инстинктов), внешней среды, внутренних раздражителей (потребностей) и много другого он неосознанно ищет определенное обоснование, которое сознание наполняет весьма вольными интерпретациями, но которые и будут выступать в качестве «мотива поведения».

Биологические мотивации тесно переплетаются с социальными и духовными (идеальными) мотивациями, что обеспечивает формирование и реализацию системных познавательных потребностей человека (интереса), характеризующихся различными эмоциональными состояниями и различающихся по содержанию, целям, устойчивости и др. Все эти элементы участвуют в формировании подсознательного мотивационного возбуждения, в основе которого лежит деятельность центральной нервной системы.

Мотивации всегда являются компонентом системного построения поведенческого акта и играют значительную роль в принятии решения, прогнозировании результата, формировании модели поведения. Мотивы активизируют работу «функциональной системы поведения», которая обеспечивает готовность организма к выполнению соответствующей деятельности. Для этого состояния характерен целый ряд изменений.

Во-первых, активируется двигательная система (хотя разные формы мотивации реализуются в разных вариантах поведенческих реакций, при любых видах мотивационного напряжения возрастает уровень двигательной активности).

Во-вторых, повышается тонус симпатической нервной системы, усиливаются вегетативные реакции (возрастает частота сердечного сердцебиения, артериальное давление, сосудистые реакции, меняется проводимость кожи). В результате возрастает собственно нейрофизиологическая активность мозга человека, имеющая целенаправленный поисковый характер «внешней причинности».

В-третьих, возникают субъективные эмоциональные переживания, которые имеют преимущественно негативный оттенок, во всяком случае, до тех пор, пока не будет удовлетворена соответствующая потребность.

Все это создает условие для оптимального выполнения предстоящего поведенческого акта, т.е. мотива поведения, которое может иметь правовое содержание. С этой точки зрения акцептор результата действия представляет доминирующую потребность организма, преобразованную мотивацией в форму опережающего возбуждения

мозга. Таким образом, подсознательная мотивация оказывается существенным компонентом функциональной системы правового поведения. Она представляет собой особое состояние организма, которое, сохраняясь на протяжении всего времени — от начала поведенческого акта, имеющего правовые последствия, до получения определенного правового результата, — определяет целенаправленную поведенческую деятельность человека и характер его реагирования на внешние раздражители. В этой ситуации возникает вопрос о «свободе воли» индивида, т.е. процесса и уровня осознания человеком самого процесса формирования мотивации (мотива) на принятие решения или на совершение правового действия.

Многочисленные исследования нейрофизиологов демонстрируют тот факт, что будущие «действия людей» предсказуемы. На вопрос: «Чем контролируется процесс принятия правовых решений и основанные на нем последующие действия?» — ответ — подсознанием, поскольку осознание всегда запаздывает. Современные нейрофизиологические приборы («сканеры мозга») фиксируют принимаемые решения задолго до того, как они совершены человеком. Тем самым, «свобода воли» — это иллюзия [4], т.е. принимаемое человеком «сознательное решение» и последующие действия являются лишь следствием мозговой бессознательной активности определенных участков мозга. При этом каждый человек на нейробиологическом уровне выстраивает свою иерархию мотивов, сила которых зависит от степени мотивационного воздействия, скорости осознания и ясности объекта мотивации. Чрезмерное усиление одного из названных мотивационных элементов нарушает адекватность восприятия ситуации и может повлечь негативные последствия, например аварию и др.

Активность мотива сохраняется на протяжении всего поведенческого акта, определяя не только начальную стадию поведения (афферентный синтез), но и все последующие действия:

- «предвидение» будущих результатов;

- принятие решения;

- коррекцию решения на основе полученного результата действия, основанного на процессе сопоставления, отбора и синтеза разных по функциональному значению «внешних факторов», которые и составляют определенную средовую обстановку, в рамках которой и осуществляется процесс приспособления (обстановочная афферентация).

Все это воздействует на центральную нервную систему человека, активизирует весь имеющийся, в том числе и врожденный, поведенческий опыт, создавая тем самым определенную программу поведения, в результате чего и формируется «цель» действия. При этом доминирующий мотив формирует в нейрофизиологическом аппарате «предвидения» и «оценки результатов» действия. Однако современная юридическая наука исходит из сознательного волеизъявления субъекта и осознания (предвидения) возможных последствий своих действий/бездействий, т.е. рассматривает «мотив» «на теоретическом уровне»

как второстепенный элемент, что с позиции современных естественнонаучных знаний не соответствует истине. «Мотив» как компонент функциональной системы правового поведения представляет собой физиологический механизм активизации и реализации доминирующих потребностей организма, преобразующий мотив в форму опережающего возбуждения мозга – «предвидения» и «оценки результатов действия» (акцептора результата действия). Научные знания о мозге все разрастаются, что требует их учета в развитии юридической науки.

Формирование мотива правового поведения и его действие – это социально-биологический процесс, побуждающий и направляющий организм к осуществлению целостного поведенческого акта и осуществляющий контроль готовности организма к его выполнению. Рецепторы внутренней среды (интерорецепторы) обеспечивают непрерывное наблюдение за состоянием внутренней среды человека. Получается, что наше сознание по большей части является только регистратором происходящих процессов в мозгу, соответственно, основная масса принимаемых решений и совершаемых действий в рамках правового поведения выполняются на нейрофизиологическом уровне подсознанием автоматически. Данные обстоятельства должны учитываться при осуществлении расследования преступления, процесса доказывания, рассмотрении дела и принятии правовых решений. Надеемся, что изложенное позволит активизировать научный поиск в сфере биологии права, переоценить и пересмотреть некоторые положения современной юридической науки в целях обеспечения объективности принимаемых решений правовых решений.

Список литературы:

1. Матузов, Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. — М.: Дело, 2017. — С. 210–211.
 2. Уразаева, Ф.Х. Психофизиологические основы мотивации выбора деятельности / Ф.Х. Уразаева, Д.С. Александров // *Фундаментальные исследования*. — 2007. — № 3. — С. 93–94.
 3. Судаков, К.В. Биологические мотивации / К.В. Судаков. — М.: Медицина, 1971.
 4. Иглмен, Д. Мозг: Ваша личная история / Д. Иглмен. — М., 2018. — С. 117–119.
-

А.А. Воротников,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории
государства и права
Саратовской государственной
юридической академии

A.A. Vorotnikov,
Doctor of Law,
Professor of Department of Theory
of State and Law of Saratov State Law
Academy

Международные экологические принципы: теория и практика конституционной реализации

***Аннотация:** в статье рассматривается вопрос реализации принципов международной охраны окружающей среды в российском законодательстве. Анализируются их закрепление в конкретных нормах Конституции РФ. Делается вывод о том, что большая часть признанных на мировом уровне принципов уже отражена в национальном законодательстве, однако процесс их имплементации продолжается.*

***Ключевые слова:** международные экологические принципы, международное право, общепризнанные принципы международного права, охрана окружающей среды, природопользование.*

International ecological principles: theory and practice of the constitutional realization

***Abstract:** in article the question of realization of the principles of the international environmental protection in the Russian legislation is considered. Their fixing in concrete standards of the Constitution of the Russian Federation. The conclusion that the most part of the principles recognized at world level currently is already reflected in the national legislation is drawn, however process of their implementation continues.*

***Keywords:** international ecological principles, international law, conventional principles of international law, environmental protection, environmental management.*

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ являются составной частью ее правовой системы. Принципы международно-правовой охраны окружающей среды (международные экологические принципы) традиционно объединяются в две категории: общепризнанные и специальные. «Взаимодействие и взаимопроникновение международных рекомендаций и национальных законодательств в экологической сфере представляет собой дорогу с двусторонним движением, где Россия может гордиться некоторыми своими предложениями, выраженными в собственном законодательстве. Однако следующей теоретической и практической проблемой становятся внедрение и исполнение международных требований на территории страны» [1, с. 21].

Общепризнанные принципы международного права — это «основополагающие, императивные, универсальные нормы международного

права, отвечающие основным закономерностям развития и защищаемые жесткими мерами принуждения» [2, с. 82]. Принципы суверенного равенства государств, неприменения силы, нерушимости государственных границ, мирного разрешения споров, невмешательства во внутренние дела — все эти основополагающие начала относятся к данной категории.

Специальные принципы международного права окружающей среды — категория развивающаяся. Указанные принципы «еще не получили отражения в каком-либо полном кодифицированном виде, они разбросаны по множеству международно-правовых актов, имеющих как обязательный, так и рекомендательный характер» [3, с. 39]. Охрана окружающей среды на благо современного и будущих поколений, суверенитет государства над своими природными ресурсами, отсутствие ущерба окружающей среде за пределами национальной юрисдикции, международная ответственность за такой ущерб — все перечисленные основополагающие начала относятся к этой категории.

Конституции разных стран в неодинаковой степени отражают обозначенные принципы, имплементация которых в национальное законодательство возможна в рамках отрасли экологического права, а именно той его части, которая является общей для всех стран, а не характерной только для Российской Федерации.

Принцип охраны окружающей среды на благо современного и будущих поколений охватывает такие институты, как: право на благоприятную окружающую среду и экологическое образование. В ст. 42 Конституции РФ провозглашается право каждого на благоприятную окружающую среду. Это право может быть реализовано, в том числе путем сохранения качества среды на уровне, определяемом нормативами качества окружающей среды. Право на экологическое образование, его государственная поддержка и многообразие форм получения гарантируются ст. 43 Конституции РФ.

Принцип ответственности за трансграничное нанесение ущерба охватывает институт политики государства в области охраны окружающей среды и природопользования. Вопросы владения, пользования и распоряжения природными ресурсами, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ).

Принцип принятия предупредительных мер получает воплощение в разграничении предметов ведения и полномочий в сфере экологических отношений. Во-первых, разграничиваются полномочия центра и регионов, во-вторых, полномочия всех трех ветвей власти.

Принцип сотрудничества реализуется в закреплении института права на экологическую информацию (ст. 42 Конституции РФ). Такая информация в статусе своевременной, полной и общедоступной должна быть доступной и для партнеров по международному сотрудничеству.

Принцип устойчивого развития охватывает институты суверенитета государства на природные ресурсы и приоритет коренного населения на использование природных ресурсов. Природные ресурсы могут

находиться во всех допускаемых национальным законодательством формах собственности, в том числе государственной; они охраняются государством как основа деятельности народов, проживающих на его территории, включая коренные малочисленные народы (ст. 9, 72 Конституции РФ).

Принцип предосторожности охватывает институт обязанности всех и каждого охранять окружающую среду. Причем охрана окружающей среды суммируется с обязанностью бережного отношения к национальным природным богатствам (ст. 58 Конституции РФ).

Принцип «загрязнитель платит» охватывает институты: запрет экологически опасной деятельности и ответственность за вред окружающей среде. Собственники природных ресурсов осуществляют свои правомочия свободно, но с существенным конституционным ограничением — не должен быть нанесен вред окружающей среде и не должны быть нарушены права и законные интересы иных лиц (ст. 36 Конституции РФ).

Как видим, большая часть признанных на мировом уровне экологических принципов уже отражена в той или иной степени в российском законодательстве, однако имплементация международных принципов в систему экологического законодательства — процесс сложный и многообразный. В последние годы обостряется ситуация, связанная с проблемой сочетания принципов глобальной охраны окружающей среды, всеобщего рационального природопользования и обеспечения суверенитета, целостности и устойчивого развития отдельных государств, так как с одной стороны мировое сообщество пропагандирует идею всеобщего объединения (например, Евросоюз), с другой — крайне неустойчивое положение отдельных частей (образований) целого ряда государств (Каталония, Северная Ирландия, Приднестровская Молдавская Республика и др.).

Для устранения выявленных недостатков следует предпринять действия для совершенствования правового механизма разрешения противоречий между интересами мирового сообщества и национальными интересами России. Основой для формирования сбалансированного экологического законодательства должно стать именно соблюдение норм международного экологического права и международных экологических принципов.

Список литературы:

1. Боголюбов, С.А. Отражение и значение принципов в природоресурсном законодательстве // Актуальные проблемы правопорядка. — № 5. — М.: Юрид. ин-т МИИТ, 2002. С. 15–24.
2. Колбасов, О.С. Международно-правовая охрана окружающей среды / О.С. Колбасов. — М.: Международные отношения, 1982. — 240 с.
3. Мухин, И.А. Принципы международного права в охране окружающей среды и их роль в системе экологического законодательства России // Международное публичное и частное право. — 2006. — № 2. — С. 38–41.

Е.В. Евстифеева,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и
уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной
юридической академии

Н.В. Дородонова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории
государства и права Саратовской
государственной юридической
академии

E.V. Eystifeeva,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal and Penal Law of the
Saratov State Law Academy
evstifeevak@yandex.ru

N.V. Dorodonova,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
of History of State and Law of the
Saratov State Law Academy
dorodonovan@gmail.com

Международно-правовая политика в сфере проведения биомедицинских и геномных исследований*¹

Аннотация: успехи в технологиях редактирования генома человека позволили разработать новые подходы в лечении генетических, инфекционных и других заболеваний. Активное развитие биомедицинских технологий и большое количество проводимых исследований во многих государствах ставят все больше проблем перед юридической наукой. Целью статьи является обоснование политики мирового сообщества по формированию системы нормативно-правового регулирования отношений в сфере проведения биомедицинских и геномных исследований. Выполненный анализ основных международных документов в данной сфере показал их основную направленность — защита прав и достоинства человека и обозначил социальную и этическую значимость геномных технологий в современном обществе. В статье также выделены особенности международно-правового регулирования гено-инженерной деятельности, объектом которой выступает человек. Международно-правовой механизм по проведению геномных исследований может быть заложен в качестве фундаментальных основ по формированию внутригосударственной правовой системы в сфере биомедицинских и геномных исследований.

Ключевые слова: право, законодательство, международные акты, редактирование генома человека, биомедицинские исследования, права и достоинства человека.

International legal policy in the field of biomedical and genomic research

Abstract: the success in technologies of human genome editing allowed creating new approaches in treatment of genetic, infectious and other diseases. A rapid development of biomedical technologies and a large number of studies being carried out in many countries arise more challenges to legal science. To validate a policy of international community to form a system of legal regulation of relations in the field of biomedical and genomic research. The analysis of the basic international documents, acts, declarations in this sphere showed their main direction, that is protection of human rights and dignity, and indicated social and ethical significance of genomic technologies in modern society. The

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 18-29-14036 «Угрозы безопасности человечества в сфере исследования генома живых организмов и уголовно-правовая модель их предупреждения».

peculiarities of international legal regulation of genetically engineered activity with a human being as an object are set out. The international regulatory device for genomic research can form a fundamental basis for domestic legal system in the field of biomedical and genomic research.

Keywords: *law, legislation, international acts, human genome editing, biomedical research, human rights and dignity.*

Современное международное право значительное внимание уделяет регулированию правоотношений в области геномных исследований. Сегодня в исследовании генома живых организмов учеными совершен научно-технологический прорыв, неконтролируемое использование результатов которого способно создать угрозу безопасности человечеству.

Научные достижения в области генной инженерии, биомедицины обусловили возможность появления новых общественно опасных деяний, посягающих на неотъемлемые права человека, общественную и государственную безопасность и требующих правового вмешательства. Опасность манипулирования данными, полученными в результате генной диагностики, тестирования, может привести к социальной дискриминации общества. Так, определение предрасположенности человека к определенному виду заболеваний может служить причиной отказа в приеме на работу или условием вступления в брак. Как следствие, распространение может получить использование генетической информации в преступных целях.

Кроме того, существует опасность возникновения и других угроз, например, при исследовании генома человека неминуема опасность утечки информации «генетического паспорта», создание универсального генома человека и его применение может оказать влияние на развитие всего человечества в целом, в рамках генно-инженерной деятельности возникает угроза влияния ГМО на здоровье человека, безопасность которых еще не доказана.

В связи с этим перед мировым сообществом назрела острая необходимость в правовом регулировании отношений, возникающих в связи с проведением геномных и биомедицинских исследований, а также общественных отношений, которые ранее находились за пределами правового поля, и разработке эффективных мер юридической ответственности за нарушение указанных правоотношений.

Правовая регламентация геномных и биомедицинских исследований напрямую зависит от области и объекта научных изысканий. Все они регулируются, благодаря международным документам, создаваемым различными международными организациями, такими как ВОЗ, ЮНЕСКО, Всемирная Медицинская Ассоциация, Международный совет медицинских научных обществ. Международные документы различаются друг от друга по юридической силе, одни необязательны для исполнения, другие являются юридически обязывающими в отноше-

нии государств, которые присоединились к ним и ратифицировали их. С учетом сказанного международные акты можно объединить в несколько групп. К первой группе документов, посвященных правовой регламентации геномных исследований, следует отнести документы, носящие общий характер. О необходимости провозглашения на международном уровне универсальных норм по биоэтике впервые заявила Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры в рамках Программы ЮНЕСКО по биоэтике, в результате чего была принята Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, которая затрагивает «этические вопросы, касающиеся медицины, наук о жизни и связанных с ними технологий применительно к человеку, с учетом их социальных, правовых и экологических аспектов» [1].

В целях защиты достоинства и индивидуальной целостности человека в 1996 г. Комитетом министров Совета Европы принята Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине, которая выступила «гарантом каждому без исключения человеку по соблюдению неприкосновенности личности и других прав и основных свобод в связи с применением достижений биологии и медицины» [2]. Данный документ носит обязательный характер для присоединяющихся к нему государств. Положения Конвенции в дальнейшем были конкретизированы в отношении различных областей биомедицины в рамках дополнительных протоколов к ней.

Вслед за принятием Конвенции были приняты Дополнительные протоколы: «О запрете клонирования человеческих веществ» (1998 г.) [3], «О биомедицинских исследованиях» (2005 г.) [4], «Относительно трансплантации органов и тканей человека» (2002 г.) [5].

В «Международных руководящих принципах этики для биомедицинских исследований на человеке» [6], принятых Советом международных научно-медицинских организаций в 1982 г., значительное внимание уделено правилам и принципам защиты прав человека при проведении в отношении него исследований.

Всемирной медицинской ассоциацией в 1964 г. была принята «Хельсинкская декларация» («Этические принципы проведения медицинских исследований, включающих людей в качестве испытуемых») [7], в которой содержится заявление об этических принципах медицинских исследований с участием человека, включая исследования идентифицируемых человеческих материалов и данных.

Всемирной организацией здравоохранения принят ряд документов в области биомедицинских исследований. Содействие повышению качества и согласованности этического обзора биомедицинских исследований нашло отражение в «Практических рекомендациях комиссии по этике по рассмотрению биомедицинских исследований» 2000 г. [8]. Такие рекомендации призваны дополнять существующие законы, нормативные акты и практику, служить основой для разработки документов конкретных процедур в области биомедицинских

исследований. Толкование и применение существующих, международно признанных этических принципов по конкретным вопросам, возникающим в рамках деятельности по обеспечению безопасности пациентов, содержатся в документе «Этические вопросы в исследованиях по безопасности пациентов: интерпретация существующего руководства» 2013 г. [9].

С целью разрешения этических вопросов, связанных с получением, использованием и последующей утилизацией материалов клинических исследований, а также соответствующих требований в отношении информированного согласия, предназначенного для будущего сбора проб или ранее собранных биологических материалов человека, хранящихся в хранилищах, приняты «Стандарты и оперативные рекомендации по этике медицинских исследований с участием человека» 2011 г. [10] и «Руководство по получению информированного согласия для приобретения и использования человеческих тканей, клеток и жидкостей в исследовании» 2003 г. [11].

Следующую группу документов составляют международные акты в области генетических исследований. Международное сообщество официально признало, что «генетическое разнообразие человечества не должно давать повод для какого-либо толкования социального или политического характера, которое могло бы поставить под сомнение признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их» [12], провозглашаемых в преамбуле Всеобщей декларации прав человека.

Данное утверждение нашло свое отражение во Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, которая стала руководящим актом для государств, которым рекомендовано «принимать соответствующие меры для содействия посредством образования, подготовки и распространения информации, соблюдения принципов, изложенных в Декларации, способствовать их признанию и действенному применению; способствовать обмену между независимыми комитетами по этике и их объединению в сети по мере их создания для развития всестороннего сотрудничества между ними» [13].

Вместе с тем один из первых документов регионального характера в рамках Совета Европы, заявляющий о необходимости установления строгих ограничений на проведение генетических манипуляций с эмбрионами человека, — это Рекомендация ПАСЕ Совета Европы 1982 г. № 934 «Генетическая инженерия» [14].

Международная декларация о генетических данных человека не только подтвердила принципы, сформулированные во Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека 2003 г., но и провозгласила «обеспечение уважения человеческого достоинства и защиту прав человека и основных свобод при сборе, обработке, использовании и хранении генетических данных человека, протеомных данных человека и биологических образцов, на основе которых они получены (далее именуемых «биологические образцы»), в соответствии с требованиями

равенства, справедливости и солидарности и с должным учетом принципов свободы мысли и свободы выражения мнения, включая свободу научных исследований» [15]. В ней сформулированы «принципы, которыми государствам следует руководствоваться при разработке своего законодательства и политики в этих вопросах. Заложены основы для руководящих принципов, касающихся надлежащей практики в указанных областях, для заинтересованных учреждений и отдельных лиц» [15].

Кроме того, к данной группе документов следует отнести «Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине, касающийся генетического тестирования в медицинских целях» [16], а также Декларацию ООН о клонировании человека [17].

Немаловажное значение в механизме правового обеспечения проведения геномных исследований имеют заявления и руководства, принятые международными специализированными организациями. Так, Международной организацией генома человека был принят ряд документов, имеющих практическое значение в указанной области: Заявление о принципах проведения генетических исследований 1996 г. [18]; Заявление о взятии проб ДНК: контроль и доступ 1998 г. [19]; Заявление о геномных базах данных человека 2002 г. [20] и др.

Все перечисленные документы устанавливают, в первую очередь, социальную ответственность государства, определяющего правила организации и проведения геномных и биомедицинских исследований с целью защиты будущих поколений. Они формируют идеологическую основу развития соответствующей отрасли науки и внедрения ее результатов в повседневную жизнь [21]. Общим началом для принятых международных актов является направленность их действия. В данном случае они нацелены исключительно на обеспечение соблюдения прав человека в области геномных исследований и являются международно-правовым механизмом по проведению геномных и биомедицинских исследований, который может быть заложен в качестве фундаментальных основ по формированию внутригосударственной правовой системы в сфере биомедицинских и геномных исследований.

Таким образом, проанализировав основные международные документы в данной области, можно сделать вывод, что под международно-правовой политикой в сфере проведения биомедицинских и геномных исследований понимается целенаправленная политико-правовая деятельность субъектов международного права, связанная с согласованием интересов и решением вопросов по обеспечению уважения человеческого достоинства и защиты прав человека и основных свобод при сборе, обработке, использовании и хранении генетических данных человека, протеомных данных человека и биологических образцов, на основе которых они получены; соблюдению требований равенства, справедливости и солидарности, принципов свободы мысли и свободы выражения мнения, включая свободу научных исследований; формулированию принципов, которыми государствам следует руководствоваться при разработке национального законодательства и

политики в данной сфере; созданию основ руководящих принципов, касающихся надлежащей практики в указанных областях для заинтересованных учреждений и отдельных лиц.

Значение сформулированных международным сообществом рекомендаций по формированию международно-правовых основ в сфере регулирования проведения биомедицинских и геномных исследований может быть выражено в нескольких направлениях. Во-первых, достижения науки в области проведения биомедицинских и геномных исследований должны базироваться на идее приоритета ценности личности. Во-вторых, возникла необходимость в консолидации государств по созданию международного реестра, включающего данные о научных исследованиях и клинических применениях в данной сфере. В-третьих, разработка единой международно-правовой концепции положит начало активному формированию национального законодательства в данной сфере. В-четвертых, необходимо создание унифицированных международных стандартов для использования национальными государственными органами по оценке и совершенствованию качества процедур этической экспертизы геномных и биомедицинских исследований.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (Universal Declaration on Bioethics and Human Rights): принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании на 33-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 19 октября 2005 г. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001461/146180r.pdf>

2. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164): заключена в г. Овьедо 4 апреля 1997 г. URL: <https://rm.coe.int/168007d004>

3. Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ (ETS № 168): подписан в г. Париже 12 января 1998 г. URL: <https://rm.coe.int/168066caa3>

4. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно биомедицинских исследований (CETS № 195): подписан в г. Страсбурге 25 января 2005. URL: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=0900001680083742>

5. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека (ETS № 186): подписан в г. Страсбурге 24 января 2002 г. URL: <https://rm.coe.int/1680081581>

6. Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей (International Ethical Guidelines for Health-related Involving Humans): приняты Советом международных научно-медицинских организаций (СМНМО), г. Женева, 2016 г. URL: <http://cioms.ch>

7. Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта: Декларация Всемирной медицинской ассоциации: принята на 18-й сессии Генеральной Ассамблеи ВМА, г. Хельсинки, июнь 1964 г. URL: <http://pharm-spb.ru/docs/lit/Declaration%20of%20Helsinki.pdf>

8. Практические рекомендации комиссии по этике по рассмотрению био-медицинских исследований (Operational Guidelines for Ethics Committees that Review Biomedical Research): приняты ВОЗ, г. Женева, 2000 г. URL: <https://www.who.int/tdr/publications/documents/ethics.pdf>

9. Этические вопросы при изучении безопасности пациентов: интерпретация существующих рекомендаций (Ethical Issues in Patient Safety Research: Interpreting Existing Guidance): приняты ВОЗ, г. Женева, 2013 г. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/85371/9789241505475_eng.pdf;jsessionid=47D1C400CDC364641ABC7359288F17F4?sequence=1

10. Стандарты и оперативные рекомендации по этике медицинских исследований с участием человека (Standards and Operational Guidance for Ethics Review of Health-Related Research with Human Participants): приняты ВОЗ, г. Женева, 2011 г. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/44783/9789241502948_eng.pdf?sequence=1

11. Руководство по получению информированного согласия для приобретения и использования человеческих тканей, клеток и жидкостей в исследовании (Guidelines for the Safe Transport of Infectious Substances and Diagnostic Specimens): приняты ВОЗ, г. Женева, 2003 г. URL: <https://www.who.int/csr/resources/publications/biosafety/whoemc973.pdf?ua=1>

12. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН, 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

13. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека: принята на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 11 ноября 1997 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml

14. Рекомендация Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 934 «Генетическая инженерия»: принята 26 января 1982 г. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-fr.asp?fileid=14968&lang=fr>

15. Международная декларация о генетических данных человека: принята резолюцией 32-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, г. Париж 17 октября 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml

16. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и био-медицине, касающийся генетического тестирования в медицинских целях. (CETS № 203): принят г. Страсбург, 27 ноября 2008 г. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/203>

17. Декларация ООН о клонировании человека: принята резолюцией 59/280 Генеральной Ассамблеи 8 марта 2005 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml

18. Заявление о принципах проведения генетических исследований 1996 г. (Statement on the Principled Conduct of Genetic Research). URL: https://www.who.int/genomics/elsi/regulatory_data/region/international/048/en/

19. Заявление о взятии проб ДНК: контроль и доступ 1998 г. (Statement on DNA Sampling: Control and Access). URL: http://www.hugo-international.org/Resources/Documents/CELS_Statement-DNASampling_1998.pdf

20. Заявление о геномных базах данных человека 2002 г. (Statement on Statement on Human Genomic Databases). URL: http://www.hugo-international.org/Resources/Documents/CELS_Statement-HumanGenomicDatabase_2002.pdf

21. Блинов, А.Г. Правовая среда проведения геномных исследований и перспективы ее реализации в России // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2018. — № 4 (57). — С. 139.

Н.Н. Липкина,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры международного права
Саратовской государственной
юридической академии

N.N. Lipkina,
Candidate of Law, Associate Professor
of Department of International Law of
Saratov State Law Academy
k_intlaw@ssla.ru

Особенности квалификации международно- правовых норм о правах человека в качестве jus cogens*

Аннотация: в 2018 г. опубликован третий доклад Специального докладчика Д. Тлади Комиссии международного права ООН на тему «Императивные нормы общего международного права (jus cogens)». Анализ содержания данного доклада позволяет сделать вывод о том, что для эффективной реализации норм jus cogens на практике первоочередное значение имеет определение содержания таких норм. Решение указанной задачи особенно важно при квалификации в качестве норм jus cogens отдельных прав человека. На основе анализа международной практики в статье делается вывод о том, что ввиду наличия у прав человека сложной структуры и постоянного эволютивного развития их содержания, отнесение конкретного права человека к jus cogens возможно лишь при условии наличия когентного характера у каждого из его элементов, в противном случае право целиком в качестве jus cogens признано быть не может и возможно говорить лишь о когентном характере отдельных его элементов.

Ключевые слова: права человека, императивные нормы общего международного права (jus cogens), структура прав человека, запрет пыток, право на справедливое судебное разбирательство.

Specific features of qualification of international legal norms on human rights as jus cogens

Abstract: in 2018 the UN International Law Commission had before it the third report of the Special Rapporteur D. Tlady on the topic «Peremptory norms of general international law (jus cogens)». Analysis of the content of this report allows to conclude that the determination of the content of such norms is of primary importance for the effective implementation of jus cogens norms in practice. This problem is particularly relevant in cases when the issue is to qualify human rights as jus cogens. Based on an analysis of international practice, the author concludes that in view of the fact that human rights have a complex structure and their content is constantly evolving, recognition of the jus cogens nature of the particular human right is possible only if each of its elements have jus cogens nature, otherwise the right as a whole cannot be recognized as jus cogens, and one should talk about jus cogens nature of the particular elements of such a right.

Keywords: human rights, peremptory norms of general international law (jus cogens), structure of human rights, prohibition of torture, right to a fair trial.

51

Задача проработки методологии квалификации норм международного права в качестве императивных норм общего международного права (jus cogens) остается в повестке дня Комиссии

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00660 «Обстоятельства, исключающие противоправность деяния: анализ функционального значения и параметров применимости в международном праве прав человека».

международного права ООН. Отсутствие ясности в соответствующих вопросах, приводящее к фрагментации соответствующей международной правоприменительной практики, к попыткам необоснованного расширения круга когентных норм препятствует эффективной реализации концепции норм *jus cogens* и в конечном счете ставит под угрозу ее жизнеспособность. Как справедливо отмечает А.С. Исполинов, тенденция видеть императивные нормы везде, где только можно, и игнорировать при этом мнение международного сообщества ставит под угрозу существование самой доктрины *jus cogens* [1, с. 12–13].

Процесс квалификации нормы международного права в качестве норм *jus cogens* — крайне многоаспектный и сложный. Одной из важнейших проблем, возникающих в ходе данного процесса, является определение содержания соответствующих норм. Тот факт, что обозначенная проблема имеет вполне серьезный характер, подтверждает хорошо известная дискуссия относительно когентного характера запрета применения силы или угрозы силой [2, § 288]. Что является когентной нормой — принцип неприменения силы или угрозы ею целиком или запрет агрессии как ключевой элемент данного принципа? Например, Специальный докладчик Д. Глади, исходя из когентного характера в целом запрета на применение силы и отметив, что «в той мере, в какой содержание самой нормы *jus cogens* предусматривает основание, исключающее противоправность, существование такого основания, было бы релевантным при определении того, была ли нарушена эта норма *jus cogens*», пришел к выводу, что «применение силы в порядке самообороны не составляло бы нарушения нормы *jus cogens*» [3, § 81]. Указанное мнение вызывает вопрос о том, каким образом признание возможности включения в содержание международной когентной нормы «основания, исключающего противоправность» соотносится с таким важнейшим критерием определения норм *jus cogens*, как недопустимость отклонения от них. В данном контексте более удачным выглядит подход К.Л. Сазоновой, предлагающей относить к нормам *jus cogens* ряд запретов, в частности, «запрет на *неправомерное* (курсив наш. — Н.Л.) применение силы» [4, с. 77]. Наконец, наиболее ограничительный подход находит отражение в практике Комиссии международного права ООН, которая отмечает безоговорочное признание в качестве нормы *jus cogens* в современном международном праве запрета агрессии [5, с. 424]. Запрет агрессии представляет собой лишь один из элементов содержания принципа неприменения силы или угрозы ею, и, более того, как подчеркивается в литературе, не все формы неправомерного применения силы составляют собой агрессию [6, р. 813; 7]. Очевидно, что обозначенные различия в подходах имеют существенное значение при определении характера правовых последствий соответствующего поведения субъектов международного права.

Схожие трудности возникают и при квалификации в качестве норм *jus cogens* тех или иных прав человека. Несмотря на то, что в науке можно встретить мнения об отнесении к нормам *jus cogens* некоторых

[8, с. 86–91] или даже всех прав человека [9, р. 411–463], соответствующая международная практика не отличается единообразием. Так, Специальный трибунал по Ливану признал право на справедливое судебное разбирательство когентной нормой [10, § 68], в то же время, например, Европейский суд по правам человека исходит из того, что гарантии справедливого судебного разбирательства, несмотря на их значимость, к нормам *jus cogens* не относятся [11, § 136].

Во многом подобное разнообразие обусловлено тем, что, как отмечает М. Шейнин, отдельные права человека представляют собой сложные «зонтичные» концепции, которые содержат ряд совершенно разных, взаимосвязанных, но тем не менее отдельно идентифицируемых основных элементов или атрибутов, при этом как само право, так и некоторые из его элементов (или даже каждый из них) содержит в себя «ядро», то есть ту часть, которая не подлежит никаким ограничениям [12, р. 532–536], «само существо права» [13, § 67].

Возвращаясь к взятому в качестве примера праву на справедливое судебное разбирательство, следует отметить, что обозначенный М. Шейниным подход всецело подтверждается, например, показательной в рассматриваемом контексте последовательностью правовых позиций Европейского суда по правам человека, сформулированных им в постановлении по делу «*Sa-Capital Oy v. Finland*». Рассматривая принципы равноправия и состязательности сторон в качестве *основополагающих компонентов концепции* справедливого судебного разбирательства, гарантированного ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Европейский суд по правам человека отметил, что *права, вытекающие из этих принципов, не являются абсолютными*, а государства-участники пользуются свободой усмотрения, однако при этом допустимы только те ограничения указанных прав, которые *не затрагивают само их существо* [13, § 66–67]. Таким образом, право на справедливое судебное разбирательство, как следует из анализа указанных правовых позиций Европейского суда по правам человека, в качестве своего рода «концепции» включает в себя совокупность различных элементов, каждый из которых имеет свое собственное неприкосновенное «ядро».

Как представляется, с учетом того, что императивная норма общего международного права определяется как норма, отклонение от которой недопустимо, только «ядро» права может иметь когентный характер. В данном контексте интерес представляет мнение Комитета по правам человека ООН, который, затрагивая вопрос о наличии у права на справедливое судебное разбирательство когентного характера, сформулировал осторожную правовую позицию об отнесении к императивным нормам международного права *основных принципов справедливого судебного разбирательства* [14, § 11], то есть именно «ядра» данного права. Подобный взвешенный подход, как представляется, в большей степени отвечает реалиям международных отношений.

Следует отметить также, что в зависимости от особенностей правовой природы права «ядро» может быть более или менее широким, однако, как правило, содержание самого права или его элемента не ограничивается таким «ядром» [12, р. 540]. Эта мысль видится справедливой даже в отношении прав человека, менее «разветвленных», чем право на справедливое судебное разбирательство, таких, например, как запрет пыток. Несмотря на то, что *jus cogens* характер запрета пыток не вызывает сомнений и широко подтверждается на практике [15, § 99], остается открытым вопрос о том, включает ли он только запрет пыток как таковых или также иные аспекты. Например, превалирующим в науке международного права можно считать мнение, согласно которому запрет высылки включается в содержание когентного запрета пыток [16, р. 118]. Эта же мысль подтверждается и международной практикой. Так, Европейский суд по правам человека исходит из того, что ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющая запрет пыток, который, по мнению Суда, достиг статуса императивной нормы в международном праве [17, § 61], подразумевает среди прочего обязательство не выдворять, не выдавать и не передавать лицо иным способом в то государство, в котором оно может столкнуться с реальной опасностью подвергнуться пыткам [18, § 114]. Международный трибунал по бывшей Югославии, отметив, что запрет пыток является нормой *jus cogens*, подчеркнул обширность данного запрета, включающего также обязательство не высылать, не возвращать и не выдавать лицо в то государство, в котором лицо может оказаться под угрозой применения к нему пыток [19, § 144]. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев прямо признало принцип отказа от принудительного возвращения *основополагающим компонентом абсолютного запрета* пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [20, § 16].

Приведенные правовые позиции подчеркивают тот факт, что вопрос о содержании когентного запрета пыток имеет перманентную актуальность ввиду возможности эволютивного толкования положений соответствующих международных договоров.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что с учетом тех серьезных правовых последствий, которые нормы *jus cogens* порождают, следует исходить из того, что отнесение конкретного права человека к *jus cogens* возможно лишь при условии наличия когентного характера у каждого из его элементов, в противном случае право целиком в качестве *jus cogens* признано быть не может и возможно говорить лишь о когентном характере отдельных его элементов.

Список литературы:

1. Исполинов, А.С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. — 2014. — № 6 (99). — С. 7–14.
2. Crawford J. Second report on State responsibility. — URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/documentation/english/a_cn4_498.pdf&lang=EFSX (дата обращения: 10.12.2018).

-
3. Третий доклад об императивных нормах общего международного права (*jus cogens*), подготовленный Специальным докладчиком Д. Тлади, 2018 г. — URL: <http://legal.un.org/docs/?symbol=A/CN.4/714> (дата обращения: 10.12.2018).
 4. Сазонова, К.Л. Обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. — 2014. — № 11. — С. 72–79.
 5. Доклад Комиссии международного права ООН 2006 г. — Нью-Йорк: ООН, 2006.
 6. Solera, O. The Definition of the Crime of Aggression: Lessons Not Learned // Case Western Reserve Journal of International Law. — 2010. — Vol. 42. — Issue 3. — P. 801–823.
 7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии». — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 12.02.2019).
 8. Рабцевич, О.И. Право на справедливое судебное разбирательство — норма *jus cogens* общего международного права // Московский журнал международного права. — 2004. — № 3. — С. 86–91.
 9. Parker, K. *Jus Cogens: Compelling the Law of Human Rights* // Hastings International and Comparative Law Review. — 1989. — Vol. 12. — No. 2. — P. 411–463.
 10. Special Tribunal for Lebanon. The Prosecutor v. Salim Jamil Ayyash, Mustafa Amine Badreddine, Hussein Hassan Oneissi, Assad Hassan Sabra: Decision on the defence appeals against the Trial Chamber's Decision on the defence challenges to the jurisdiction and legality of the Tribunal of 24 October 2012.
 11. ECtHR. *Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland* (GC) (appl. no. 5809/08), 26 November 2013.
 12. Scheinin, M. *Core Rights and Obligations* // The Oxford Handbook of International Human Rights Law / ed. by D. Shelton. — Oxford: Oxford University Press, 2013. — P. 528–540.
 13. ECtHR. *Sa-Capital Oy v. Finland* (appl. no. 5556/10), 14 February 2019.
 14. CCPR. General comment no. 29 «States of emergency (article 4)» of 24 July 2001. — URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2f21%2fRev.1%2fAdd.11&Lang=ru (дата обращения: 12.02.2019).
 15. ICJ. Questions relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal): Judgment of 20 July 2012. — URL: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/144/144-20120720-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 12.02.2019).
 16. De Wet, E. The Prohibition of Torture as an International Norm of *jus cogens* and Its Implications for National and Customary Law // European Journal of International Law. — 2004. — Vol. 15. — No. 1. — P. 97–121.
 17. ECtHR. *Al-Adsani v. The United Kingdom* (GC) (appl. no. 35763/97), 21 November 2001.
 18. ECtHR. *Hirsi Jamaa and Others v. Italy* (GC) (appl. no. 27765/09), 23 February 2012.
 19. ICTY. *Prosecutor v. Furundija* (case No. IT-95-17/1-T): Judgement of 10 December 1998.
 20. UNHCR. Note on International Protection, 2001. — URL: https://digitallibrary.un.org/record/448660/files/A_AC.96_951-EN.pdf (дата обращения: 12.02.2019).
-

М.Ф. Косолапов,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры международного права
Саратовской государственной
юридической академии

M.F. Kosolapov,
Candidate of Law, Associate Professor
of Department of International Law
of Saratov State Law Academy
kosolapov_mf@mail.ru

Тенденции формирования правовой политики Российского государства в сфере имплементации актов «мягкого права»

Аннотация: статья посвящена анализу понятия *soft law* («мягкое право») в современном международном праве и практике его реализации в рамках российской правовой системы. Рассмотрены основные доктринальные подходы к трактовке данного понятия, критерии, используемые для отнесения международных актов к изучаемой категории. В условиях отсутствия прямого законодательного регулирования процесса реализации норм *soft law* выявлены и проанализированы основные правовые позиции высших судебных органов Российской Федерации относительно данного вопроса. Автор приходит к следующим выводам: во-первых, реализация норм «мягкого права» свидетельствует о состоятельности и легитимности данного правового феномена, его возможностях стать неотъемлемым элементом правоприменительного процесса в соответствии со ст. 15 Конституции РФ; во-вторых, рекомендательный характер положений «мягкого права» предполагает наличие у национальных органов дискреционных полномочий в отношении конкретных форм их реализации.

Ключевые слова: международные организации, «мягкое право», имплементация, национальная правовая система, Конституционный Суд РФ, правовая позиция.

Trends in the formation of the legal policy of the Russian state in the implementation of acts of soft law

Abstract: the article analyzes the concept of the soft law in modern international law and its implementation in the Russian legal system. The author considers the main doctrinal approaches to the interpretation of this concept, the criteria used to consider the international acts to the mentioned category. In the absence of direct legislative regulation of the process of implementing the norms of soft law, the paper identifies and analyzes the main legal positions of the Supreme judicial bodies of the Russian Federation on this issue. The author comes to the following conclusions: first, the implementation of the soft law norms testifies to the validity and legitimacy of this right phenomenon, its ability to become an integral part of the law enforcement process in accordance with article 15 of the Constitution of the Russian Federation; second, the Advisory nature of the provisions of soft law implies the existence of discretionary powers of national authorities in relation to specific forms of their implementation.

Keywords: international organizations, soft law, implementation, national legal system, constitutional Court of the Russian Federation, legal position.

Концепция широкого подхода к трактовке понятия «международный стандарт» в значительной степени базируется на том, что его составным элементом признается так называемое мягкое право (да-

лее — soft law или ММП) [1, с. 158]. Однако рассмотрение роли soft law в структуре международного стандарта и процесса его реализации в национальных правовых системах представляется наиболее сложным по сравнению с другими составляющими его элементами ввиду отсутствия четкого регулирования процесса реализации норм ММП на внутригосударственном уровне и, как следствие, отсутствия единства мнений относительно подходов на доктринальном уровне к его трактовке и возможности использования в качестве правового регулятора.

Достаточно часто при рассмотрении вопросов, связанных с soft law, исследователи ограничиваются простым перечислением того, какие международные акты необходимо отнести к этой группе. Как правило, речь идет о декларациях и резолюциях международных организаций; кодифицированных рекомендациях общего порядка договорных органов; в некоторых случаях указываются политические решения; акты, отражающие лучшую практику. Некоторые авторы относят к данной группе международные договоры, не вступившие в силу, и т.д.

В связи с изложенным И.И. Лукашук отмечает, что доктрина и практика относят к «мягкому праву» нормы двух видов: международно-правовые (нормы договоров), «которые, в отличие от твердого права, не порождают четких прав и обязанностей, а дают лишь общую установку, которой тем не менее субъекты обязаны следовать», а также неправовые нормы, которые содержатся в резолюциях международных органов и организаций, не обладающих обязательной силой [2, с. 103–104]. В первом случае «мягкость» предопределяется общими, не предусматривающими конкретики установками для государств, во втором — рекомендательным характером содержащихся в них предписаний.

Концепции ММП в первом значении при рассмотрении источников международного экономического права придерживается Г.К. Дмитриева [3, с. 364].

Некоторые исследователи, руководствуясь критерием необязательности, относят к данной категории положения международных договоров не только с «расплывчатыми» формулировками, но и положения тех соглашений, в отношении которых государства не выразили свое согласие на обязательность.

Наиболее предпочтительной представляется использование категории «мягкое право» во втором значении, согласно которому «мягкое право» — это «совокупность формализованных общих положений, которые не имеют юридически обязательного характера, не обеспечены официальными санкциями и соблюдаются добровольно в силу авторитетности их создателей и заинтересованности адресатов» [4, с. 98].

Использование в качестве квалифицирующего признака (ориентира) отсутствие четких обязательств либо наличие у международных актов черт, отличающих их от договорных норм или обычаев, «порождает многообразие форм и разновидностей мягкого права» [5, с. 98], размывает границы рассматриваемого понятия. Данные критерии объединяют в рамках одной группы международные акты,

имеющие различную правовую природу, принимаемые различными по правовому статусу участниками международных отношений, что в конечном итоге затрудняет выработку единых подходов к практике реализации актов ММП на внутригосударственном уровне.

Представляется весьма спорным отнесение к актам *soft law* положений международных договоров вне зависимости от того, насколько четко сформулированы в них права и обязанности государств или вступили ли они для государств в законную силу. В первом случае, как справедливо отмечает В.Н. Мулюн, речь идет о «мягкости» не конкретной нормы, а формулировки [6, с. 674–683], во втором — «рекомендательный характер» предопределяется не полномочиями субъекта правотворчества и не целями принятия акта, а позицией соответствующего государства. Необязательность акта для конкретного субъекта не меняет его правовую природу.

Спорным можно считать отнесение к актам «мягкого права» решений (постановлений) международных судебных и квазисудебных органов только на том основании, что они побуждают государства реформировать национальное законодательство и правоприменительную практику «не под влиянием принуждения, корреспондирующего исполнению международных обязательств, а на основе убеждения, логики аргументов и авторитета» [7, с. 10]. В данном случае наличие в рассматриваемых актах правовых позиций относительно толкования договорных норм не меняет цели их принятия — они в первую очередь направлены на разрешение конкретного спора, а не на регулирование отношений. Единственное исключение можно сделать для замечаний общего порядка, принимаемых комитетами по правам человека, которые обращены к широкому кругу субъектов международного права, содержат рекомендации относительно трактовки договорных положений и обладают более выраженной регулирующей функцией. Представляется также нецелесообразным отнесение к актам «мягкого права» рекомендательных актов, принимаемых в рамках международных неправительственных организаций. Несмотря на то, что они имеют в некоторых случаях определенное ориентирующее значение для субъектов международного права, тем не менее последним не относятся, а следовательно, не могут участвовать в создании норм, адресованных им [8, с. 37].

Даже допуская перечисленные исключения, акты, относимые к *soft law*, нельзя охарактеризовать как однородные. Порядок принятия актов ММП в рамках международной организации или органа может в значительной степени различаться, что существенным образом может повлиять на процесс восприятия и реализации в рамках национальной правовой системы. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН или рекомендации ее специализированных организаций (ВОЗ, МОТ) по силе воздействия своего авторитета однозначно превосходят акты иных международных организаций. Определенное влияние на процесс реализации может оказать порядок принятия документа: с участием представителя государства (включая выраженную им по-

зицию) либо в одностороннем порядке организацией или ее органом. В первом случае голосование за принятие можно рассматривать как выраженную государством *opinion juris* [9].

Анализ судебной практики свидетельствует о широком распространении обращений к нормам *soft law*. В первую очередь эта тенденция может быть обусловлена стремлением к добросовестному выполнению взятых государством обязательств по международному договору или в силу членства в международной организации. Именно этими соображениями, как представляется, руководствуются суды, обращаясь не только к положениям международных договоров, но и к текстам резолюций и рекомендаций ООН, Совета Европы, правовым позициям комитетов по правам человека, изложенным в замечаниях общего порядка и т.д. [10], отражающим в большинстве случаев практику государств в определенной области отношений или практику наиболее эффективной реализации договора, или развивающих его положения.

Можно также констатировать факт о сформировавшейся в рамках национальной судебной системы единой позиции, что акты ММП можно рассматривать как источник закрепления общепризнанных принципов и норм международного права. Конституционный Суд РФ напрямую исходит из того, что обращение к актам *soft law* прямо следует из положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [11].

Схожая позиция была высказана судьей Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеевым. Относительно интерпретации принципа несменяемости судей он отмечает, что его содержание «проистекает и из ряда международных актов, которые, хотя и не порождают для государства юридических обязательств, тем не менее обладают высоким авторитетом и могут играть важную роль в выявлении нормативного содержания соответствующих принципов» [12].

Помимо этого, в отношении деятельности международных организаций Конституционный Суд отмечает, что они не просто отражают в принимаемых актах общепризнанные принципы или нормы, а, «опираясь на универсальные принципы верховенства права, гуманизма, справедливости и равенства, формулируют» в принимаемых актах «принципы, общепризнанные в современных демократических государствах» [13].

Аналогичную позицию занял и Верховный Суд РФ. В своих постановлениях Пленум Суда отметил, что «содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений» [14], а также в других актах рекомендательного характера: рекомендациях Комитета министров Совета Европы, замечаниях общего порядка Комитета по правам человека и т.д. [15].

В ряде случаев обращение к актам «мягкого права» в обход «жестких» правовых регуляторов происходит ввиду отсутствия последних в механизме международного регулирования [16, с. 101]. Простота процедуры принятия и отсутствие обязывающей силы позволяют ММП оперативно восполнять пробелы в праве, особенно в тех

случаях, когда единая позиция государств еще не сформирована. Акты «мягкого права» в этом случае создают для судебных органов необходимые правовые ориентиры в процессе принятия взвешенного и обоснованного решения в проблемных областях (биоэтика, оказание психиатрической помощи и т.д.).

Рассмотренные обстоятельства в большинстве случаев объясняют практику обращения судов РФ к актам «мягкого права», но они далеко не единственные: не все акты soft law содержат общие принципы или не всегда применение таких актов вытекает из международных обязательств Российской Федерации и т.д. Этот факт, как показывает практика, не является препятствием для использования данных актов Судом. Таким образом, для Конституционного Суда при обращении к международному документу принципиальное значение имеет в первую очередь его суть, а не наличие в нем юридического обязательства для государства и его правовая природа [17, с. 59].

Для понимания роли актов soft law в рамках правовой системы РФ несомненный интерес представляет позиция, выраженная Конституционным Судом РФ в Определении, принятом по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности п. 1 ст. 30 Федерального закона РФ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [18]. В Определении, помимо прочего, Конституционный Суд отметил, что на оценку рассматриваемой статьи «не влияют имеющие факультативное значение для национального законодателя и отражающие многообразие подходов к правовому регулированию в данной сфере публичных отношений положения п. 46 Пояснительного доклада, подготовленного Венецианской комиссией». Далее КС РФ отмечает, «что в соответствии с Конституцией РФ федеральный законодатель обладает необходимыми дискреционными полномочиями в отношении конкретных форм реализации правил, носящих рекомендательный характер». Следовательно, Суд оставил за законодательными и правоприменительными органами государственной власти (в том числе и за собой) свободу усмотрения в отношении следования международным стандартам, формулируемым в рамках деятельности Комиссии. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении других актов рекомендательного характера. Вместе с тем факт обращения национальных судебных органов к содержанию данных актов при принятии решения можно расценивать как специфическую форму согласия на обязательность положений этих актов для соответствующего государства.

Подводя итог, можно отметить, что анализ практики внутригосударственной реализации норм soft law внутригосударственными органами свидетельствует о состоятельности и легитимности данного правового феномена, его возможностях стать эффективным элементом правоприменительного процесса. Данная концепция в полной мере соответствует смыслу ст. 15 Конституции РФ, закрепляющей возможность и порядок «допуска» в национальную правовую систему

тех элементов международного права, которые не противоречат ее содержанию, а рекомендательный характер положений «мягкого права» предполагает наличие у национальных органов дискреционных полномочий в отношении конкретных форм их реализации.

Список литературы:

1. Берестнев, Ю.Ю. Стандарты Совета Европы и российская практика // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. — 2003. — № 1 (42). — С. 158-159.

2. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть: учебник. — М., 1996. — 371 с.

3. Международное публичное право: учебник / под ред. К.А. Бекашева. — М.: Проспект, 1998. — 608 с.

4. Демин, А.В. «Мягкое право» и «жесткое право»: общие признаки и критерии разграничения // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции: в 4 т. — Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2015.

5. Демин, А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт корпоративного исследования / А.В. Демин. — М.: Проспект, 2016. — 240 с.

6. Мулюн, В.Н. Влияние «мягкого права» международных организаций на внутрисоциальное право (на примере стандартов и кодексов поведения МБРР и МВФ) // Модернизация экономики и глобализация: материалы IX Международной научной конференции: в 3 кн. / отв. ред.: Е.Г. Ясин. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2009. — Кн. 3.

7. Любченко, М.Я. Взаимодействие Европейского Суда по правам человека и национальных судебных юрисдикций: автореф. ... канд. юрид. наук / М.Я. Любченко. — М., 2018. — 28 с.

8. Зайцева, Е.А. Мягкое право: объективная реальность или юридическая метафора? // Современное право. — 2012. — № 1. — С. 35-38.

9. Консультативное заключение Международного суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применением от 8 июля 1996 г. — URL: <https://www.icj-cij.org/files/advvisory-opinions/advvisory-opinions-1996-ru.pdf> (дата обращения: 10.10.2018).

10. По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2016 г. № 20-П. — URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 15.10.2018).

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Азербайджан Мехдиева Джейхуна Саидовича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 ст. 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2018 г. № 1708-О. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2018).

12. По жалобе граждан Гришина Михаила Ивановича, Грошевой Галины Ивановны, Мустафенкова Владимира Трофимовича и Назарова Валентина Васильевича на нарушение их конституционных прав положениями статьи 6.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», части третьей статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации»

Федерации”»: Определение Конституционного Суда РФ от 11 марта 2005 г. № 148-О // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2005. — № 5.

13. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой, П.В. Штукатурова и М.А. Яшиной: постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2009. — № 2.

14. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 (в ред. Постановления от 5 марта 2013 г. № 4). — URL: // <http://www.supcourt.ru/documents/own/8334> (дата обращения: 10.10.2018).

15. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1. — URL: <https://vsrf.ru/documents> (дата обращения: 12.10.2018).

16. Халафян, Р.М. Конституционный Суд Российской Федерации и международное «мягкое право» // Сибирский юридический вестник. — 2014. — № 2.

17. Марочкин, С.Ю. Международное «мягкое» право в правовой системе Российской Федерации / С.Ю. Марочкин, Р.М. Халафян // Журнал российского права. — 2013. — № 6. — С. 56–65.

18. По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности пункта 1 статьи 30 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 7 июля 2016 г. № 1422-О // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2017. — № 2.

Р.А. Осипов,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры теории
государства и права Саратовской
государственной юридической
академии

R.A. Osipov,
Candidate of Law, Lecturer of the
Theory of State and Law Department
of Saratov State Law Academy
magistr_sar@mail.ru

Теоретико-методологические основы концепции информационно-правовой политики в Российской Федерации

Аннотация: целью настоящей статьи является изучение теоретико-методологических основ концепции информационно-правовой политики в Российской Федерации. Исследуется такое юридическое явление, как правовая информатизация, определяется его роль в обеспечении правовой информированности населения. Анализируется процесс становления данного понятия на основе изучения нормативных правовых актов, посвященных его регулированию. На официальном уровне рассматриваемое понятие расшифровывается в Указе Президента РФ «О Концепции правовой информатизации России». Раскрывается понятие правовой информированности личности. Определяются основные требования, предъявляемые к правовой информации как к предмету информационно-правовой политики. На основе анализа теоретико-методологических основ концепции информационно-правовой политики в Российской Федерации формулируется дефиниция данного понятия.

Ключевые слова: информационно-правовая политика, правовая информация, правовая информированность, правовое информирование, правовая информатизация, информационная безопасность.

Theoretical-methodological basis of the conception of informational-legal policy in the Russian Federation

Abstract: the goal of this article is the searching of theoretical-methodological basis of the conception of informational-legal policy in the Russian Federation. Such legal phenomenon as legal informatization is searched, its place in the providing of people's legal awareness is determined. The process of forming of this notion on the basis of studying of normative legal acts devoted to its regulation is analyzed. On the officinal level this notion is determined in the Decree of the President of the Russian Federation «About the Conception of legal informatization of Russia». The notion «legal awareness of a person» is underlined. The main demands to the legal information as the subject of informational-legal policy are determined. On the basis of the analysis if theoretical-methodological basis of the conception of informational-legal policy in the Russian Federation the definition of this notion is formulated.

Keywords: informational-legal policy, legal information, legal awareness, legal informatization, legal informing, informational safety.

Построение в России единого информационно-правового пространства, обеспечивающего правовую информированность

всех структур общества и каждого гражданина в отдельности, еще в 90-х годах прошлого века было признано на государственном уровне, а именно, в Концепции правовой информатизации России, одной из важнейших задач глобального характера [1]. Ее решению призвано помочь такое направление государственной деятельности, как информационно-правовая политика.

Несмотря на то, что хронологически государственная политика в информационно-правовой сфере берет свое начало в 90-х годах прошлого века, когда она стала одним из направлений общей модернизации российского общества и государства, попытки создания теоретико-методологических основ концепции данного направления государственной деятельности были предприняты сравнительно недавно. В частности, учеными было предложено несколько вариантов определения рассматриваемого феномена. Так, в интерпретации В.М. Боева информационная политика представляет собой целенаправленную политико-правовую деятельность государства по формированию высокого уровня правовой культуры общества, соответствующей системе социально-экономических отношений [2, с. 7–8].

О.Л. Солдаткина под информационно-правовой политикой понимает деятельность государства, индивидов, их объединений, включая все общество, по созданию эффективного механизма правового регулирования процесса информатизации в целях создания информационного общества. Данный феномен, полагает она, следует разграничивать с государственной политикой государства в информационной сфере, которой обозначается деятельность органов публичной власти, направленная на удовлетворение интересов государства в информационной сфере [3, с. 215–219]. Подобная дифференциация, на наш взгляд, отражает узкий и широкий подход к понятию информационно-правовой политики.

Между тем сформулировать четкое, научно обоснованное, практически применимое определение информационно-правовой политики возможно только на основе комплексного анализа ее основных признаков, характеризующих ее сущность и индивидуализирующих эту политику в ряду смежных категорий, а именно, предмета, целей и механизма (средств).

Предметом информационно-правовой политики выступает правовая информация. Ее можно трактовать как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле она включает в себя максимально полный набор сведений, определяющих юридическую оценку социальных явлений и процессов. В узком смысле правовая информация ограничивается сведениями, содержащимися непосредственно в юридических нормах, направленных на урегулирование общественных отношений.

Правовая информация обладает всеми чертами, присущими информации вообще как родовому понятию: системностью, количественной определенностью, непотребляемостью (возможностью многократного использования) [4, с. 70–71]. В то же время существует перечень требований, предъявляемых именно к правовой информации:

достоверность, доступность для получения (открытость), доступность для восприятия (понятность), достаточность для совершения юридически значимых действий.

Одним из главных, определяющих признаков любой деятельности также является *ее цель (цели)* — тот результат, к достижению которого она устремлена. Правильно поставленные цели и задачи государственных долгосрочных стратегий (равно как и предусмотренные механизмы их реализации) выступают залогом определения достойного места страны в новом глобальном экономическом порядке [5, с. 163].

В качестве целей информационно-правовой политики в литературе рассматривается защита информационного суверенитета государства, обеспечение информационной безопасности страны [6, с. 34–35]. По нашему мнению, *целью информационно-правовой политики* в теоретико-методологическом плане можно считать обеспечение должного уровня правовой информированности личности, под которой понимается юридически обогащаемое состояние сознания личности, характеризующееся знанием действующего законодательства, правоприменительных и правоинтерпретационных актов, а также базовых принципов права, формирующееся на основе целенаправленно проводимого государством правового информирования граждан, выступающего предпосылкой их правомерного поведения, важнейшим фактором развития правосознания и правовой культуры. Правовая информированность личности образует основу правовой информированности общества, образующей необходимое условие формирования и функционирования правового демократического государства.

Еще одной базовой характеристикой любой политики выступает *механизм ее реализации*, представляющий собой, согласно одной из наиболее распространенных точек зрения, совокупность средств, с помощью которых она претворяется в жизнь. *Общим, универсальным средством информационно-правовой политики* является правовая информатизация.

Правовая информатизация, как и любое из понятий, принадлежащее рассматриваемой сфере, имеет в литературе различные варианты интерпретации. Известный специалист в исследуемой области И.Л. Бачило предлагает, на наш взгляд, наиболее сбалансированную трактовку процесса информатизации, поясняя, что он организует социально-экономические и научно-технические оптимальные условия, при которых наиболее полно удовлетворяются информационные потребности различных субъектов права, а также реализуются их права на основе создания и использования информационных технологий и ресурсов [7].

На официальном уровне анализируемое понятие расшифровывается в упомянутом выше Указе Президента РФ «О Концепции правовой информатизации России» как процесс создания оптимальных условий максимально полного удовлетворения информационно-правовых потребностей государственных и общественных структур, предприятий, организаций, учреждений и граждан на основе эффективной

организации и использования информационных ресурсов с применением прогрессивных технологий.

Примечательно, что изначально нормативную основу данной политики составляли указы Президента РФ как наиболее мобильное и оперативное на то время средство правового регулирования. Определенным «прорывом» можно считать принятие первого законодательного акта соответствующей тематики — Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» [8], на смену которому пришел Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9]. Новейший этап формирования информационно-правовой политики датируется началом текущего десятилетия. Определяющим ее курс во многом стала Государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)» [10]. Одним из результатов ее реализации должно стать, по идее правотворцев, более последовательное и полное обеспечение прав и основных свобод человека, в том числе информационных.

Таким образом, теоретико-методологические основы концепции информационно-правовой политики составляют ее предмет, цель и механизм (средства) реализации. На основе их изучения информационно-правовую политику можно определить как осуществляемую посредством правовой информатизации организованную, последовательную деятельность государства в лице его органов и должностных лиц, направленную на обеспечение должного уровня правовой информированности населения, защиту информационного суверенитета государства и обеспечение информационной безопасности страны.

Список литературы:

1. О Концепции правовой информатизации России: Указ Президента РФ от 28 июня 1993 г. № 966 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1993. — № 27, ст. 2521.
2. Боер, В.М. Информационно-правовая политика Российской Федерации на современном этапе // Закон и право. — 2012. — № 5. — С. 7–9.
3. Солдаткина, О.Л. Информационно-правовая политика: дефиниция, сущность, субъекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2013. — № 1 (90). — С. 215–219.
4. Венгеров, А.Б. Категория «информация» в понятийном аппарате юридической науки // Советское государство и право. — 1977. — № 10. — С. 70–78.
5. Жаворонкова, Н.Г. Тенденции и перспективы совершенствования государственной политики в области экологического развития / Н.Г. Жаворонкова, В.Б. Агафонов // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 7 (80). — С. 162–173.
6. Карягина, А.В. Современная информационная правовая политика в РФ: теоретико-правовой аспект // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2012. — № 2 (16). — С. 34–35.
7. Бачило, И.Л. Глобальная информатизация и право. — URL: <http://www.fact.ru/num05/batchilo.html> (дата обращения: 10.05.2019).

8. Об информации, информатизации и защите информации: федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — № 8, ст. 609.

9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2006. — № 31, ч. 1, ст. 3448.

10. О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»: распоряжение Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2010. — № 46, ст. 6026.

А.А. Волос,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
права Саратовской государственной
юридической академии

A.A. Volos,
Candidate of Law, Associate Professor
of Department of Civil Law Saratov
State Law Academy
volosalexey@yandex.ru

К вопросу о правовом значении смарт-контрактов*

Аннотация: актуальность статьи заключается в том, что правовое значение смарт-контрактов, как и их сущность, неоднозначно понимается в науке, что создает проблемы при поиске адекватного правового регулирования соответствующих отношений. Целью данной статьи является формирование системного видения значения смарт-контрактов. Делается вывод о том, что значение смарт-контрактов включает несколько аспектов, часть из которых — совершенствование порядка реализации основных целей договора. Другой блок функций смарт-контракта состоит в его особом значении, в частности: формирование специфических механизмов охраны прав и законных интересов его субъектов.

Ключевые слова: смарт-контракт, договор, принципы гражданского права, блокчейн, цифровое право.

To the question of smart contracts and its legal value

Abstract: the relevance of the article is connected with the fact that the legal value of smart contracts and its essence are understood ambiguously in legal science. Because of this situation there are problems when we create adequate legal regulation of the relevant relations. The purpose of this article is to form a complex opinion of the value of smart contracts. The author concludes that the value of smart contracts consists of several aspects. The first group of functions is to improve the implementation of the main contract law functions. The second group is connected with the particular value of smart contract. For instance smart contract form the specific mechanisms for the protection of the rights and legal interests of the subjects.

Keywords: smart-contract, contract, principles of civil law, blockchain, digital law.

Смарт-контракты — новое явление как в технологическом, так и в юридическом смысле — возникли в связи с необходимостью осуществления конкретных целей. Автор идеи и один из осново-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-11-00538 на тему «Концепция правового регулирования смарт-контрактов».

положников смарт-контракта Н. Сабо полагал, что смарт-контракты могут совершенствовать порядок реализации четырех основных целей гражданско-правового договора: наблюдаемости, проверяемости, конфиденциальности и применимости [1, с. 17]. По задумке создателя, самоисполняющиеся смарт-контракты должны сами выполнять определенные сторонами и заданные в компьютерном коде условия, что позволит существенно снизить роль посредников (говоря языком гражданского права, представителей, доверительных управляющих, поручителей и других лиц, представляющих интересы клиентов), которые тем или иным образом сейчас участвуют в исполнении и обеспечении обязательства [2].

Некоторые из предложенных целей нашли конкретное выражение при использовании смарт-контрактов, другие — рассматриваются в качестве теоретической конструкции. В частности, пока существенно не уменьшилась роль представителей субъектов, что, возможно, связано с редким использованием смарт-контрактов на практике и, как следствие, обращением в качестве традиционного механизма охраны своих субъективных прав к представителям (посредникам).

Следует говорить не о полном отказе от таких «посредников», а о новой роли указанных субъектов в гражданском обороте. Любопытно, что биткойн создавался в целях избежания или минимизации влияния центральных банков на транзакции, что не мешает, а, наоборот, подталкивает многие крупные кредитные организации вкладывать денежные средства в новые технологии, искать средства реализовать их в своих интересах [3, с. 7].

С усложнением смарт-контрактов более четко определились их свойства, предопределяющие и значение смарт-контрактов. Среди основных отметим:

автономность — после развертывания невозможно изменить или претворить исполнение смарт-контракта, кроме как с помощью процедур, ранее включенных в его код;

экономичность, способность влиять на финансовую составляющую — с помощью смарт-контракта можно управлять средствами, получать платежи и генерировать платеж в криптоактиве;

отслеживаемость — каждое исполнение отслеживается транзакцией, записанной в блокчейн. Кроме того, каждое взаимодействие со смарт-контрактом идентифицируется индивидуальным адресом;

детерминированность — программа работает в соответствии с процедурами, описанными в коде, без риска ошибки программного обеспечения [4, с. 4].

При этом построение концепции правового регулирования смарт-контрактов невозможно без глубокого и всестороннего исследования вопроса о значении смарт-контрактов в современном обществе. Право (в нашем случае — правовое регулирование отношений, связанных со смарт-контрактами) должно создавать такой механизм, при котором оно было бы реально применимо к жизни (правовой механизм, ко-

торый позволил бы достичь наиболее полной реализации всех задач смарт-контракта).

Разумеется, смарт-контракт может выполнять функции, которые если не противоречат основным задачам гражданско-правового договора, то, по крайней мере, не являются характерными для всех договоров. Так, достаточно спорной выглядит точка зрения о том, что договор выступает средством легитимации способов защиты гражданских прав и что соглашением сторон допустимо установить непоименованный в законе способ защиты субъективного права [5, с. 186–194]. При этом сам по себе смарт-контракт предполагает автоматическое исполнение предусмотренных условий с использованием компьютерной программы. То есть стороны изначально своим соглашением, сделанным в письменной форме и/или путем совершения конклюдентных действий, предусмотрели возможность дополнительной охраны своих прав.

Ранее технические средства защиты были наиболее значимы в сфере авторского права, их использование прямо предусмотрено правилами ст. 1299 ГК РФ. Теперь такие средства постепенно переходят в договорное право. В контексте изучения значения смарт-контракта следует сделать вывод о том, что он предоставляет сторонам договорного отношения дополнительные возможности по охране своих законных интересов.

По результатам комплексного исследования правового значения смарт-контрактов представляется возможным предложить системное видение значения смарт-контрактов. Указанные функции смарт-контрактов нельзя рассматривать исключительно в качестве теоретической конструкции, так как только с их учетом следует формировать механизм правового регулирования отношений, связанных со смарт-контрактами. В противном случае такой механизм, будучи оторванным от реальных целей смарт-контрактов, станет бесперспективным.

К значению *смарт-контрактов* следует отнести:

- совершенствование порядка реализации основных целей договора;
- предоставление сторонам договорного отношения дополнительных возможностей по охране своих законных интересов путем использования технических средств;
- предоставление дополнительных (технических) возможностей по охране прав и законных интересов потребителей и других слабых сторон договорного отношения;
- снижение количества финансовых, временных и иных издержек, а также ошибок, связанных с человеческим фактором;
- снижение роли посредников (говоря языком гражданского права, представителей, доверительных управляющих, поручителей и других лиц, представляющих интересы клиентов), которые тем или иным образом сейчас участвуют в исполнении и обеспечении обязательства;
- снижение риска неисполнения обязательства;
- использование для решения социальных задач в связи с осуществлением функций социального предпринимательства.

Явно преувеличенным представляется мнение, высказанное итальянским ученым, о том, что главное преимущество смарт-контрактов — почти полное устранение рисков невыполнения обязательств по контрактам [6, с. 244]. Риски, разумеется, останутся, правда, существенно уменьшатся риски, связанные с ненадлежащим исполнением обязательства непосредственно должником. Тем не менее нельзя исключать риски технического плана, например в части компьютерной ошибки.

Нельзя также предположить, что смарт-контракты приведут к концу традиционного договорного права. В зарубежной литературе встречаются иногда утверждения, подобные следующему: «Цифровой век — время прощаться с традиционными категориями» [7, с. 133]. Утверждается, что влияние технологических процессов на право будет более значительно, чем просто потенциальная возможность трансформации договорных отношений [7, с. 133]. Однако ожидать, что значение смарт-контрактов дойдет до такого уровня не представляется возможным. Сами договорные отношения на данный момент не подвергаются трансформации. Они усложняются благодаря внедрению специфических инструментов их регулирования, исполнения и контроля. При этом концептуальные основы договорного права не затрагиваются, хотя некоторые категории (оферта, акцепт, исполнение договорного обязательства) приобретают особую окраску.

Предложенные выводы должны быть учтены в ходе формирования механизма правового регулирования отношений, связанных со смарт-контрактами. Перечислим некоторые рекомендации законодателю и правоприменителю.

1. Учитывая, что смарт-контракт не создает принципиально новых функций договорного права, а лишь совершенствует механизм реализации имеющихся, в целях регулирования отношений сторон по смарт-контракту должны применяться принципы гражданского права и принципы договорного права постольку, поскольку они не противоречат природе регулируемых отношений.

2. Полный отказ от «посредников» невозможен, но ввиду специфики рассматриваемых отношений необходимо установление специального правового статуса для некоторых субъектов, в частности программистов, которые разрабатывают программу смарт-контракта и, следовательно, могут влиять на определение условий договора.

3. Защита сторон договора, связанного с использованием смарт-контракта, возможна в судебном порядке, но предполагает использование специфических способов защиты. Чаще всего способом защиты будет являться возмещение убытков.

4. Сам по себе смарт-контракт юридически индифферентен, являясь лишь компьютерной программой, специальным кодом. При этом фактические отношения сторон, реально складывающиеся в процессе использования смарт-контракта, могут быть квалифицированы по-разному: особая форма договора; способ исполнения обязательства; гражданско-правовой договор, который обладает специфическими

чертами; непоименованный в законе способ обеспечения исполнения обязательства.

Некоторые моменты не дают в полной мере реализовать положительные качества смарт-контракта. Особо выделим следующие:

- сложность правового статуса — для работы смарт-контрактов используется криптовалюта, правовой статус которой не совсем ясен, более того, она официально не рассматривается в качестве валюты;
- возможные технические ошибки. Для составления смарт-контракта прописываются всевозможные условия и варианты развития сделок, но чем сложнее процесс, тем труднее создать смарт-контракт;
- отсутствие представления у большинства пользователей о смарт-контрактах.

Список литературы:

1. Boonyarorn Na Pombejra. The rise of blockchain: an analysis of the enforceability of blockchain smart contracts. Thammasat University, 2016. — 129 pp.
2. Сабо, Н. Умные контракты (Четвертая революция стоимости). — URL: <http://old.computerra.ru/1998/266/194332/> (дата обращения: 08.04.2019).
3. Gotcu, M.-L. Legal breakthrough for blockchain technology Master Thesis on International Business Law Program. Tilburg Law School, 2016. — 51 pp.
4. Bayle, A. et col. Smart Contracts : études de cas et réflexions juridiques. — 38 pp.
5. Гаврилов, Е.В. Договор как средство легитимации способов защиты гражданских прав // Договор как общеправовая ценность. — М., 2018. — С. 186–194.
6. Pasquino, V. Smart contracts: caratteristiche, vantaggi e problematiche // Diritto e Processo derecho y proceso — right & remedies. 2017. — P. 239–247.
7. Luzak, J. Digital age: time to say goodbye to traditional concepts // Journal of European Consumer and Market Law. — 2018. — Vol. 7. — P. 133–134.

Е.В. Варламова,
*кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры информатики
Саратовской государственной
юридической академии*

П.В. Ереско,
*кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры информатики
Саратовской государственной
юридической академии*

E.V. Varlamova,
*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Informatics
Department of Saratov State Law Academy
ev.varlamova@yandex.ru*

P.V. Eresko,
*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Informatics
Department of Saratov State Law Academy
pv.eresko@yandex.ru*

Правовое регулирование цифровых финансовых активов в России

Аннотация: в статье рассматриваются законодательные инициативы по правовому регулированию оборота криптовалюты, применению технологии распределенного реестра при построении цифровой экономики в России. Анализ проблем

правового регулирования цифровых финансовых активов в России показал остроту законодателя и вместе с тем несомненный интерес к криптовалютам. Цифровые финансовые активы, несомненно, требуют установления правового режима с учетом международного опыта.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая экономика, криптовалюта, блокчейн, электронные деньги.

Legal regulation of digital financial assets in Russia

Abstract: in the article there are given some consideration to the matter of legislative initiatives on legal regulation of cryptocurrency turnover, using the technology of distributed register at the construction of the digital economy in Russia. The analysis of the problem of legal regulation of digital financial assets in Russia has showed that the use of digital cash, blockchain technology is of great interest and requires legal regulation based on international experience.

Keywords: digital financial assets, digital economy, cryptocurrency, the blockchain technology.

Текущее состояние российской экономики требует законодательных инициатив по правовому регулированию цифровых финансовых активов, применению технологии распределенного реестра. В связи с этим возникают проблемы определения статуса криптовалюты на основе технологии блокчейн.

В настоящее время введение на территории Российской Федерации других денежных единиц кроме признанного рубля и выпуск денежных суррогатов запрещаются. Сегодня такой подход можно считать устаревшим — в будущем использование технологии блокчейн позволит решать проблемы обрушения денежного рынка, подделки и многократного расходования денежных средств, а значит, необходимо каким-то образом сделать применение криптовалют легитимным.

В 2017 г. Правительство РФ утвердило программу «Цифровая экономика Российской Федерации», и с этого момента законодателем рассматривается вопрос принятия норм, регулирующих обращение цифровых финансовых активов. Данная программа в 2019 г. претерпела изменения и в настоящий момент регулируется Постановлением Правительства [1], что предусматривает изменения в ГК РФ (изменения в ст. 128 «Объекты гражданских прав», введение ст. 141.1 «Цифровые права»), КоАП, ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и других.

В 2018 г. был представлен проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах», который 22 мая 2018 г. прошел первое чтение. На данный момент в законопроект внесены существенные изменения, он находится во втором чтении, при этом дата пленарного заседания Государственной Думы рассмотрения законопроекта перенесена (по данным Системы обеспечения Законотворческой деятельности [2]), и в срок до 1 октября 2019 г. должен быть принят. В соответствии с законопроектом по первому чтению цифровые финансовые активы — это

«имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств» [3], к которым относят криптовалюту и токен. Под криптовалютой при этом понимают вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций. В частности, в законопроекте по первому чтению предусматривается, что «цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации», и это представляется крайне радикальной и неправильной мерой, которая отрицательно скажется на развитии цифровой экономики.

Анализируя законопроект № 419059-7, подготовленный ко второму чтению в 2019 г., следует отметить отсутствие определяющей части следующих понятий: криптовалюты, токена, майнинга, смарт-контракта, а также введение нового определения цифровых финансовых активов, под которыми в законопроекте второго чтения признаются «цифровые права, включающие обязательственные и иные права, в том числе денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг ... путем внесения (изменения) записей в информационной системе на основе распределенного реестра» [4]. То есть законодатель сменил формулировки на более осторожные, а сам проект можно назвать достаточно консервативным. По статьям 5 и 8 законопроекта надзор за деятельностью оператора информационной системы, в рамках которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов осуществляет Банк России, под его надзором пользователям информационной системы в будущем будет возможно использовать криптовалюту.

Несмотря на то, что криптовалюта в России законодательно не введена в обращение в качестве денежных средств, на настоящий момент она используется гражданами. По вопросу применения цифровых технологий в финансовой сфере и внедрения инновационных финансовых инструментов в России президент РФ В.В. Путин говорил о необходимости дать правовые гарантии для работы с инновационными финансовыми инструментами, опираясь на международный опыт [5]. По мнению президента, Россия готова к тому, чтобы занять одну из главных позиций в разработке технологических и юридических аспектов использования криптовалюты.

Криптовалюта — виртуальная денежная единица, защищенная при помощи криптографии. Эти денежные единицы, в отличие от Webmoney и других привычных электронных денег, отличает децентрализация. Блокчейн (англ. block chain — «цепочка блоков») представляет собой цепочку из блоков. Проводимые через блокчейн операции сразу попадают в сеть и становятся его частью. Валидность денежной операции определяется проверкой цепочки блокчейна на наличие используемых денежных средств в исходном блоке. Если денежная сумма, используемая в транзакции, подтверждается наличием исходного блока, то операция признается валидной.

Майнерами называют людей, занимающихся «добычей» криптовалюты, сам майнинг представляет собой особый вид заработка. Особенности майнинга можно определить следующим образом: каждый блок хранит информацию о предыдущих в виде последовательности цифр и символов; сложность шифрования следующих блоков (10 минут); майнеры зашифровывают транзакции, получают комиссию и эмиссию; многократное расходование злоумышленниками не представляется возможным. На основании законопроекта «О цифровых финансовых активах», если гражданин Российской Федерации более трех месяцев занимается майнингом, превышая при этом лимит электроэнергии, установленный Правительством РФ, то он должен будет зарегистрировать себя в качестве индивидуального предпринимателя.

Самой известной криптовалютой, но далеко не единственной (на рынке находится более 1 300 криптовалют [6] и их количество постоянно растет: Litecoin, Peercoin, Namecoin, Freicoin, Feathercoin, Ripple, Nem, Ethereum, Zcash, Dash и другие), является Bitcoin. Практика законодательного закрепления этой валюты состоит в том, что Bitcoin рассматривается как товар или инвестиционный актив и для целей налогообложения подчинен соответствующему законодательству.

Криптовалютам свойственна полная децентрализация — отсутствие глобальной или локальной формы регулирования. В связи с этим любые транзакции в системе проходят без участия государства или другого субъекта власти. Это означает, что они не облагаются НДС и не отслеживаются.

Технические риски получения цифровых финансовых активов связаны прежде всего с приобретением дорогостоящего оборудования достаточно высокого качества, знанием способов его эффективного использования для производства криптовалюты.

Однако больше всего нюансов возникает с точки зрения законодательного закрепления: масштабируемость, защита прав потребителей, волатильность, безопасность, отсутствие обеспечения.

Именно поэтому Банк России видит в криптовалюте признаки финансовой пирамиды, поэтому вместе с Генпрокуратурой ведет работу по закрытию сайтов, позволяющих ее приобретать [7]. Несмотря на то, что ряд стран уже открыл свои рынки для цифровых финансовых активов, власти Российской Федерации с осторожностью подходят к данному вопросу, регулирование цифровых финансовых активов пока не введено, а ЦБ РФ неоднократно заявлял о преждевременности допуска криптовалют к торгам и предупреждал о высоких рисках их использования.

Россия в своих сомнениях не одинока. «Многие страны ищут подходы к тому, как регулировать обращение криптовалют, только начинают создавать необходимые законодательные условия, законодательную нормативную базу», — отмечает В.В. Путин [8]. В ряде стран (например, Японии) официально разрешены операции с криптовалютами. Анализ ситуации использования криптовалют в мире показал, что самой популярной криптовалютой в мире является биткойн,

основанный на технологии блокчейн. Максимально возможная сумма в обращении составляет 21 миллион биткоинов. На международных биржах представлены котировки BTC по отношению к USD, EUR, RUB, UAH, имеется график изменения стоимости Bitcoin. Однако куда больше стран, где правительства колеблются в своих оценках необходимости правового закрепления криптовалют.

В решении Суда по интеллектуальным правам РФ от 7 сентября 2016 г. было определено понятие денежной единицы Bitcoin, который представляет собой термин, используемый в финансовой деятельности. Функционирование данной платежной системы осуществляется посредством информационных (телекоммуникационных) систем. Целью ее разработчиков было создание системы полностью необратимых сделок, когда электронный платеж между двумя сторонами происходит без третьей стороны — гаранта, и ни одна из сторон, в том числе какой-либо внешний администратор (банк, налоговые, судебные и иные государственные органы), не могла бы отменить, заблокировать, оспорить или принудительно совершить транзакцию [9].

В Информационном сообщении Росфинмониторинга «Об использовании криптовалют» от 6 февраля 2014 г. сообщается, что криптовалюта находится вне правового поля. В сообщении отмечается, что «отсутствие в системах криптовалют контролирующего центра влечет невозможность обжалования или отмены несанкционированной транзакции, а фактическое нахождение криптовалют вне правового поля не предоставляет возможность реализации правовых механизмов обеспечения исполнения обязательств сторонами сделки» [10].

Банк России предупреждает, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [11].

Необходимость правового регулирования цифровых финансовых активов в позитивном ключе предлагали президент РФ В.В. Путин, глава Сбербанка Г.О. Греф и другие.

В целом, со стороны нашего государства нет необходимых и достаточных правовых норм, позволяющих без экономических и правовых рисков применять криптовалюту. При том, что в сети Интернет постоянно появляются различные биржи криптовалют, предлагающие приобрести и обменять цифровые деньги (например, международная биржа криптовалют [12]), отсутствие национального законодательства означает беззащитность российских граждан от части финансовых потерь, ведь финансовые операции с использованием криптовалюты необратимы. Еще одной причиной потери криптовалюты при отсутствии надежной юридической базы ее функционирования являются риски, связанные с различными мошенниками в сети Интернет, хакерами и прочими

преступниками, зарабатывающими на некомпетентности относительно самих понятий и применений криптовалюты. И только развитие вопросов правового регулирования цифровых финансовых активов сможет изменить текущее состояние дел, описанное в данной статье.

По мнению авторов, использование технологии блокчейн и криптовалют все же имеет больше плюсов: в частности, является одним из решений проблемы многократного расходования денежных средств. К положительным моментам применения технологии блокчейн можно отнести следующее:

- блокчейн позволит ограничить объем эмиссии;
- цепочки нельзя подделать;
- блокчейн непротиворечив, открыт;
- системы, построенные на данной технологии, практически невозможно обрушить.

Таким образом, анализ текущего состояния правового регулирования цифровых финансовых активов показал, что минимизация факторов риска применения и лишения цифровых финансовых активов, связанных с проблемами криптовалюты (масштабируемость, защита прав потребителей, волатильность, безопасность), по возможности должна быть решена правовыми средствами. При этом наиболее подходящим нам видится «японский вариант»: не признавая криптовалюту национальными деньгами, Япония разрешила все операции на криптовалютном рынке и тем самым взяла данную ситуацию под государственный контроль.

Список литературы:

1. О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2019. — № 11, ст. 1119.
2. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») [Электронный ресурс]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 28.08.2019).
3. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22 мая 2018 г.) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)» (текст ко второму чтению) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/57223.html/> (дата обращения: 28.08.2019).
5. Совещание по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55813> (дата обращения: 28.08.2019).
6. Обзор и описание самых популярных криптовалют. — URL: <https://cryptomagic.ru/base/vidy-kriptovalyut.html> (дата обращения: 28.08.2019).
7. ЦБ и Генпрокуратура работают над блокировкой сайтов, продающих криптовалюту (по материалам «РИА Новости») [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/economy/20171010/1506528004.html> (дата обращения: 28.08.2019).

8. Регулирование криптовалют должно защитить граждан и бизнес, заявил Путин (по материалам «РИА Новости») [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/economy/20171010/1506572963.html> (дата обращения: 28.08.2019).

9. Решение Суда по интеллектуальным правам от 7 сентября 2016 г. по делу № СИП-368/2016 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=4c84a59bb8ded0533f16c8e88659ff7d&basenode=32880&ts=1750878168045547984215040493&base=sip&n=24717&rnd=686e503b1e727214aacf5758ecb24197#04072909991114715> (дата обращения: 28.08.2019).

10. Информационное сообщение Росфинмониторинга «Об использовании криптовалют» // Официальный интернет-портал Федеральной службы по финансовому мониторингу. — URL: <http://fedsfm.ru/news/957> (дата обращения: 28.08.2019).

11. Информация Банка России от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок “виртуальных валют”, в частности, Биткойн» // Вестник Банка России. — 2014. — № 11.

12. Международная биржа криптовалют [Электронный ресурс]. — URL: <https://exmo.me/> (дата обращения: 28.08.2019).

Д.Е. Петров,
*доктор юридических наук,
профессор кафедры теории
государства и права Саратовской
государственной юридической
академии*

D.E. Petrov,
*Doctor of Law,
Professor of Department of Theory
of State and Law Saratov State Law
Academy*

Процессы дифференциации и интеграции в экологическом и природоресурсном праве

Аннотация: в статье исследуются процессы интеграции и дифференциации в праве на примере экологического права. Показаны результаты процессов в форме образования экологического права, природоресурсного права, природоресурсных отраслей права. Говорится о необходимости признания интегрированной отрасли права как новой правовой общности.

Ключевые слова: дифференцированный и интегрированный процессы, экологическое право, природоресурсное право.

The processes of differentiation and integration in environmental and natural resource law

Abstract: the article examines the processes of integration and differentiation in law on the example of environmental law. The results of the processes in the form of formation of environmental law, natural resource law, natural resource law branches are shown. It is spoken about the need to recognize as a new legal community - an integrated branch of law.

Keywords: differentiated and integrated processes, environmental law, nature resources law.

Глобализация экологических проблем, взаимозависимость экологического права и отраслей экономики, динамичное развитие законодательства, регулирующего экологические отношения, привели к изменению самой отрасли экологического

права. Можно отметить, что, как и во всей системе права, в экологическом праве наблюдается увеличение числа новых общностей — от институтов права до самостоятельных отраслей права — и появление новой правовой общности — интегрированной отрасли права.

Ранее нами уже исследовались преобразования, происходящие в сфере правового регулирования использования природных ресурсов, а именно, энергетических ресурсов, и образование относительно самостоятельной отрасли права — энергетического права. Процесс дифференциации в области правового регулирования природных ресурсов также коснулся и экологического права, что «выражается в установлении применительно к каждому виду природного объекта специфических видов прав природопользования, определения для каждого своих целей и принципов, специальных ограничений, направленных на обеспечение их рационального использования и охраны» [1, с. 10]. Выделение и обособление в экологическом праве групп правовых норм и принятие специальных нормативных актов, регулирующих отношения в области использования и охраны отдельного природного ресурса, имеют давнюю историю. Особенно ярко это проявилось в советский период развития права, начиная с 1917 г., и выразилось в принятии специальных нормативных актов — декретов советского правительства, посвященных отдельным природным объектам — земле, лесам, недрам, животному миру.

Такой нормотворческий процесс, продолжающийся и в современный период, привел к образованию новых правовых общностей: 1) природоресурсных отраслей права (земельного, водного, лесного, горного, фаунистического права), возникших в процессе дифференциации экологического и затем природоресурсного права или 2) природоресурсного права, интегрированного на уровне природоресурсных норм и их групп и последующего отделения в качестве самостоятельной отрасли права от экологического.

Согласно одной точке зрения, из экологического права выделились природоресурсные отрасли права [2]. Они «имеют самостоятельность, которая проявляется в следующих аспектах: предмете правового регулирования, в качестве которого выступают общественные отношения в области использования и охраны соответствующего природного ресурса; исчерпывающем преобладании публичной собственности на природные ресурсы; наличии природоресурсных отраслей законодательства — объективной форме проявления природоресурсных отраслей права — Земельный кодекс РФ, Водный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ, Закон РФ «О недрах», Федеральный закон «О животном мире»; особенностях разграничения государственной собственности на природные ресурсы и управления ими» [3, с. 3–4].

Представители второго подхода признают самостоятельность одной отрасли права. По их мнению, «природоресурсное право представляет собой комплексную интегрированную отрасль права — совокупность

норм права, регулирующих общественные отношения, связанные с использованием и охраной природных ресурсов как объекта окружающей природной среды и как объекта имущественных отношений» [4, с. 12].

Интегрированный подход позволяет выделить в отрасли природоресурсного права правовые общности — правовые институты — совокупности правовых норм, регулирующие относительно самостоятельные группы правовых отношений, а именно — принципы природопользования, объекты и субъекты природопользования, право собственности на природные ресурсы и объекты, управление в сфере природопользования, право природопользования, ответственность за нарушение правил природопользования.

Дифференцированный подход выражается в выделении самостоятельных подотраслей природоресурсного права (земельное право, водное право, лесное право, горное право, воздухоохранное право, фаунистическое право).

Сложившаяся ситуация в сфере регулирования отношений, связанных с природными ресурсами и объектами, свидетельствует о таком развитии дифференциационных и интеграционных процессов в праве, которые привели к появлению многоуровневых новых правовых общностей. Полностью поддерживая тезис С.А. Боголюбова и М.К. Сулейменова о необходимости «закрепления в системе права понятия интегрированной отрасли как элемента структуры права». В этом случае земельное, горное, водное, лесное, фаунистическое право признаются отраслями права. Природоресурсное право — это подотрасль интегрированной отрасли — экологического права [5, с. 38].

Изложенное подтверждает, что в праве и по настоящее время активно протекают дифференциационные и интеграционные процессы, которые приводят к появлению (или упразднению) новых правовых общностей, что, в свою очередь, требует дальнейшего теоретического осмысления, применения новых методологических конструкций и в конечном итоге разработки практических рекомендаций правотворческим органам при осуществлении ими законодательной деятельности в целях управляемости этими процессами.

Список литературы:

1. Краснова, И.О. Дифференциация и интеграция в экологическом праве: на пути к сближению // Экологическое право. — 2015. — № 4. — С. 9–16.
2. Абанина, Е.Н. Некоторые вопросы развития экологического права на современном этапе // Власть закона. — 2012. — № 1 (9). — С. 108–116.
3. Волков, Г.А. О методологии природоресурсных отраслей права // Экологическое право. — 2018. — № 1. — С. 3–12.
4. Калинин, И.Б. Природоресурсное право в системе отраслей российского права // Российско-Канадский семинар «Освоение Севера: традиции и современность». — Томск, 1999. — С. 12–14.
5. Боголюбов, С.А. Экологическое право — интегрированная отрасль. Проблемы теории экологического права. Диалог / С.А. Боголюбов, М.К. Сулейменов // Экологическое право. — 2014. — № 4. — С. 32–38.

Н.А. Барышникова,
доктор экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики
Саратовской государственной
юридической академии

Е.Н. Пастушенко,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры финансового,
банковского и таможенного права
Саратовской государственной
юридической академии

Л.Н. Земцова,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры правосудия и
правоохранительной деятельности
Саратовского социально-
экономического института —
филиала Российского экономического
университета имени Г.В. Плеханова

N.A. Baryshnikova,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Economics
of Saratov State Law Academy
nvas_2000@mail.ru

E.N. Pastushenko,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of
Financial, Banking and Customs Law
of the Saratov State Law Academy
finpravo@ssla.ru

L.N. Zemtsova,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Justice and Law
Enforcement of Saratov socio-economic
Institute — branch of Plekhanov
Russian University of Economics
Kafedra_pravosudiya@ssea.runnet.ru

Правотворческая политика Центрального банка Российской Федерации: актуальные проблемы*

Аннотация: статья посвящена исследованию содержания и актуальных проблем правотворческой политики Банка России как проводника денежно-кредитной политики Российской Федерации. Предметом исследования выступает правотворческая политика Банка России. Цель — рассмотреть правотворческую политику Центрального банка во взаимосвязи с политическими, социально-экономическими и иными факторами общественного развития, выявить критические точки, тормозящие ее позитивное воздействие на стабильность денежно-кредитной системы государства и темпы экономического роста и предложить пути решения проблем правотворческой политики. Подход авторов к достижению цели является междисциплинарным: в процессе исследования использовались как общенаучные методы, так и частные методы экономических и правовых исследований (статистический, формально-логический, формально-юридический).

Авторами уточнен категориальный аппарат исследования правотворческой политики Центрального банка и систематизированы ее средства в Российской Федерации: доктринальные правовые акты; нормативно-правовые акты; акты общего характера; смешанные акты; интерпретационные акты; индивидуально-правовые акты; договорные акты. Изучение эволюции правотворческой политики Банка России позволило выделить пять этапов ее реализации, последним из которых стал этап, связанный с разработкой правовых основ развития денежно-кредитной системы России в условиях цифровой экономики. Авторами осуществлен критический экономико-правовой анализ текущей правотворческой политики Банка России во взаимосвязи с макроэкономической политикой Российской Федерации и национальными стратегическими приоритетами.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16102 «Трансформация правосубъектности участников налоговых, бюджетных и публичных банковских правоотношений в условиях развития цифровой экономики».

Выявлены следующие проблемы, приводящие к снижению эффективности правотворческой политики Банка России: недостаточная координация доктринальных актов регулятора и иных документов государственного стратегического планирования; отсутствие нормативно-правовых актов, регулирующих и регламентирующих обращение цифровых денежных средств в национальной платежной системе России; неупорядоченность и нерегламентированность порядка издания доктринальных и иных документов Банка России. В результате исследования установлено, что для качественной реализации экономической политики важны адекватные правовые средства, предложены конкретные пути совершенствования правотворческой политики Банка России.

Ключевые слова: Центральный банк Российской Федерации, правовые акты Банка России, правотворческая политика Банка России.

Law-making policy of the Central bank of the Russian Federation: actual problems

Abstract: the article is devoted to identify the content and actual problems of the law-making policy of the Bank of Russia as a main actor of the state monetary policy. The subject of the study is law-making policy of the Bank of Russia. The purposes of the study are to investigate the law-making policy of the Central bank in interrelation with political, social, economic and other factors of social development; to reveal the weaknesses which are limiting its positive impact on stability of the state monetary system and rates of economic growth; to propose solutions of the problems of law-making policy. The authors use the cross-disciplinary approach and different research methods: general scientific methods, methods of economic and legal sciences (statistical, formal and logical, legalistic methods).

The authors develop conceptual bases of law-making policy of the Central bank and systematize law-making tools in the Russian Federation: doctrinal legal acts; legal and regulatory acts; general acts; hybrid acts; interpretative acts; individual legal acts; treaty acts. Research of the history of the modern law-making policy of the Bank of Russia allowed to define 5 stages of its development, the last of them concerns with the legal bases of the Russian monetary system in conditions of digital economy. The authors carry out the critical economical and legal analysis of the current law-making policy of the Bank of Russia in interrelation with macroeconomic policy of the Russian Federation and national strategic priorities. It is concluded that there are 3 main problems that lead to inefficiencies of the law-making policy of the Bank of Russia: insufficient coordination of doctrinal acts of the Bank of Russia and other documents of the state strategic planning; lack of the normative acts legislating and regulating the circulation of digital money in the national payment system; disorder and a lack of legislating of an order of passing doctrinal and other documents of the Bank of Russia. It is proved that the optimal economic policy requires adequate legal tools and the authors suggest the key directions of improvement of the law-making policy of the Bank of Russia for that.

Keywords: Central bank of the Russian federation, legal acts of the Bank of Russia, law-making policy of the Bank of Russia.

Реализация экономической функции государства требует эффективной, обоснованной экономической политики. Учитывая, что право, экономика и политика взаимосвязаны и взаимообусловлены, координация экономики, права и политики, экономической политики и правовой политики в воздействии на экономические

отношения необходима как в экономическом, так и юридическом аспекте. Это определяет высокую актуальность научных исследований, выполненных на основе междисциплинарного подхода и посвященных экономико-правовому анализу различных явлений и процессов общественной жизни. Подтверждением данному суждению служат экономические исследования, выполненные с использованием нормативного правового материала [1, с. 61–65].

Взаимосвязь и взаимовлияние экономики и права в деятельности Центрального банка Российской Федерации традиционно рассматриваются в экономической и юридической науках как востребованные с научно-теоретической и практической точек зрения. Правовые основы банковской деятельности и важнейшие направления деятельности Центрального банка Российской Федерации как элемента банковской системы с анализом законодательных положений освещаются при исследовании экономических проблем банковского дела [2, с. 39–52, 71–90]. Законодательно установленные цели деятельности, функции и полномочия Центрального банка Российской Федерации выступают предметом исследования целого ряда экономических дисциплин [3, с. 26–36]. При этом подчеркивается взаимообусловленность финансовой политики и финансового права [4, с. 70–79]. Роль Центрального банка Российской Федерации в финансовой деятельности государства является также актуальной проблемой науки финансового права [5, с. 96, 116–119].

Для того чтобы исследовать правотворческую политику Центрального банка во взаимосвязи с политическими, социально-экономическими и иными факторами общественного развития, выявить проблемы реализации правотворческой политики и предложить пути их решения, следует прежде всего четко обозначить роль Банка России в государственном экономическом регулировании и установить факторы, определяющие содержание денежно-кредитной политики государства.

Значение Центрального банка в развитии экономики любого государства трудно переоценить. Выступая высшим звеном национальной банковской системы, Центральный банк наделен особыми полномочиями и важными функциями, главными среди которых являются денежная эмиссия, организация и контроль денежного обращения, обеспечение отвечающего требованиям экономической безопасности развития денежно-кредитной системы и устойчивости национальной валюты, хранение государственных золотовалютных резервов, разработка и реализация единой государственной денежно-кредитной политики. Таким образом, Банк России выступает органом государственного регулирования экономики, мегарегулятором финансового сектора, эмитентом, надзорным и контролирующим органом, проводником денежно-кредитной политики, а также важнейшим субъектом финансово-правовых отношений.

В контексте макроэкономического регулирования основная цель деятельности Центрального банка заключается в создании условий для решения стратегических задач российской экономики: достижения устойчивого экономического роста и повышения на этой основе

уровня и качества жизни граждан. Такими условиями являются ценовая стабильность, рост инвестиционной активности реального сектора экономики, устойчивость национального финансового рынка, снижение предпринимательских рисков.

При исследовании содержания и инструментов правотворческой политики Банка России следует учесть, что особенностью публично-правового статуса Центрального банка Российской Федерации выступает его нормотворческая функция (полномочия по изданию нормативных актов в форме указаний, положений, инструкций, характеризующихся принципом обязательности для федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц), о чем свидетельствуют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенные в Определении от 14 декабря 2000 года № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона "О Центральном банке Российской Федерации (Банка России)"» [6]. Изложенное свидетельствует о важности продуманной правотворческой политики уполномоченных субъектов (к каковым относится Центральный банк Российской Федерации), адекватной экономическим реалиям, формируемой и реализуемой на основе положений теории права и отраслевых юридических наук.

Экономическая наука и теория права, финансовое право как отраслевая юридическая наука взаимодействуют в исследовании взаимовлияния экономической политики и правовой политики, включая правотворческую политику Центрального банка Российской Федерации в вопросах снижения рисков в денежно-кредитных отношениях, на финансовых рынках, в том числе в сфере банковской деятельности [7, с. 22].

Правотворческая политика рассматривается как особая форма реализации правовой политики [8, с. 7–24], подготовлен проект Концепции правотворческой политики в Российской Федерации [9], уделяется внимание ведомственной правотворческой политике [10, с. 220–234]. Применительно к правотворческой политике Центрального банка Российской Федерации, не являющегося федеральным органом исполнительной власти, но обладающего государственно-властными полномочиями [11, с. 25, 32–38], представляется актуальным суждение о влиянии правотворческой политики органов исполнительной власти в современной России на результативное осуществление функций уполномоченных органов, модернизации содержания их деятельности, усиления степени планирования, системности и последовательности в деятельности правотворческих органов, что «прибавит» концептуальности в развитии отраслей российского законодательства [12, с. 14].

Правовые акты — важнейшие средства правовой политики, которые «складываются» в современной России в определенную систему: 1) доктринальные (политико-программные) правовые акты; 2) нормативно-правовые акты; 3) общие акты (акты общего характера);

4) смешанные акты; 5) интерпретационные акты; 6) индивидуально-правовые акты; 7) договорные акты [13, с. 44–45].

Применительно к правовым актам Центрального банка Российской Федерации в финансово-правовой науке обоснованы схожие классификации, согласно одной из них Банк России издает следующие виды правовых актов: программные; нормативные; акты толкования (разъяснения); регулирующего воздействия (рекомендации); индивидуально-правовые акты (предписания, постановления) [14, с. 31], согласно другой — правовые акты Банка России подразделены на нормативные акты; правоприменительные акты (индивидуально-правовые акты); интерпретационные акты (акты толкования); договорные акты с обособлением разработки реализации Банком России Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики как доктринальной деятельности [11, с. 16]. Между тем именно доктринальные акты (программные акты, стратегические акты) часто могут выступать основным инструментом правовой политики [15, с. 4–25].

В правотворческой политике Центрального банка Российской Федерации представляется возможным выделить доктринальные (программные) акты, разрабатываемые и реализуемые Банком России на основе Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и инициативно подготовленные Банком России доктринальные (программные) акты.

К первой группе доктринальных (программных) актов, изданных на основе и во исполнение закона, относятся Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики (ст. 45 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»), Основные направления развития финансового рынка (ст. 45.3 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»), Стратегия развития национальной платежной системы (ст. 82.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»).

В настоящее время в первой группе доктринальных (программных) актов Банка России, издание которых основано на законе, могут быть названы Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов (одобренны Советом директоров Банка России 25 октября 2018 г.) [16], Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов (одобренны Советом директоров Банка России 6 мая 2016 г.) [17], Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов (проект от 1 июня 2018 года прошел общественное обсуждение с представителями профессионального сообщества и научной общности, после чего в документ были внесены поправки, в актуальном виде документ размещен на официальном сайте Банка России) [18], Стратегия развития национальной платежной системы (одобрена Советом директоров Банка России 15 марта 2013 г.) [19].

Ко второй группе — инициативно подготовленных Банком России в начале 2018 г. относятся Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов [20] и Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 гг. (одобрена Советом директоров Банка России 26 марта 2018 г.) [21]. Следует подчеркнуть, что указанные акты Банка России развивают положения Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 гг., изданы во исполнение законодательно установленных целей деятельности Банка России и реализации предоставленных полномочий.

С учетом изложенного доктринальные (программные) акты Банка России могут быть отнесены к актам стратегического планирования, поскольку Центральный банк Российской Федерации рассматривается как участник стратегического планирования на федеральном уровне, осуществляющий полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также иные полномочия в сфере стратегического планирования в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 1 ст. 9, ч. 6 ст. 10 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании») [22].

Законодательно установлены материально-правовые и процессуально-правовые требования к таким доктринальным (программным) актам Центрального банка Российской Федерации, как Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики и Основные направления развития финансового рынка.

Согласно ст. 45 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Банк России ежегодно не позднее срока внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Правительством Российской Федерации проекта федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период обязан представить в Государственную Думу проект основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на предстоящий год и не позднее 1 декабря — основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на предстоящий год. В указанном требовании наблюдается согласованный подход законодателя и правоприменителей в обеспечении сбалансированного действия бюджетной и денежно-кредитной политики уполномоченных субъектов. Важно подчеркнуть, что предварительно проект основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики Банку России требуется представить Президенту Российской Федерации и в Правительстве Российской Федерации. Изложенное законодательное положение свидетельствует о сбалансированности деятельности Центрального банка Российской Федерации на основе конституционно-правового принципа независимости (ст. 75 Конституции Российской Федерации)

во взаимодействии с государственно-властными субъектами по формированию и реализации денежно-кредитной политики.

Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на предстоящий год в обязательном порядке должны включать следующие положения: концептуальные принципы, лежащие в основе денежно-кредитной политики, проводимой Банком России; краткую характеристику состояния экономики Российской Федерации; прогноз ожидаемого выполнения основных параметров денежно-кредитной политики в текущем году; количественный анализ причин отклонения от целей денежно-кредитной политики, заявленных Банком России на текущий год, оценку перспектив достижения указанных целей и обоснование их возможной корректировки; сценарный (состоящий не менее чем из двух вариантов) прогноз развития экономики Российской Федерации на предстоящий год с указанием цен на нефть и другие товары российского экспорта, предусматриваемых каждым сценарием; прогноз основных показателей платежного баланса Российской Федерации на предстоящий год; целевые ориентиры, характеризующие основные цели денежно-кредитной политики, заявляемые Банком России на предстоящий год, включая интервальные показатели инфляции, денежной базы, денежной массы, процентных ставок, изменения золотовалютных резервов; основные показатели денежной программы на предстоящий год; варианты применения инструментов и методов денежно-кредитной политики, обеспечивающих достижение целевых ориентиров при различных сценариях экономической конъюнктуры.

Законодательно закреплены полномочия Государственной Думы по рассмотрению основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на предстоящий год и принятию соответствующего решения не позднее принятия Государственной Думой федерального закона о федеральном бюджете на предстоящий год. Представляется необходимым обратить внимание на важность рекомендаций Государственной Думы в адрес Центрального банка Российской Федерации по данному вопросу. Так, депутатами Государственной Думы при рассмотрении Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020–2021 годов было подготовлено 47 замечаний и предложений, и больше половины из них Банк России при доработке документа учел [23]. В качестве примера можно также привести Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 19 июня 2018 г. № 4241-7 ГД «О Годовом отчете Центрального банка Российской Федерации за 2017 год», содержащее рекомендации Центральному банку Российской Федерации по результатам рассмотрения вопроса о годовом отчете Банка России за 2017 год по повышению качества реализации закрепленных функций и достижения целей деятельности [24], а также Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 1 марта 2017 г. № 44-СФ «О деятельности Центрального банка Российской

Федерации (Банка России) по регулированию, контролю и надзору за финансовыми рынками в 2013–2016 годах» [25], содержащее рекомендации Банку России по рассматриваемому вопросу.

Согласно ст. 45.3. Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Банк России один раз в три года представляет в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации. Аналогично порядку, закрепленному в отношении Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики, предварительно проект Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации представляется Банком России Президенту Российской Федерации и в Правительство Российской Федерации. Государственная Дума рассматривает проект основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на парламентских слушаниях и направляет в Банк России соответствующие рекомендации. Соблюдение обозначенных параметров прохождения документа отражено в Плане мероприятий (дорожной карте) Банка России на 2016 год по реализации Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов [26].

Приоритеты правотворческой политики Банка России, проводимой в соответствии с его правовым статусом и характером денежно-кредитной политики государства, должны отвечать стратегическим и тактическим задачам развития отечественной экономики. Сегодня на содержание монетарной политики Банка России оказывают влияние многие факторы — как внешние, так и внутренние. К внешним факторам можно отнести следующие: волатильность мировых финансовых рынков; динамику цен на нефть; параметры внешнего спроса; внешний долг страны; геополитические факторы (меняющийся характер международных отношений и их нарастающая неопределенность, санкции США, ЕС и других стран в отношении России). Внутренними факторами являются стратегические национальные приоритеты России; темпы экономического роста и макроэкономическая стабильность; динамика инвестиционной и потребительской активности, определяющая спрос на деньги; стабильность внутреннего финансового рынка; инфляционные ожидания и вероятность наступления инфляционных рисков; тенденции развития реального сектора экономики; показатели функционирования бюджетной системы (профицит/дефицит федерального бюджета).

Именно в ответ на экономические, политические, структурные и институциональные трансформации в стране и мире Центральный банк корректирует свои подходы к регулированию денежно-кредитной системы. Любые изменения приоритетов политики Банка России всегда связаны с необходимостью нейтрализовать угрозы и вызовы устойчивости и экономической безопасности денежно-кредитной системы. Так, в ноябре 2014 года с целью повышения эффективности денежно-кредитного регулирования и обеспечения ценовой стабильности Банк России

изменил параметры курсовой политики (упразднил валютный коридор и отменил валютные интервенции), закрепив механизм рыночного установления курса рубля. В 2015 г. в России начала функционировать национальная система платежных карт «Мир», позволившая осуществлять платежи внутри России по всем пластиковым картам (в том числе Visa и MasterCard) и обеспечивать бесперебойность, эффективность и доступность оказания услуг по переводу денежных средств в условиях возросших внешнеполитических рисков. С 2016 г. в рамках перехода к инфляционному таргетированию Банк России начал использовать ключевую ставку как основной инструмент денежно-кредитной политики.

Рассматривая эволюцию правотворческой политики Центрального банка Российской Федерации, можно заключить, что в новейшей истории России ее развитие прошло несколько этапов.

Первый этап развития правотворческой политики Центрального банка Российской Федерации был связан с принятием 2 декабря 1990 г. Закона РСФСР № 394-1 «О Центральном банке РСФСР (Банке России)», в котором были определены функции банка в области организации денежного обращения, денежно-кредитного регулирования, внешнеэкономической деятельности и регулирования деятельности акционерных и кооперативных банков. В Законе РСФСР от 2 декабря 1990 г. № 394-1 и принятым на его основе Уставе Центрального банка (Банка России), утвержденным Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 июня 1991 г. № 1483-1 были заложены правовые основы полномочий Банка России на издание нормативных актов.

Второй этап ознаменован изложением Закона РСФСР от 2 декабря 1990 г. № 394-1 в новой редакции — в редакции Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Это произошло с изданием Федерального закона от 26 апреля 1995 г. № 65-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О Центральном банке РСФСР (Банке России)». В Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» — в редакции Федерального закона от 26 апреля 1995 г. № 65-ФЗ появилась статья 6, посвященная правовой регламентации нормотворческой функции Банка России. Заметной новеллой являлось установление правила о регистрации в Министерстве юстиции Российской Федерации нормативных актов Банка России, непосредственно затрагивающих права, свободы или обязанности граждан, в порядке, установленном для регистрации актов федеральных министерств и ведомств.

Третий этап — принятие 10 июня 2002 г. ныне действующего Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» № 86-ФЗ, статья 7 которого развивает положения о нормотворческой функции Банка России. В настоящее время изменился порядок регистрации нормативных актов Банка России. По общему правилу нормативные акты Банка России должны быть зарегистрированы в порядке, установленном для государственной регистрации нормативных правовых актов федеральных органов

исполнительной власти. При этом в статье 7 упомянутого закона установлен ряд исключений, определены нормативные акты Банка России, не подлежащие государственной регистрации и вступающие в силу в соответствии с предусмотренным в них порядком.

Четвертый этап начался, когда был принят Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков». Порядка 40 федеральных законов отразили факт наделения Банка России статусом мегарегулятора и, соответственно, правило об обязательности нормативных актов Банка России для некредитных финансовых организаций, ставших поднадзорными Банку России.

Наконец, последний этап правотворческой политики Банка России, связанный с разработкой приоритетов развития денежно-кредитной системы Российской Федерации в условиях цифровой экономики, начался в феврале 2018 г. Тот факт, что финансовый сектор является одним из лидеров национальной экономики по скорости внедрения информационных технологий, потребовал изменений в функционировании финансового сектора, а также содержания и механизмов его регулирования. Вследствие этого Банком России был подготовлен инициативный доктринальный акт — Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов.

Исследование современной правотворческой политики Банка России позволило выявить три проблемы, решение которых может повысить ее результативность.

Первая проблема — недостаточная координация доктринальных актов регулятора и иных документов государственного стратегического планирования.

Рассматривая, в частности, Стратегию экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208, и Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики Российской Федерации на 2019 год и период 2020 и 2021 годов, можно отметить некоторую рассогласованность приоритетов. Так, в соответствии со Стратегией экономической безопасности задачами по обеспечению устойчивого развития национальной финансовой системы, среди прочих, являются: развитие внутренних (национальных) источников долгосрочных финансовых ресурсов, обеспечение нормы накопления, достаточной для устойчивого развития национальной экономики, и развитие механизмов и инструментов инвестиционно ориентированной государственной финансовой политики. В то же время главным приоритетом и основной целью денежно-кредитной политики Банка России, закрепленной в Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики, выступает поддержание ценовой стабильности, то есть стабильно низкой инфляции. Регулятор

отмечает, что монетарная политика может создать необходимые условия для экономического роста, но не в состоянии стать его источником [27, с. 6]. Вместе с тем в Годовом отчете Банка России за 2018 год указано, что «комплексная работа по стратегическим направлениям деятельности Банка России способствует достижению национальных целей развития Российской Федерации, вносит значимый вклад в обеспечение устойчивого и качественного роста экономики, является частью общегосударственной политики по повышению благосостояния граждан России» [28].

Анализируя динамику индикаторов, характеризующих развитие отечественной экономики в 2014–2018 гг. (см. табл. 1), можно отметить, что к 2018 г. главную цель Банка России (низкие темпы инфляции) можно считать достигнутой, в то время как относительно высокий уровень ключевой ставки (на 1 мая 2019 г. — 7,75 %) пока не позволяет создать условия для экономического развития. Темп роста инвестиций в основной капитал явно недостаточен для восстановления темпов роста ВВП и промышленного производства.

Таблица 1

Динамика индикаторов экономического развития России
в 2014–2018 гг.¹

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП, в текущих ценах, млрд руб.	79058,5	83094,3	86014,2	92101,3	103875,8
ВВП в постоянных ценах, млрд руб. (в ценах 2016 г.)	87757,1	85731,9	86014,2	87416,4	89387,5
Темп роста ВВП, %	100,7	97,7	100,3	101,6	102,3
Индекс промышленного производства, %	102,5	99,2	102,2	102,1	102,9
Дефицит/профицит федерального бюджета, млрд руб.	-334,7	-1961,0	-2967,3	-1331,4	2742,0
Ключевая ставка ЦБ (на 31.12), %	17,0	11,0	10,0	7,75	7,75
Уровень инфляции, %	7,8	15,5	5,4	2,5	4,3
Цена нефти Urals, дол./бар. (на конец года)**	55,29	33,74	49,04	66,17	54,02
Темп роста инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах), %	98,5	89,9	99,8	104,8	104,3
Официальный курс национальной валюты, руб./долл. (на 31.12)	56,26	72,88	60,66	57,60	69,47

¹ Источники данных: Федеральная служба государственной статистики (<http://www.gks.ru/>); Центральный банк Российской Федерации (<https://www.cbr.ru/>); Единый портал бюджетной системы Российской Федерации (http://budget.gov.ru/epbs/faces/page_home?_adf.ctrl-state=12tlw88u3b_4); Invest Brothers (https://investbrothers.ru/stata/stata_oil/urals).

Таким образом, оценивая положительно деятельность Банка России по обеспечению ценовой стабильности в экономике, устойчивости рубля, надежности национальной платежной системы и минимизации целого ряда внешних и внутренних рисков финансовой стабильности, можно констатировать, что регулятору целесообразно перейти к более мягкой, стимулирующей денежно-кредитной политике, позволяющей в полной мере использовать ее потенциал для ускорения экономического роста (закрепив это в Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики). Полагаем, что в условиях снижения инфляционных рисков, которое наблюдается сегодня, стимулирование экономического роста вполне может быть провозглашено главной целью монетарной политики.

Это означает, что, не затрагивая дискуссионные вопросы о необходимости расширения полномочий Банка России и включения в его полномочия функций по стимулированию экономического роста, следует тем не менее обеспечить наибольшую скоординированность *содержания* основных документов государственного стратегического планирования в Российской Федерации.

Второй проблемой правотворческой политики Банка России является неупорядоченность и неурегулированность в официально изданных нормативных актах Банка России широкого круга правовых актов, среди которых — письма, информационные письма, разъяснения, методические рекомендации Банка России. Перечисленные документы играют важнейшую роль в реализации правотворческой функции Банка России, обеспечивая гибкость правотворческой политики и ее наибольшее соответствие социально-экономическим и политико-правовым реалиям.

Взаимосвязанное закрепление порядка издания перечисленных правовых актов и доктринальных (программных) актов Банка России в официально опубликованных нормативных актах Банка России позволит усовершенствовать правотворческую политику Центрального банка Российской Федерации в соответствии с социально-экономическими и политико-правовыми реалиями и современными вызовами правовой жизни.

В целях повышения открытости функционирования Центрального банка Российской Федерации представляется целесообразным издание нормативного акта Банка России по регулированию порядка издания доктринальных (программных) актов Центрального банка Российской Федерации как законодательно предусмотренных, так и инициативно издаваемых Банком России.

Доктринальные (програмные) акты Центрального банка Российской Федерации концептуально определяют содержание нормативных, правоприменительных, интерпретационных и иных правовых актов Банка России. В отношении нормотворческой функции Банка России необходимо отметить позитивное значение новелл Положения Банка России от 22 сентября 2017 г. № 602-П «О правилах подготовки нормативных актов Банка России» [29], применительно к правоприменительным актам в сфе-

ре банковского надзора — Инструкции Банка России от 21 июня 2018 г. № 188-И «О порядке применения к кредитным организациям (головным кредитным организациям банковских групп) мер, предусмотренных статьей 74 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», представляется актуальным возобновление издания интерпретационных актов Банка России, регулируемых Положением Банка России от 18 июля 2000 г. № 115-П «О порядке подготовки и вступления в силу официальных разъяснений Банка России» [30].

Наконец, *третьей проблемой* является отсутствие нормативно-правовых актов, регулирующих и регламентирующих обращение цифровых денежных средств в национальной платежной системе России (регулирование новых финансовых технологий — услуги в цифровом формате, технология «блокчейн»).

Важнейшим документом в данном направлении является Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации включена статья 141.1 «Цифровые права». Как известно, Гражданский кодекс Российской Федерации регулирует частные отношения. Поэтому представляется весьма важным принятие документа публично-правовой направленности, отражающего нормотворческие полномочия Банка России в сфере цифровых финансовых активов. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о цифровых финансовых активах) подготовлен ко второму чтению (http://www.pr_fz210319_2.rtf). Данным проектом вводится понятие «цифровые операционные знаки» и закрепляется право Банка России определять случаи осуществления выпуска и использования цифровых операционных знаков, а также устанавливать порядок их выпуска и использования. В целом проект федерального закона закрепляет порядка 20 вопросов, по которым требуется издание нормативных актов Банка России, что свидетельствует о необходимости нормотворческой активности Банка России в сфере цифровой экономики.

Следует заметить, что экономическая политика в сфере цифровизации финансовых технологий требует издания нормативных актов Банка России для реализации заявленных целей. Так, Указание Банка России от 24 декабря 2018 г. № 5035-У «О внесении изменений в Инструкцию Банка России от 30 мая 2014 г. № 153-И «Об открытии и закрытии банковских счетов, счетов по вкладам (депозитам), депозитных счетов (зарегистрировано в Минюсте России № 53610 от 29 января 2019 г.), официально опубликовано на сайте Банка России 4 февраля 2019 г.) позволило внедрить в кредитных организациях сервис дистанционного управления полномочиями по счетам корпоративных клиентов на совершение операций в отделениях банков, который проходил апробацию в регулятивной «песочнице» Банка России [31].

Помимо вышеназванного, актуально издание нормативных актов Банка России для Системы быстрых платежей, что требует принятия соответствующего федерального закона.

Таким образом, правовые акты Центрального банка Российской Федерации (доктринальные или программные, нормативные, правоприменительные, интерпретационные, договорные) выступают важнейшими средствами финансово-правовой политики в сфере законодательно определенной компетенции Центрального банка Российской Федерации, направленной на достижение общественно значимых задач. Актуальными проблемами правотворческой политики Центрального банка Российской Федерации являются регламентация материально-правовых и процессуально-правовых аспектов издания законодательно определенных и инициативно предлагаемых Банком России доктринальных (программных) актов Банка России, реализации нормотворческой функции Банка России, подготовки правоприменительных актов Банка России, в том числе по вопросам применения мер принуждения, интерпретационных и договорных актов Банка России.

В заключение следует сделать вывод о взаимовлиянии экономической и правовой, в том числе правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной и договорной политики Банка России. Важно подчеркнуть воздействие качественной правотворческой политики Центрального банка Российской Федерации на повышение эффективности экономической политики в социальных, общественно-значимых целях, к которым представляется возможным отнести обеспечение устойчивости национальной валюты, развития финансовых технологий, повышения финансовой грамотности и защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, пресечения недобросовестного поведения на финансовом рынке и иные цели деятельности Банка России, закрепленные в статье 3 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Правотворческая политика Банка России исходит из реалий экономической политики в указанной сфере общественных отношений и в свою очередь оказывает активное воздействие на экономическую политику [32, с. 5–16] путем внесения в программных актах Банка России предложений по совершенствованию действующего законодательства и определению потребности в издании нормативных актов Банка России. Средства правотворческой политики Банка России влияют на экономическую политику в аспекте ее структурирования, создания благоприятных условий для экономической политики. Финансово-правовую политику представляется возможным рассматривать как гарантирующую политику по отношению к экономической политике.

Список литературы:

1. Лаврушин, О.И. Совершенствование регулирования банковской деятельности и формирование ее новой модели // Банковское право. — 2018. — № 4. — С. 61–65.

-
2. Банковское дело: учебник / О.И. Лаврушин, Н.И. Валенцева [и др.]; под ред. О.И. Лаврушина. — 12-е изд., стер. — М. : КНОРУС, 2016. — 800 с.
 3. Банковское дело / под ред. Г.Н. Белоглазовой и Л.П. Кроливецкой. — СПб.: Питер, 2004. — 384 с.
 4. Фетисов, В.Д. Финансы и кредит: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям экономики и управления / В.Д. Фетисов, Т.В. Фетисова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ, 2012. — 455 с.
 5. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма : ИНФРА-М, 2017. — 800 с.
 6. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федеральный закон РФ от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. — 2001. — № 2.
 7. Степаненко, Р.Ф. Правовые риски как предмет исследования общей теории права: проблемы и перспективы методологии междисциплинарности // Государство и право. — 2018. — С. 13–22.
 8. Малько, А.В. Правотворческая политика в современной России: курс лекций / под ред. А.В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — 456 с.
 9. Малько, А.В. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект) / А.В. Малько, А.П. Мазуренко. — М.: МГЭИ, 2011. — 32 с.
 10. Арзамасов, Ю.Г. Ведомственная правотворческая политика // Правотворческая политика в современной России: курс лекций / под ред. А.В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — С. 220–234.
 11. Пастушенко, Е.Н. Правовые акты Центрального банка Российской Федерации: финансово-правовые аспекты теории: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. — 518 с.
 12. Малько А.В. Правотворческая политика органов исполнительной власти в современной России // Российская правотворческая политика : общетеоретические и отраслевые проблемы: сборник научных трудов по материалам всероссийского круглого стола / под общ. ред. А.В. Малько, Н.В. Исакова, А.П. Мазуренко. — Пенза: РИА-КМВ, 2012. — С. 6–14.
 13. Малько А.В. Правовые акты как средства российской правовой политики в условиях глобализации и регионализации : монография / А.В. Малько, Я.В. Гайворонская. — М.: Юстиция, 2018. — 120 с.
 14. Рождественская Т.Э. Банковский надзор в Российской Федерации : учебное пособие для магистратуры / Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов. — М.: Норма : Инфра-М, 2018. — 176 с.
 15. Малько, А.В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики / А.В. Малько, Я.В. Гайворонская // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 1. — С. 4–25.
 16. URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/48125/on_2019 \(2020-2021\).pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/48125/on_2019 (2020-2021).pdf) (дата обращения: 05.06.2019).
 17. URL: https://www.cbr.ru/finmarkets/files/development/onrfr_2016-18.pdf (дата обращения: 05.06.2019).
 18. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/71220/main_directions.pdf (дата обращения: 05.06.2019).
 19. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/16247/strategy_psys.pdf (дата обращения: 05.06.2019).
 20. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/35816/ON_FinTex_2017.pdf (дата обращения: 05.06.2019).
-

21. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/37470/str_30032018.pdf (дата обращения: 05.06.2019).

22. О стратегическом планировании: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (с изм. по состоянию на 31 декабря 2017 г., № 507-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 26, ч. 1, ст. 3378; — 2018. — № 1, ч. 1, ст. 91.

23. Госдума приняла в третьем чтении постановление об основных направлениях ДКП на 2019–2021 годы. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=10755227> (дата обращения: 21.11.2018).

24. О Годовом отчете Центрального банка Российской Федерации за 2017 год : постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 19 июня 2018 г. № 4241-7 ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2018. — № 26, ст. 3773.

25. О деятельности Центрального банка Российской Федерации (Банка России) по регулированию, контролю и надзору за финансовыми рынками в 2013–2016 годах : постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 1 марта 2017 г. № 44-СФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2017. — № 10, ст. 1438.

26. План мероприятий (дорожная карта) Банка России на 2016 год по реализации Основных направлений развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

27. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики Российской Федерации на 2019 год и период 2020 и 2021 годов. URL: [https://www.cbr.ru/Content/Document/File/48125/on_2019\(2020-2021\).pdf](https://www.cbr.ru/Content/Document/File/48125/on_2019(2020-2021).pdf)

28. Годовой отчет Банка России за 2018 год. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19699/ar_2018.pdf.

29. О правилах подготовки нормативных актов Банка России : положения Банка России от 22 сентября 2017 г. № 602-П // Вестник Банка России. — 2017. — № 84.

30. О порядке подготовки и вступления в силу официальных разъяснений Банка России : положение Банка России от 18 июля 2000 г. № 115-П // Вестник Банка России. — 2000. — № 41.

31. Первый проект из регулятивной «песочницы» Банка России получил юридическую основу. URL: <http://cbr.ru/Press/event/?id=2404> (дата обращения: 08.02.2019).

32. Тихомиров, Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. — 2014. — № 3. — С. 5–16.

Я.В. Гайворонская,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Юридической
школы Дальневосточного
федерального университета

Ya.V. Gaivoronskaya,
PhD in Legal Science, Associate
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law Law
School Far Eastern Federal university
yanavl@yandex.ru

Правовые акты и правотворчество субъекта федерации: взгляд с позиций новых реалий правового регулирования*

Аннотация: в условиях меняющегося социального контекста меняются и требования к правовому регулированию. Основным фактором, провоцирующим изменения в современном мире, является развитие технологий. Речь идет не только о технологическом прогрессе в форме цифровизации и внедрения систем искусственного интеллекта в процессы реализации юридической деятельности и государственного управления, но и о технологиях в более широком смысле как новых моделях деятельности. Новые технологии правотворчества и контроля качества и эффективности правовых актов уже изменили правовое регулирование и продолжают его менять. Юридические технологии переплетаются с цифровыми, информационными, социальными, интеллектуальными и т.д. технологиями. Сегодня можно говорить о новых моделях правового регулирования, связанных с технологиями стратегического планирования в сферах экономики и правотворческой деятельности. В работе некоторые изменения правового регулирования рассматриваются применительно к системе правовых актов субъекта федерации, оцениваются реальное состояние системы региональных правовых актов и «болевые точки», снижающие регулятивный потенциал внутрифедеративного правотворчества.

Ключевые слова: правовые акты, система правовых актов, стратегическое планирование, концепция правовой политики субъектов Российской Федерации, правовая политика, правотворчество, юридические технологии, инновационные технологии, цифровизация.

Legal acts and lawmaking by a constituent entity through a prism of new realia of legal regulation

Abstract: a changing social context changes the requirements for the legal regulation. The main factor causing these changes in the modern world is the technology development. It does not mean only the technological progress as the digitalization and implantation of the artificial intellect into legal activity and state management, but also technologies in

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

a broader sense as the new models of activity. The new technologies of lawmaking and quality and efficiency control of the legal acts have already changed and continue to change the legal regulation. Legal technologies interweave with digital, data, social, intellectual and other technologies. Today we can say about new models of legal regulation connected with the technologies of strategic planning in the spheres of economy and lawmaking. This paper considers some changes of the legal regulation in terms of the system of legal acts of a constituent entity, evaluates the real situation in the system of regional legal acts and problem issues which decrease the regulatory potential of inner federative lawmaking.

Keywords: *legal acts, system of legal acts, strategic planning, conception of legal policy of the Russian Federation constituent entities, legal policy, lawmaking, legal technologies, innovation technologies, digitalization.*

Недавно в жизни российской юридической общественности произошло событие, которое дает толчок для развития новых регуляторных механизмов на территории России. 10 апреля 2019 г. в Тамбове на базе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина состоялся научно-практический круглый стол «Концепция правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области): обсуждение проекта». Мероприятие было инициировано журналами «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы государства и права», научно-образовательным ежегодником «Государственно-правовые исследования». Регулятивный потенциал концепции правовой политики как политического и юридического документа в России не используется, хотя за рубежом есть опыт положительного применения подобных механизмов. По нашему мнению, концепции правовой политики в качестве официального политико-правового документа весьма перспективны с точки зрения повышения эффективности правового регулирования и использования современных юридических технологий в правотворчестве.

В данной статье мы хотим затронуть некоторые фундаментальные и технико-юридические вопросы регионального правотворчества через призму создания концепции правовой политики субъекта федерации как нового регулятивного средства. Такой подход поможет соединить потенциал классического правотворчества и стратегического планирования, преодолеть разрыв между ними, имеющийся в современной политико-правовой практике, обеспечить комплексность и качественность правового регулирования. Техничко-юридическими аспектами реализации Концепции правовой политики субъекта федерации являются система правовых актов и особенности правотворчества субъекта федерации.

Средствами реализации правовой политики, как известно, выступают правовые акты. Система правовых актов должна быть адекватна потребностям правовой политики и правового регулирования, а также содержанию общественных отношений, опосредуемых этими актами. Для концепции правовой политики субъекта федерации система правовых актов — вопрос вторичный, юридико-технический, но это не умаляет его значимости. Нельзя качественно регулировать общественные

отношения, если не упорядочены сами средства регулирования. Точно также невозможно эффективно осуществлять стратегическое планирование развития неких сфер общественных отношений без качественных средств такого планирования.

Можно выделить три фактора, которые на сегодняшний день определяют ожидания в отношении качества и функциональности правовых актов субъекта федерации. Естественно, таких факторов, влияющих на систему правовых актов субъекта РФ, больше, но именно названные факторы, на наш взгляд, в первую очередь влияют на качество региональных правовых актов в современных условиях. Итак, эти факторы таковы:

- практика опережающего нормотворчества субъектов федерации в вопросах, связанных с созданием, классификацией, правовым регулированием взаимодействия правовых актов;
- включенность системы региональных правовых актов как элемента в общую систему правовых актов РФ;
- влияние новых технологий на правовое регулирование и, как следствие, и на систему правовых актов.

1. Характеризуя первый фактор, хотелось бы сделать несколько вводных замечаний по поводу особенностей и принципов регионального правотворчества. Правотворческая деятельность субъектов составляет специфику России как федеративного государства. Развитие правотворчества на уровне регионов выступает проявлением тенденции децентрализации правовой системы в Российской Федерации. По нашему мнению, характеристики регионального правотворчества во многом распространяемы и на стратегическое планирование в рамках субъекта федерации (проявлением которого является концепция правовой политики субъекта федерации), так как у этих видов деятельности много общего с точки зрения целей, субъектов, способов воздействия на общественные отношения. К тому же стратегическое планирование и правотворчество неразрывно связаны друг с другом: первое должно выступать первоначальным этапом и основанием для второго. Суть регионального правотворчества состоит в целенаправленном нормативном регулировании общественных отношений на уровне регионов для наиболее благоприятного развития субъектов федерации и улучшения условий жизни населения региона в пределах, установленных федерацией. Подобные цели имеет и стратегическое планирование на уровне субъекта федерации. При этом стратегическое планирование на уровне регионов в обязательном порядке должно учитывать специфику регионального правотворчества.

Основную проблему и на доктринальном, и на законодательном уровнях составляет дуализм регионального правотворчества. С одной стороны, налицо необходимость учета географических, климатических, экономических, национально-культурных, религиозных особенностей субъектов РФ. С другой стороны, региональное законодатель-

ство должно органично вписываться в единую федеральную систему и не порождать противоречий с федеральным законодательством.

Недостаточная эффективность, изменчивость и противоречивость регионального правотворчества в России во многом объясняется «лоскутным», фрагментарным характером правотворчества. Фрагментарное правовое регулирование вопросов регионального правотворчества не позволяет формировать единое правовое поле страны. Для качественного правового регулирования как результаты регионального правотворчества (издаваемые нормативные правовые акты), так и системы правовых актов субъектов федерации должны быть в достаточной степени унифицированы, соответствовать неким общим принципам и стандартам.

Конечно, идеальным был бы такой путь решения задачи повышения эффективности регионального правотворчества: 1) доктринальная разработка теории регионального правотворчества; 2) законодательное закрепление на федеральном уровне системы нормативных правовых актов и общих принципов и требований к правотворчеству на территории государства в целом (обязательных и для правовых актов субъекта федерации). Однако в настоящий момент в условиях отсутствия федерального регулирования единой системы правовых актов государства и вопросов правотворчества следует сосредоточить внимание на возможностях самих субъектов федерации в сфере повышения качества и обеспечения эффективности систем регионального правотворчества и стратегического планирования.

При отсутствии единообразного федерального регулирования все субъекты Российской Федерации приняли собственные документы, в той или иной мере регулирующие систему правовых актов субъекта, правотворчество, законодательную деятельность и опубликование нормативных правовых актов. Исходя из проведенного нами анализа на сегодняшний день специальные акты по названным выше вопросам в 84 субъектах РФ. В качестве таких специальных актов выступают региональные законы «О правовых актах», «О нормативных правовых актах», «О правотворчестве», «О законодательной деятельности» и т.д. Конечно, это не решает проблему отсутствия закона о правовых актах и системе правовых актов на федеральном уровне. Однако практика опережающего правотворчества субъектов федерации позволяет реализовать на практике многие перспективные научные разработки, снять ряд пробелов в правовом регулировании, создать эффективные комплексы правовых средств на региональном уровне. Такая же практика опережающего правотворчества вполне применима и к сфере стратегического планирования. При отсутствии официально принятой Концепции правовой политики Российской Федерации ничто не мешает субъектам федерации принять соответствующие документы на региональном уровне. Такой «правовой эксперимент» позволит апробировать потенциал концепции правовой политики в качестве средства правового регулирования и инструмента стратегического

планирования, получить позитивный и негативный опыт реализации документа, создать работающую модель концепции для реализации ее в дальнейшем на общедоказательном уровне.

2. Региональное правотворчество имеет свои специфические принципы (помимо общих принципов, характеризующих правотворческий процесс в целом). К этим принципам относятся принцип дифференциации правотворческих полномочий (компетентности), а также принцип непротиворечивости нормативных правовых актов субъекта РФ их и согласованности с федеральным законодательством. Принцип дифференциации правотворческих полномочий (компетентности) требует четкого соблюдения субъектами правотворчества при принятии нормативно-правового акта рамок собственной компетенции и компетенции других правотворческих органов. Это справедливо и для разграничения полномочий между органами федерального и регионального уровней, и для разграничения компетенции между органами различных властей одного уровня. Качественная, внутренне согласованная система законодательства формируется в результате того, что каждый субъект правотворчества знает пределы своего правового регулирования и не вторгается в сферу полномочий другого.

Принцип непротиворечивости и согласованности нормативных актов субъекта РФ с федеральным законодательством означает, что каждый принимаемый правотворческим органом нормативный акт должен вписываться в общую систему законодательства и не нарушать ее целостность и согласованность. На практике это выразится в следующем: во-первых, нормативные правовые акты субъектов, принимаемые по вопросам совместного ведения федерации и субъектов федерации, не должны противоречить Конституции РФ и федеральному законодательству; во-вторых, нормативные акты, принятые в пределах ведения субъекта федерации, не должны противоречить конституциям (уставам) субъектов.

Эти принципы обеспечивают системность правовых актов на уровне субъекта федерации и государства в целом. И здесь необходимо обрисовать систему правовых актов Российской Федерации. В основе системы правовых актов лежат две оси, определяющие вертикальное и горизонтальное строение системы.

С точки зрения иерархической структуры, вертикальной логики система правовых актов России должна включать в себя четыре уровня правовых актов: правовые акты федерального уровня; правовые акты регионального уровня; правовые акты муниципального уровня; правовые акты локального уровня. В отношении данной модели необходимо сделать как минимум два уточнения. Во-первых, иерархические связи в системе правовых актов Российской Федерации не являются абсолютными, иными словами, нет четкого правила, в соответствии с которым каждый нижестоящий уровень иерархии не должен противоречить вышестоящему. Прежде всего, недостаточность вертикального соподчинения как основы системы правовых актов РФ

проявляется на примере актов субъектов федерации. Как известно, в соответствии со ст. 76 Конституции РФ федеральные законы имеют приоритет в отношении законов и иных актов субъекта федерации в том случае, если вопрос регулирования относится к предметам ведения Российской Федерации или к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. В том случае, если вопрос регулирования будет относиться к ведению субъекта, региональный закон будет обладать большей юридической силой в случае потенциального противоречия с федеральным законом. Похожая ситуация складывается и в вопросе об актах органов местного самоуправления: хотя в целом муниципальные правовые акты не могут противоречить актам большей юридической силы, законодатель выделяет ряд вопросов, решения по которым могут приниматься только муниципальными органами. Иерархические связи в системе правовых актов РФ дополняются функциональными, «компетенционными» связями.

Во-вторых, отдельным уровнем системы правовых актов современной России надо выделить правовые акты граждан или, более точно, акты реализации прав и обязанностей автономных субъектов (частных лиц). В данном контексте мы говорим о правовых актах в целом, т.е. в систему правовых актов государства должны входить не только нормативные правовые акты, но и правовые акты всех возможных видов, допускаемых в данном государстве. С этой точки зрения выделение пятого уровня иерархии для правовых актов частных лиц является закономерным отражением процессов демократизации правового регулирования, расширения сферы юридических возможностей и автономии субъектов, формирования гражданского общества с характерным для него расширением юридических возможностей отдельного лица. При добавлении такого уровня система правовых актов приобретает несколько условный, модельный характер, так как становится затруднительным сформулировать однозначный критерий формирования системы и выделения ее уровней. Правовые акты частных лиц не могут противоречить актам компетентных субъектов из других уровней нашей системы, граждане/юридические лица могут создавать акты с юридическими последствиями только в случаях и в форме, предусмотренной законом. В этом аспекте иерархический критерий системы соблюдается. Но вместе с тем частные лица принципиально отличаются по правовому положению от лиц, обладающих властными полномочиями. К тому же все акты пятого уровня имеют индивидуально-правовой характер, в то время как другие уровни системы содержат правовые акты разных видов и функций.

Признавая некую условность и механистичность пятиуровневой конструкции системы правовых актов, мы все же считаем, что она может и должна быть взята за основу при исследовании и создании правового регулирования в отношении системы правовых актов Российской Федерации. Названная конструкция согласуется со сложившимися правовым регулированием и практикой, с отечественной

правовой традицией. Другое дело, что нужно исследовать и обозначать типы связей, положенных в основу системы правовых актов РФ.

Что касается горизонтального строения системы правовых актов, то необходим комплексный критерий, способный учесть различные особенности актов. В качестве такого критерия мы предлагаем *юридическую природу* акта. Юридическая природа акта — это его комплексная характеристика, включающая в себя оценку содержания акта, его юридической функции, а также правового положения субъектов, издающих акт. На основе данного критерия представляется возможным предложить следующую *систему правовых актов Российской Федерации*: 1) доктринальные правовые акты (политико-программные акты, стратегические акты, концептуальные акты); 2) нормативно-правовые акты; 3) общие акты (акты общего характера); 4) смешанные акты; 5) интерпретационные акты; 6) индивидуально-правовые акты, которые в зависимости от субъектов, издающих индивидуально-правовые акты, подразделяются на две группы: акты применения права (правоприменительные акты); индивидуально-правовые акты субъектов без властных полномочий (акты реализации прав и обязанностей); 7) договорные акты, в зависимости от порождаемых правовых последствий и юридической функции (свойств), подразделяются на нормативные и индивидуальные.

Все названные выше группы относятся и к системе правовых актов субъекта федерации. Концепция правовой политики субъекта федерации должна трансформироваться в политико-программный (доктринальный) акт, получить свои реквизиты и официальный статус. Кроме того, в идеале концепция должна предусмотреть требования к будущему нормативному закреплению системы правовых актов и изданию (внесению изменений) соответствующих законов о правовых актах субъекта федерации.

Однако необходимо различать систему правовых актов, формируемую и изучаемую на доктринальном уровне, и систему правовых актов, формально закреплённую в законодательстве. Законодательное закрепление должно в максимальной мере обеспечивать формальную определённость права, быть лаконичным и фиксировать «правильную» модель общественных отношений. Наука же занимается, помимо прочего, и обобщением практики, в том числе и негативной, ошибочной, неудачной. Нет никакой необходимости фиксировать в законодательстве все семь групп правовых актов, образующих современную систему правовых актов РФ. Приведённая выше система — это научная модель, обобщение всех видов правовых актов, отражённых на сегодняшний день в российском законодательстве. Например, спорно и с точки зрения законности, и с точки зрения требований юридической техники распространение общих и смешанных актов. Нет никакой необходимости упоминать в Концепции правовой политики региона или в Законе о правовых актах правовые акты граждан и иных автономных субъектов — у названных документов иные цели. А изучить и обобщить все особенности и разновидности правовых

актов — это научная задача, полезная для юридического образования и формирования практических предложений по совершенствованию правотворчества и стратегического планирования.

Итак, для целей будущего законодательного закрепления считаем целесообразным предложить следующую систему правовых актов субъекта федерации (в зависимости от их правовой природы):

- доктринальные (политико-программные) акты;
- нормативные правовые акты;
- интерпретационные акты (акты официального толкования);
- правоприменительные акты.

В действующем Законе Тамбовской области «О правовых актах Тамбовской области», а также в законах других регионов закреплено деление правовых актов на нормативные и ненормативные. В современных условиях такой модели уже недостаточно. Дело в том, что все акты, за исключением нормативно-правовых, при этой модели будут отнесены к группе ненормативных. Такая унификация не учитывает особенности правовой природы отдельных видов актов, не помогает придать статус и юридическую определенность (политико-программным) доктринальным актам. А это крайне необходимо для их дальнейшего использования в качестве средств стратегического планирования и основы регионального правотворчества.

3. Синергия технологий правового регулирования, государственного управления и экономического развития выражается в появлении принципиально новых регуляторных средств, таких как национальные проекты, государственные и федеральные программы, стратегии, концепции, доктрины и другие документы стратегического планирования. Особым регуляторным механизмом является и само стратегическое планирование в целом. С точки зрения инструментов реализация таких инструментов выражается в широком распространении документов стратегического планирования и политико-программных (доктринальных) актов. Можно констатировать, что в современном мире уже сложилась новая модель социально-правового регулирования общественных отношений, состоящая из двух этапов: первый этап — правовая политика, в рамках которой осуществляется научное проектирование и стратегическое планирование развития отдельных направлений правового регулирования, а также правовой системы общества в целом; второй этап — правотворчество, в рамках которого создаются комплексы конкретно-регулятивных предписаний для отдельных сфер общественной жизни. Документы стратегического планирования и политико-программные акты являются средствами правовой политики, а не правового регулирования. За счет политико-программных актов формируется новый механизм социального регулирования и социального управления. Одним из еще не востребованных в России средств правовой политики является концепция правовой политики. В нашем государстве отсутствует концепция правовой политики в качестве официального документа как на федеральном, так и на региональном

уровне. Концепция правовой политики субъекта федерации является выражением двух современных технологий правового регулирования: научного проектирования и стратегического планирования. Потенциал концепции огромен, но только в том случае, если в государстве есть четкая система правовых средств, в том числе система правовых актов. Вопрос о системе правовых актов для концепции правовой политики имеет двойное значение: во-первых, Концепция должна отражать систему правовых актов субъектов (устанавливать ее или исходить из закреплённой системы); во-вторых, сама концепция должна вписываться в общую систему правовых актов государства. Иными словами, для раскрытия регулятивного потенциала Концепции требуется ее «легализация», включенность в общую систему правовых актов, признание и определение ее юридической природы. Концепция правовой политики не может быть только политическим документом, она является политико-правовым актом, и этот факт должен получить соответствующее закрепление в законодательстве.

Т.М. Самусенко,
*кандидат юридических наук, доцент,
 заведующая кафедрой теории
 и истории государства и
 права Юридической школы
 Дальневосточного федерального
 университета*

T.M. Samusenko,
*Candidate of Law, Associate Professor,
 Head of Chair of Theory and History
 of State and Law, School of Law, Far
 Eastern Federal University
 samusenko.tm@dvfu.ru*

**Кафедра теории и истории государства и права
 Дальневосточного федерального университета:
 история, настоящее, будущее**

Аннотация: статья посвящена кафедре теории и истории государства и права, ее истории, опыту и дальнейшим перспективам.

Ключевые слова: формирование, юридическое образование, юридическая школа, наука, кафедра, преподаватели.

**Chair of Theory and History of State and Law of the
 Far Eastern Federal University: history, present time,
 future**

Abstract: article is devoted to the Chair of Theory and History of State and Law, its history, experience and prospects on the future.

Keywords: building, legal education, school of law, research, chair, professors.

Традиции юридического образования на Дальнем Востоке восходят к 1899 г., когда во Владивостоке было основано первое высшее учебное заведение — Восточный институт (ныне — ДВФУ).

В сентябре 1919 г. при поддержке общества адвокатов Владивостока при Восточном институте был открыт первый на Дальнем Востоке частный юридический факультет. В 1920 г. Восточный институт был реорганизован в Государственный дальневосточный университет (ГДУ), в состав которого входили восточный и историко-филологический факультеты и факультет общественных наук, включающий экономическое и юридическое отделения. Традиции дальневосточного юридического образования были прерваны в 30-е годы XX в., ввиду закрытия всего университета. И только в сентябре 1958 г. Минвуз СССР принял решение об открытии специальности «правоведение» на историко-филологическом факультете восстановленного Дальневосточного государственного университета. В 1959 г. был образован историко-правовой факультет с отделениями истории и правоведения и создана кафедра правоведения, которую возглавил кандидат юридических наук Николай Иванович Овчинников.

Кафедра теории и истории государства и права Юридической школы ДВФУ обособилась в качестве самостоятельного научного подразделения от кафедры правоведения историко-правового факультета ДВГУ. Приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 30 января 1964 г. № 95 «О кафедрах Дальневосточного государственного университета» кафедра правоведения была разделена на две самостоятельные кафедры — теории и истории государства и права и уголовного права, процесса и криминалистики, а 7 февраля 1964 г. приказом ректора Дальневосточного государственного университета № 28 была создана кафедра теории и истории государства и права.

В разное время кафедру теории и истории государства и права возглавляли разные люди. Первым руководителем кафедры теории и истории государства и права стал Иннокентий Филиппович Бартыков (12.02.1964– 01.10.1967). Затем его сменил Петр Федорович Елисейкин, который возглавлял кафедру с 1 октября 1967 г. по 29 августа 1971 г. С 1 сентября 1971 г. по 30 августа 1972 г. кафедру возглавлял Владимир Константинович Бабаев. В последующие семь лет (08.09.1972–01.10.1979) руководил кафедрой Виктор Федорович Белявский. С ноября 1978 г. по февраль 1995 г. кафедру возглавляла профессор Татьяна Самуиловна Исаева. Преемником Т.С. Исаевой на должности заведующего кафедрой стала Татьяна Михайловна Самусенко, которая руководит кафедрой с 1995 г. по настоящее время.

История юридического образования в Дальневосточном федеральном университете и история кафедры теории и истории государства и права связана с именами профессорov Татьяны Самуиловны Исаевой и Виктора Владимировича Сонины, которые на долгие годы определили лицо юридического факультета (института, школы), кафедры в Университете.

17 июля 1958 г. Татьяна Самуиловна Исаева (1931–2017) была принята на должность лаборанта юридического отделения историко-правового факультета. С 1 сентября 1960 г. Т.С. Исаева переведена на должность ассистента кафедры правоведения. За время работы на кафедре она

прошла путь от ассистента до профессора и заведующей кафедрой. Она часто признавалась в том, что кафедра и Юридическая школа стали для нее вторым домом, местом встреч с коллегами и друзьями. За многолетнюю научно-педагогическую деятельность и большой вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов Татьяна Самуиловна Исаева была удостоена звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации», награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Научный и педагогический стаж профессора Виктора Владимировича Сонины (1934–2016) превысил полвека. 58 лет своей жизни он посвятил юридическому факультету ДВФУ. 1 сентября 1959 г. В.В. Сонин был принят на должность преподавателя кафедры правоведения. В 1964 г. В.В. Сонин был переведен на кафедру теории и истории государства и права. С октября 1968 г. по ноябрь 1972 г. работал заместителем декана историко-правового факультета, с января по октябрь 1982 г. — заместителем декана юридического факультета. В 1985–1987 гг. для подготовки и завершения докторской диссертации занимал должность старшего научного сотрудника. В 1990 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Становление Дальневосточной республики (1920–1922 годы)». С марта 1991 г. по октябрь 2016 г. работал профессором кафедры. Свою педагогическую деятельность В.В. Сонин успешно сочетал с большой научной работой. Блестящий педагог и талантливый ученый В.В. Сонин отличался большой работоспособностью и исключительным трудолюбием. Из-под его пера вышло более 250 научных трудов — монографий, научных статей, учебных пособий. Профессор В.В. Сонин являлся членом диссертационного совета Д 212.056.07 на соискание ученой степени доктора наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история (исторические науки).

За многолетнюю научно-педагогическую деятельность Виктор Владимирович Сонин был награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

В стенах Школы продолжают находить применение их глубокие юридические и жизненные познания.

Помощь в становлении кафедры теории и истории государства и права оказали выдающиеся советские и российские ученые — С.С. Алексеев, Д.А. Керимов, А.С. Королев, Л.С. Явич. Особую роль в становлении кафедры и подготовке научных кадров сыграла кафедра теории и истории государства и права Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета. Именно в аспирантуре по данной кафедре прошли обучение и защитили кандидатские диссертации большая часть членов кафедры.

Кафедра теории и истории государства и права в 1964 г. насчитывала 7 преподавателей. В настоящее время на кафедре работают 11 преподавателей: заведующий кафедрой, доцент Т.М. Самусенко, профессор

А.Ю. Мамычев, доценты Я.В. Гайворонская, М.А. Дорофеева, А.М. Иванов, О.И. Кочубей, В.П. Кузьмин, Д.В. Лобач, О.И. Мирошниченко, С.Н. Овчинников, Д.А. Петрова. Коллектив кафедры пополнился новыми молодыми специалистами (к.ю.н., доцент Д.В. Лобач, к.полит.н., доцент Д.А. Петрова). Все преподаватели кафедры имеют ученую степень, являются профессионалами, ответственно выполняющими свою работу. Среди преподавателей кафедры двое имеют нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (доценты Т.М. Самусенко и С.Н. Овчинников), три преподавателя награждены Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ (доценты С.Н. Овчинников, Т.М. Самусенко, Я.В. Гайворонская). Распоряжением Президента РФ от 12 марта 2014 г. № 60-рп заведующей кафедрой к.ю.н., доценту Т.М. Самусенко объявлена благодарность Президента РФ.

Главным направлением деятельности кафедры является организация учебного процесса. Кафедра теории и истории государства и права осуществляет учебную и учебно-методическую работу по дисциплинам, входящим как в базовую часть, так и в вариативную часть федеральных государственных образовательных стандартов. Кафедра обеспечивает подготовку юристов по следующим дисциплинам:

направление подготовки 40.03.01 «юриспруденция» (бакалавриат) — теория государства и права, история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, профессиональная этика юриста, риторика и юридическое письмо, профессиональная карьера юриста, правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона, политические системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона, сравнительное государственное право, право в информационно-медийном обществе, юридическая техника, правовые акты и нормотворчество: современные технологии;

направление подготовки 40.04.01 «юриспруденция» (магистратура) — философия права, сравнительное правоведение, методология научных исследований в сфере юриспруденции, правовая политика современной России, профессиональный имидж юриста.

Преподаватели кафедры — к.ю.н., доцент С.Н. Овчинников и к.ю.н., доцент А.М. Иванов принимают участие в реализации международной образовательной программы «Russian Business and Investment Law».

Развитие сферы высоких технологий, способность работать с информацией в глобальных компьютерных сетях обусловили необходимость внедрения информационных технологий в учебный процесс, создания интегрированной информационно-образовательной среды, что потребовало от преподавателей работы и в этом направлении. Работа в современной электронной среде — важная часть профессиональной подготовки специалиста. В настоящее время находятся в стадии погружения в интегрированную платформу электронного обучения Learning Management System (LMS) рабочие учебные программы (РУП) по всем реализуемым кафедрой дисциплинам.

Большое значение для работы кафедры имел приказ Министерства образования РФ от 30 сентября 1999 г. № 433 «О правовых консультациях

(«юридических клиник») для населения на базе вузов, осуществляющих подготовку юридических кадров». Во исполнение данного приказа в Юридической школе в 2000 г. была создана юридическая клиника «ЭФОРА». Первым директором юридической клиники стала заведующая кафедрой теории и истории государства и права Т.М. Самусенко. Затем ее сменила доцент кафедры Я.В. Гайворонская. Преподаватели кафедры в течение 16 лет (2000–2016) принимали активное участие в учебном процессе клиники. Опыт, приобретенный в работе юридической клиники, позволил разработать и внедрить в учебный процесс курс «Риторика и юридическое письмо», поскольку юрист должен быть грамотным, свободно владеть профессиональным языком.

Важное значение в профессиональной деятельности преподавателей кафедры имеет воспитательная и нравственная составляющие образования. Так, в рамках предоставленных возможностей в учебный план бакалавриата Юридической школы Дальневосточного федерального университета внесены и преподаются (преподавались) такие дисциплины, как «Юридическое образование: мировой и национальный опыт», «Профессиональная этика юриста», «Профессиональная карьера юриста».

Научно-исследовательская работа кафедры осуществляется по научному направлению «Закономерности развития современного государства и права». В сферу научных интересов преподавателей кафедры входит широкий круг проблем: теория правовых актов; основные приоритеты правовой политики современной России; международный терроризм как угроза всеобщему миру и национальной безопасности; международное таможенное право. Расширяются контакты кафедры с учеными других высших учебных заведений. Этому способствовало и проведение в 2018 г. в рамках IV Тихоокеанского юридического форума «Перспективы развития юридической науки, практики и образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе» научно-практической конференции «Национальные, региональные (Азиатско-Тихоокеанский регион) и глобальные тренды развития государства и права в XXI веке».

За последние 5 лет преподавателями кафедры опубликованы научные работы объемом более 300 печатных листов. Среди опубликованных работ — 8 монографий, более 35 научных статей в журналах, включенных ВАК Минобрнауки России в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, 18 научных статей в журналах, включенных в базу изданий Web of Science и Scopus. Преподаватели кафедры принимают активное участие в международных, всероссийских, региональных научных и научно-практических конференциях. Доцент кафедры О.И. Мирошниченко в 2016–2017 гг. прошла обучение по программе LL.M in Legal Theouy в Университете г. Франкфурт (Германия).

Преподаватели кафедры активно занимаются грантовой деятельностью. В 2016 г. доцент кафедры Д.В. Лобач стал победителем конкурса на право получения грантов Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых на проведение исследований по теме «Международный терроризм как угроза всеобщему миру и на-

циональной безопасности: политико-правовые меры противодействия в архитектонике международной безопасности и в национальном законодательстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона».

В 2018 г. научный проект «Доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных аппаратов в социальной и военной сфере», разработанный при участии преподавателей кафедры (профессор А.Ю. Мамычев, доценты Я.В. Гайворонская, О.И. Мирошниченко), стал победителем в конкурсе на лучшие научные проекты междисциплинарных фундаментальных исследований по теме «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий» (Российский фонд фундаментальных исследований).

Преподавателями кафедры ведется активная научная работа со студентами. При кафедре работает студенческий дискуссионный клуб, объединяющий студентов разных курсов и ориентированный на углубленное изучение актуальных проблем современной юридической науки. Руководит клубом доцент О.И. Мирошниченко. Стали традиционными организация круглых столов, проведение дискуссий, видеоконференций по актуальным проблемам теории государства и права. Преподаватели кафедры поддержали идею студентов о проведении ежегодной студенческой конференции, посвященной памяти профессора В.В. Сониной.

Кафедра теории и истории государства и права динамично развивается в составе Юридической школы Дальневосточного федерального университета и с оптимизмом смотрит в будущее. Она чтит традиции, заложенные преподавателями, стоявшими у истоков ее образования, ориентирована на развитие исследований в области трансформации права под воздействием цифровых технологий, роботизированных систем и искусственного интеллекта, сравнительного правоведения и государствоведения, внедрение новейших образовательных технологий в учебный процесс, высокий профессионализм преподавателей, достижение разумного сочетания опыта и молодости в формировании профессорско-преподавательского состава.

С.Н. Овчинников,
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории и истории
государства и права
Дальневосточного федерального
университета*

S.N. Ovchinnikov,
*Candidate of Law, Associate Professor
Department of Theory and History
of State and Law
Far Eastern Federal University
sovchinn@yandex.ru*

109

История юридической науки: к методологии исследования

Аннотация: в статье привлекается внимание к истории юридической науки — относительно новой дисциплине, которая может рассматриваться как самостоятельная область юридической науки. Научный подход к исследованию истории юридической науки требует разрешения ряда методологических вопросов: необходимо определиться с самим понятием юридической науки, обозначить

начальный момент ее истории. Рассматриваются проблемы определения содержания данной дисциплины, отмечаются различные подходы к изучению истории юридической науки, ее междисциплинарные связи, соотношение с историей права и философией права, историей правовых учений. Утверждается, что применительно к проблеме возникновения юридической науки вряд ли можно говорить о некоей общей истории. Каждая национальная юридическая наука появлялась в своем месте и в свое время.

Ключевые слова: юридическая наука, история юридической науки, методология познания истории права.

History of legal science: to the methodology of cognition

Abstract: the article draws attention to the history of legal science — a relatively new discipline that can be considered as an independent area of legal science. The scientific approach to the study of the history of legal science requires the solution of a number of methodological issues: it is necessary to determine the concept of legal science, to identify the initial moment of its history. The problems of determining the content of this discipline are considered, various approaches to the study of the history of legal science, its interdisciplinary connections, correlation with the history of law and philosophy of law, the history of legal studies are noted. It is argued that, with reference to the problem of the emergence of legal science, it is hardly possible to speak of some kind of common history. Each national legal science appeared in its place and in its time.

Keywords: science of law, history of science of law, methodology of cognition of the history of law.

Актуальность и значимость исследования истории юридической науки очевидны. Всякое современное знание, так или иначе, связано с прошлым. Современное знание или дополняет и развивает существовавшее, либо его критикует, отвергает, но и в этом случае от него отталкивается. Современная юридическая наука — результат длительной истории познания права. Однако и история познания права заслуживает своего исследования.

Потребность развития истории юридической науки как самостоятельной научной дисциплины связывают и с состоянием современной юридической науки, характеризующимся многоаспектностью исследований, размыванием границ юридической науки, кризисом современного российского теоретического правосознания [1, с. 3–4]. В соответствии с принципом историзма исторический аспект представляет собой необходимый момент научного познания и образования. В современном юридическом образовании в России можно наблюдать сокращение доли историко-правовых дисциплин, что не может не сказаться на качестве подготовки юристов [2]. Внимание к истории юридической науки усилилось в связи с введением в стандарт магистерской подготовки юристов курса «История и методология юридической науки». В связи с этим вызывает недоумение замена в образовательном стандарте подготовки магистров Юридической

школы Дальневосточного федерального университета данного курса дисциплиной с неудобоваримым названием «Методология научных исследований в сфере юриспруденции».

Исследования по истории юридической науки показывают множество разнообразных подходов. Это и история правовых учений, история отдельной правовой науки, история юридических научных учреждений и учебных заведений, исследования, посвященные отдельным правоведам, историко-критические описания становления научных школ, история развития конкретных правовых концепций, категорий и понятий. История юридической науки рассматривается и в зависимости от развития методологических подходов к познанию права: от схоластики и позитивизма до постмодернизма [3, с. 32–37], предлагается изучение истории юридической науки и как социокультурного феномена [4].

Научный подход к исследованию истории юридической науки требует разрешения ряда методологических вопросов: необходимо определиться с самим понятием юридической науки, обозначить начальный момент ее истории, соотнести историю юридической науки со смежными юридическими дисциплинами — историей права, историей правовых учений.

Юридическая наука представляет собой комплекс знаний о праве, но для обозначения знаний о праве используются и другие термины, можно встретиться с выражениями «правоведение», «юриспруденция», которые часто употребляются как синонимы юридической науки. Соответственно, встречаются работы по истории правоведения, истории юриспруденции. Правоведение сегодня воспринимается главным образом как учебная дисциплина. Юриспруденция — прежде всего профессиональная, практическая деятельность юристов, хотя термины «научная юриспруденция» и «юридическая наука» тождественны [5, с. 3–4].

Понимание юридической науки и определение ее научного статуса весьма разнообразны. Иногда юридическим исследованиям отдают статус научных, и этот статус приходится защищать [6]. Бертран Рассел уподоблял юриспруденцию теологии, поскольку и та и другая делают свои выводы «из не подлежащего сомнению текста, а именно из свода законов или из священных книг» [7, с. 147]. Альваро Вакеро, подчеркивая многозначность термина «юридическая наука», выделяет пять моделей юридической науки [8].

Так же, как определение начала возникновения права зависит от правопонимания, так и определение начала юридической науки зависит от понимания юридической науки. Далеко не всякое знание о праве является научным. Оно может быть практическим, религиозным, философским. Наука — это не просто комплекс знаний, а знания, полученные в соответствии с определенной процедурой, отвечающие критериям научной рациональности. Наука рассматривается и как социальный институт, и как процесс получения ново-

го знания, и как особая разновидность человеческой деятельности. В структуре науки выделяют инфраструктуру (научные коллективы и учреждения, средства распространения научных знаний), свою методологию, язык, идеалы и нормы научного познания. Все названные компоненты охватывает история юридической науки, что делает ее предмет достаточно сложным. Предмет истории юридической науки включает в себя зарождение, становление и развитие юридической науки. Первоначальное осознание права происходило в обыденном сознании, философии и теологии. Юридическая наука стала собственно наукой тогда, когда право стали изучать как таковое, вне рамок философии и теологии.

Исходя из этого положения, можно сопоставить историю юридической науки с историей права и историей правовых учений. Представляется, что предметы этих дисциплин шире, чем предмет истории юридической науки.

История права изучает возникновение и развитие права в каждом конкретном случае, в отдельной стране или группе стран. Возникновение права предшествует возникновению юридической науки. Сначала появилось право, потом люди осознали его существование и стали пытаться объяснить право. Эти попытки привели к возникновению различного рода учений о праве. «В этом плане история права есть также и история юридической науки или история изменений концептуальных границ правовой реальности» [8, с. 9]. Первые обоснования права носили мифологический и религиозный характер. Затем в Древней Греции и Риме появилось философское обоснование права. История правовых учений рассматривает все представления о праве с момента их возникновения и до современных взглядов. Нетрудно заметить, что большинство учебников по истории политических и правовых учений традиционно до середины XIX в. рассматривают представления о праве в рамках тех или иных философских учений. Различие истории правовых учений и истории юриспруденции отмечал В.С. Нерсесянц. В истории политических и правовых учений правовая мысль прошлого трактуется «не в виде истории юриспруденции (со всеми ее отраслями, специальными приемами юридико-догматического анализа и т.п.), а по преимуществу в виде тех теоретических концепций права и законодательства, в которых освещается природа, понятие, сущность, ценность, функции и роль этих специфических явлений общественной жизни» [10, с. 5].

Историю юридической науки нужно отличать и от истории философии права. Философия права рассматривается и как часть философии, и как юридическая наука. Эти позиции не являются взаимоисключающими. Все дело в подходе к изучению права. Одно дело, когда философией права занимается философ, другое — когда ей занимается юрист. Философы стремятся обосновать всеобщность своей картины мира и ищут ей подтверждения в различных областях

действительности. Так появляется философия природы, культуры, политики и права в том числе. Задача ученого-юриста иная. Он стремится с помощью философских категорий сделать свои представления о праве более глубокими. С нашей точки зрения, философия права составляет часть теории права, занимающей сущностью и понятием права, методологией правового познания, использованием философских категорий в юридической науке.

Вряд ли можно точно определить дату возникновения юридической науки, но можно обозначить период, когда научное юридическое знание стало обособляться от теологии и философии. Возникновение юридической науки определяют по-разному. В.М. Сырых полагает, что начало западноевропейской правовой науки было положено в Древней Греции [11, с. 140]. Однако в Древней Греции знание о праве вырабатывалось и существовало в рамках философских учений. Часто возникновение юридической науки связывают с Римом, пишут о римской правовой науке, расцвете правовой науки в Риме [5, с. 9]. Е.Г. Комиссарова определяет юридическую науку у римлян как «систему юридических норм, применяемых в судебной практике» [12, с. 27]. Однако деятельность римских юристов носила прежде всего практический характер, они занимались разработкой конкретных правовых вопросов, не стремились формулировать общие представления о праве, научные абстракции. По мнению Г.Ф. Шершеневича, «римские юристы руководились больше инстинктом, нежели строго выработанной теорией. Довольно правильно решая отдельные вопросы, проявляя весьма тонкий анализ к отдельным юридическим отношениям, они совершенно неспособны были к обобщениям» [13, с. 120]. По мнению В.Н. Жукова, «говорить о наличии юридической науки в Древнем Риме не приходится. Только университетская среда континентальной Европы начинает формировать нечто, похожее на науку» [14, с. 10].

Следует согласиться с Г.Дж. Берманом и другими исследователями, которые связывают становление собственно юридической науки с возникновением первых европейских университетов. «Именно там впервые в Западной Европе право преподавалось как четко очерченный и систематизированный свод знаний, наука, в которой отдельные юридические решения, нормы и законодательные акты изучались объективно и объяснялись с точки зрения общих принципов и истин базовых для всей этой системы в целом». В этот период «системы юридического знания, основанные на принципе внешнего трансцендентального авторитета, вытесняются новыми формами юридического знания, основанными на принципе незавершенной в себе и открытой изменением системы формальных понятий и определений» [15, с. 124]. Аналогичным образом М.А. Кожевина полагает, что «отечественная юридическая наука могла зародиться лишь в то время, когда право, правовая среда приобрели системность, т.е. не ранее конца XVIII в., а скорее всего

— к середине XIX столетия» [1, с. 8]. Возникновение юридической науки в России связано с заимствованием европейских правовых воззрений через иностранную профессию, приезжавшую преподавать право в Россию.

История юридической науки обычно рассматривается на национальном или региональном уровнях: в Западной Европе, Германии, России и т.п. Относительно недавно стали появляться высказывания о возможности построения некоей общей истории юридического знания. «Концептуальные формы юридического знания и институциональные формы их производства и трансляции составляют общую историю в развитии различных правовых систем» [4, с. 16]. С начала 1990-х годов в западной науке развивается всеобщая (global) история права [16]. Применительно к проблеме возникновения юридической науки вряд ли можно говорить о некоей общей истории. Период и место ее возникновения обозначены выше, каждая национальная юридическая наука появлялась в своем месте и в свое время.

Юридическая наука представляет собой комплексное образование, в котором можно выделить множество юридических наук. Понятно, что все они не могли сформироваться одновременно. Развитие юридической науки выразилось, помимо всего прочего, и в дифференциации научной юриспруденции, появлении по мере усложнения права и самого юридического знания новых юридических наук. В предложенном подходе первой юридической наукой оказалась наука гражданского права, точнее, римского частного права, поскольку именно тексты памятников римского права изучались, комментировались и преподавались в первых европейских университетах.

Настоящая статья не претендует на решение всех вопросов истории юридической науки, в ней лишь обозначены проблемы, заслуживающие дальнейшего рассмотрения.

Список литературы:

1. Кожевина, М.А. Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв.: монография / М.А. Кожевина. — Омск: Омская академия МВД России, 2013. — 198 с.
2. Егоров, С.А. Место дисциплин историко-правового цикла в системе юридического образования // Государство и право. — 2011. — № 10. — С. 29–34.
3. Честнов, И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права как наука / И.Л. Честнов. — СПб., 2004. — 63 с.
4. Веденеев, Ю.А. Юридическая наука: введение в концептуальную историю // Lex Russica. — 2017. — № 3. — С. 9–28.
5. Арановский, К.В. Современные проблемы юридической науки: учебное пособие / К.В. Арановский, Т.М. Самусенко. — Владивосток, 2005. — 60 с.
6. Drobak, J.N. Beyond Stamp Collecting: Ronald Coase and “Scientific” Legal Scholarship // Wash. U. J. L. & Pol’y. — 2017. — V. 53. — P. 21–33.
7. Рассел, Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней / Б. Рассел. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. — 832 с.

-
8. Vaquero, A.N. Five Models of Legal Science // *Revus.* — 2013. — № 19. — P. 53–81.
9. Веденеев, Ю.А. Правовая реальность: онтология и эпистемология // *Lex Russica.* — 2015. — № 5. — С. 7–22.
10. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. — М., 1995. — 736 с.
11. Сырых, В.М. История и методология юридической науки: учебник / В.М. Сырых. — М., 2013. — 464 с.
12. Комиссарова, Е.Г. Методологические аспекты в исследовании проблем взаимодействия юридической науки и практики // *Юридическая наука и правоприменительная практика.* — 2012. — № 2. — С. 26–33.
13. Шершеневич, Г.Ф. История философии права. — 2-е изд. / Г.Ф. Шершеневич. — СПб., 1907. — 593 с.
14. Жуков, В.Н. Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // *Государство и право.* — 2017. — № 9. — С. 5–24.
15. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. / Г.Дж. Берман. — М., 1998. — 624 с.
16. Duve, T. *Global Legal History — A Methodological Approach* // *Max Planck Institute for European Legal History Research Paper Series.* — 2016. — № 4. — 22 p.

Д.В. Лобач,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и
истории государства и права
Дальневосточного федерального
университета

D.V. Lobach,
*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Theory and
History of State and Law Far Eastern
Federal University
dimaved85@mail.ru*

**К вопросу о перспективе криминализации
бесчеловечных деяний, составляющих концепт
«преступления против человечности»,
в российском уголовном законодательстве**

Аннотация: статья посвящена исследованию вопроса о возможной криминализации в российском уголовном законодательстве бесчеловечных деяний, составляющих концепт «преступления против человечности». Анализируются международно-правовые и уголовно-правовые аспекты, объясняющие необходимость установления уголовной ответственности за подобные деяния. Аргументируется позиция о том, что отсутствие в уголовном законе России норм о преступлениях против человечности редуцирует правоохранный потенциал уголовного закона в части обеспечения международного мира и безопасности человечества. Обосновывается вывод, в соответствии с которым бесчеловечные деяния, составляющие группу преступлений против человечности, как они представлены в современной системе международного уголовного права, могут быть криминализованы в российском законодательстве на дифференцированной основе.

Ключевые слова: международные преступления, преступления против человечности, геноцид, криминализация, правотворчество, международный мир и безопасность.

On the issue of the prospect of criminalization of inhuman acts that constitute the concept of «crimes against humanity» in Russian criminal legislation

Abstract: *the article is devoted to the study of the question of possible criminalization of inhuman acts in Russian criminal legislation, which constitute the concept of «crimes against humanity». Analyzed international legal and criminal aspects, explaining the need to establish criminal responsibility for such acts. The position is argued that the absence of norms on crimes against humanity in Russian criminal law reduces the law enforcement potential of criminal law in terms of ensuring international peace and the security of mankind. The author substantiates the conclusion that inhuman acts constituting a group of crimes against humanity, as they are represented in the modern system of international criminal law, can be criminalized in the Russian legislation on a differentiated basis.*

Keywords: *international crimes, crimes against humanity, genocide, criminalization, law-making, international peace and security.*

На сегодняшний день многие страны мира, воспринимая исторический процесс институционализации уголовной ответственности за международные преступления, декларируя примат международного права и придерживаясь единообразного понимания политико-правовой парадигмы борьбы с международной преступностью во всех ее проявлениях, отразили в своих уголовных законах специальные нормы о преступлениях против мира и безопасности человечества. Не стала исключением и Российская Федерация, в Уголовном кодексе (далее по тексту — УК РФ) которой имеется раздел XII, содержащий уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за подобные преступления (ст. 353–361 УК РФ).

Установление уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества — закономерный результат международной борьбы с наиболее опасными преступлениями против человечества в исторической ретроспективе [1, с. 13–14]. Кроме того, криминализация указанных деяний выступает следствием исполнения Россией международных обязательств в сфере обеспечения международного мира и безопасности человечества.

Вместе с тем обращает на себя внимание имеющееся несоответствие международной практики уголовно-правовой борьбы с международными преступлениями с национальным опытом правовой регламентации ответственности за подобные деяния в российском уголовном законодательстве на современном этапе. Российский законодатель, восприняв международные обязательства в сфере обеспечения международного мира и безопасности человечества (ч. 1 ст. 2 УК РФ), установил уголовно-правовой запрет в отношении агрессии, военных преступлений и геноцида, но при этом в уголовном законодательстве все еще отсутствует самостоятельная норма об ответственности за преступления против человечности. С позиции *de lege lata* получается, что отечественный законодатель не рассматривает преступления про-

тив человечности в качестве деяний, посягающих на международный мир и безопасность человечества.

Возникает ряд вопросов, образующий научную проблематику, которая становится объектом неоднократного освещения в теории российского уголовного права. Так, например, в монографическом исследовании, посвященном модели имплементации в российское законодательство норм о международных преступлениях, говорится, что установление уголовной ответственности за преступления против человечности вытекает из Устава Нюрнбергского трибунала 1945 г. и современного международного уголовного права [2, с. 30]. Т.И. Курносова в своем диссертационном исследовании утверждает, что имплементация международно-правовых норм о преступлениях против человечности базируется на конвенционном регулировании в данной области, что, в свою очередь, связано с повышенной общественной опасностью таких преступлений [3, с. 10]. М.Т. Гигинейшвили аргументирует необходимость криминализации усеченного варианта апартеида как сложносоставного преступления против человечности [4, с. 9]. Е.В. Опалич, напротив, высказывается о невозможности криминализации апартеида как разновидности преступлений против человечности [5, с. 16].

Таким образом, актуализируется постановка вопроса: должны ли бесчеловечные деяния, составляющие преступления против человечности, как они отражены в системе современного международного уголовного права, с учетом особенностей национальной правовой системы в перспективе подлежать криминализации?

Для ответа на данный вопрос необходимо прежде всего определиться с концептом «преступления против человечности» в современных условиях развития международного уголовного права. Учитывая исторический генезис развития концепции ответственности за преступления против человечности в фокусе правотворческой и правоприменительной работы соответствующих международных судебных инстанций, следует отметить, что современная модель обозначенной группы международных преступлений охватывает сознательно совершаемые в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц такие бесчеловечные деяния, как убийство; истребление; порабощение; депортация или насильственное перемещение населения; заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права; пытки; изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести; преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву; насильственное исчезновение людей;

преступление апартеида; другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

Обозначенный выше вопрос о возможной криминализации преступлений против человечности целесообразно рассматривать в контексте международного уголовного права и уголовного законодательства Российской Федерации на современном этапе.

В контексте современного международного уголовного права Российская Федерация, признавая и развивая идею международного уголовного правосудия, подписала еще в 2000 г. Римский статут Международного уголовного суда (далее по тексту — Римский статут МУС), в котором предусматривалась универсальная юрисдикция за преступления против человечности, что ознаменовало политико-правовое признание необходимости обеспечения всеобщего мира и безопасности человечества посредством установления оснований для уголовной ответственности физических лиц за международные преступления. Вместе с тем прямого международного обязательства в части уголовно-правовой борьбы с преступлениями против человечности в отношении России юридически не возникло, так как Римский статут МУС так и не был ратифицирован, каких-либо иных официальных заявлений о признании юрисдикции данного органа международного правосудия сделано не было. Кроме того, в отличие от правовых обязательств относительно борьбы с геноцидом и военными преступлениями, вытекающих из кодифицированных международно-правовых актов, в отношении преступлений против человечности все еще отсутствует международная конвенция, которая бы предусматривала политические и уголовно-правовые основания борьбы с преступлениями против человечности. Ситуация усугубилась также и тем фактом, что в 2016 г. Президент РФ подписал распоряжение № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» [6].

Вместе с тем Россия как правопреемница Советского Союза признала правомерность работы международных трибуналов (Нюрнбергский и Токийский процессы) и легальность их результатов в части привлечения физических лиц к уголовной ответственности за преступления против человечности. Кроме того, непосредственно международное обязательство, предполагающее необходимость криминализации преступлений против человечности, находит свое нормативное закрепление в Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 1968 г., которая была ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1969 г. № 3667-VII [7].

Нельзя не отметить и тот факт, что в современном международном уголовном праве и правоприменительной практике (в работе трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде) уголовно-право-

вое запрещение актов, составляющих группу преступлений против человечности, обосновалось в фокусе международного обычного права (international customary law) [8, с. 394–395]. В научной литературе отмечается исторически сложившееся преддоговорное признание определенных преступлений против человечности на основании международных обычно-правовых норм без установления их четкого правового содержания [9, р. 392].

Таким образом, в системе международного уголовного права имеются договорное и обычно-правовое основания для криминализации бесчеловечных актов, составляющих преступления против человечности.

Сложнее обстоит дело с рассмотрением данного вопроса в рамках действующего российского уголовного законодательства. Дело в том, что ординарные криминальные деяния, составляющие группу преступлений против человечности, наказываются по нормам «обычного» уголовного права (о преступлениях против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ), преступлениях против свободы, чести и достоинства личности (гл. 17 УК РФ), преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ) и др.). На первый взгляд может показаться, что нет реальной необходимости по введению в гл. 34 УК РФ уголовно-правовой нормы о преступлениях против человечности, так как ответственность за ординарные акты уже криминализована.

Между тем такой подход следует признать неудачным, так как квалификация общественно опасных деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», по нормам об общеуголовных преступлениях будет редуцировать правоохранный потенциал уголовного законодательства, что подтверждается следующими фактами.

Во-первых, меры наказания за общеуголовные преступления не соответствуют тяжести международных преступлений. Из общей теории пенализации наказуемость определенного общественно опасного деяния определяется, помимо прочего, особенностями объекта уголовно-правовой охраны, на который происходит преступное посягательство [10, с. 126]. Очевидно, что международный мир и безопасность всего человечества выступают более ценными объектами уголовно-правовой охраны, нежели жизнь, здоровье, свобода, половая неприкосновенность и др. Поэтому и наказание за преступление против человечности должно быть более суровым по сравнению с общеуголовными криминальными деяниями.

Во-вторых, приравнивание преступлений против человечности к общеуголовным преступлениям выхолащивает саму сущность международного преступления, так как игнорируется контекстуальное условие, при котором и совершаются бесчеловечные деяния. Здесь важно понимать, что характер общественной опасности международного преступления определяется не столько самими бесчеловечными актами, сколько контекстуальным условием, при котором и совершается

данный акт [11]. Для преступлений против человечности таким условием является обстановка совершения бесчеловечных деяний, которая выражается в широкомасштабном или систематическом нападении на любых гражданских лиц.

В-третьих, составы общеуголовных преступлений в отдельных случаях являются пробельными. Например, не криминализированы такие разновидности преступлений против человечности, как истребление, апартеид, обращение в сексуальное рабство, принудительная беременность, принудительная стерилизация, другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести. Указанные деяния нельзя квалифицировать по нормам об общеуголовных преступлениях, так как это будет свидетельствовать об аналогии в уголовном законе (что прямо запрещено в ч. 2 ст. 3 УК РФ) и о превышении дискреционных полномочий со стороны правоприменителя.

В-четвертых, криминализация бесчеловечных деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», будет способствовать регулятивному расширению уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности отдельных социальных общностей, которые не охватываются нормой о геноциде. Дело в том, что *de facto* нельзя исключать ситуацию, при которой бесчеловечные деяния, совершаемые в мирное время и выраженные в умышленном создании невыносимых условий жизни, в частности лишение доступа к продуктам питания и лекарствам, рассчитанных на то, чтобы уничтожить часть населения, не будут подпадать под норму о геноциде. Такая ситуация становится возможной, когда указанные деяния совершаются в отношении человеческих общностей, которые не охватываются составом преступления геноцида (любые человеческие группы за исключением национальной, этнической, расовой и религиозной). При этом массовая виктимизация и в отношении геноцида, и при совершении преступлений против человечности в данном случае будет выступать общим признаком.

Сложности уголовно-правовой квалификации данной ситуации связаны с проблемой отыскания должной нормы в действующем уголовном законодательстве при соблюдении условия о недопущении аналогии закона. *De lege lata* подобной нормы в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации на сегодняшний день нет. Применить норму о геноциде (ст. 357 УК РФ) относительно данной ситуации также не представляется возможным, поскольку нет потерпевшей стороны — демографической общности, идентифицируемой по национальным, этническим, расовым или религиозным признакам. Отсутствует и юридическая возможность квалификации данного деяния по ст. 356 УК РФ, предусматривающей ответственность за применение запрещенных международным договором Российской Федерации средств и методов ведения войны, так как нет вооруженного конфликта.

В научной литературе по этому поводу *arguendo* делается специальная оговорка, в соответствии с которой нормы о преступлениях против человечности регулятивно охватывают те социальные общности, которые не подпадают под действие нормы о геноциде, а сам геноцид в историческом плане вычленяется из общей группы преступлений против человечности как наиболее опасное деяние [12, с. 15].

В-пятых, в случае, если бесчеловечные деяния, совершенные в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданских лиц, будут квалифицироваться по статьям об общеуголовных преступлениях, в отношении которых в российском уголовном законе предусмотрены сроки давности (ст. 78 и 83 УК РФ), то это может повысить вероятность уклонения от уголовной ответственности и наказания в связи с истечением этих сроков. Однако в соответствии с Конвенцией о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности от 26 ноября 1968 г. [13, р. 12–35] в отношении рассматриваемой группы криминальных деяний сроки давности не применяются. Другими словами, в правоприменительной практике может возникнуть ситуация, когда лицо, совершая бесчеловечные деяния, составляющие преступления против человечности (которые в политическом плане признаются Российской Федерацией в качестве международного преступления), может быть освобождено от уголовной ответственности или от наказания, поскольку эти деяния будут квалифицироваться по нормам об общеуголовных преступлениях, в отношении которых сроки давности истекли.

Вышеуказанные правовые основания, обуславливающие необходимость криминализации бесчеловечных деяний, составляющих группу преступлений против человечности, определяют проблему выбора приемлемой модели имплементации норм об этих преступлениях. Представляется, что оптимальная модель преступлений против человечности на сегодняшний день представлена в Римском статуте МУС, так как она (модель) основана на полувековом опыте международной правотворческой и правоприменительной деятельности соответствующих органов международной юстиции относительно привлечения физических лиц к уголовной ответственности за их совершение. Сказанное также подтверждается современной правотворческой работой Комиссии международного права ООН по созданию универсальной конвенции о преступлениях против человечности, в которой определение преступлений против человечности полностью повторяет норму ст. 7 Римского статута МУС.

Между тем в «чистом виде» норма о преступлениях против человечности, изложенная в ст. 7 Римского статута МУС, не может быть рецептирована в национальное законодательство, так как это может привести к рассогласованию уголовно-правовых норм в их системном взаимодействии и обусловить риски так называемой оценочной криминализации, когда деяние будет признаваться общественно опасным

и противоправным с точки зрения ученых и правоприменителей [14, с. 10]. Справедливой представляется позиция Е.Н. Субботиной о том, что необходимо принимать во внимание предварительную оценку соответствия действующего уголовного законодательства нормам международного уголовного права для выявления объема необходимых изменений, системного подхода к процессу имплементации и использования приемов законодательной техники [15, с. 8]. В этом аспекте с позиции юридической техники и принципа системности правотворческой деятельности представляется целесообразным в диспозиции проектной нормы о преступлениях против человечности отразить дефиниции бесчеловечных деяний сообразно с уже имеющимися в Уголовном кодексе преступлениями и легальными понятиями. К таковым, в частности, можно отнести: убийство (ст. 105 УК РФ); торговлю людьми (ст. 127.1 УК РФ); использование рабского труда (ст. 127.2 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ); истязания с применением пытки (примечание к ст. 117 УК РФ); изнасилование (ст. 131 УК РФ); насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ). Это решение позволит обеспечить единообразное понимание элементов *actus reus* преступлений против человечности сообразно с юридическим содержанием уже имеющихся уголовно-правовых дефиниций и минимизировать вероятность правоприменительного усмотрения.

Что касается деяний, которые не регламентируются в действующем Уголовном кодексе РФ, то их юридическое содержание необходимо отразить в виде примечания к проектной статье сообразно с соответствующими понятиями, отраженными в ч. 2 ст. 7 Римского статута МУС. К таким понятиям, в частности, следует отнести: «истребление»; «принудительная беременность»; «преследование любой идентифицируемой группы или общности по мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву»; «преступление апартеида»; «принудительная стерилизация либо любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести»; «депортация или насильственное перемещение населения»; «нападение на любых гражданских лиц».

В заключение следует отметить, что в международно-правовом плане и в контексте действующего уголовного законодательства имеются основания, обуславливающие необходимость криминализации бесчеловечных деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», в качестве самостоятельной нормы, отнесенной в главу 34 УК РФ. Представляется, что вероятную квалификацию бесчеловечных деяний, составляющих группу преступлений против человечности, по нормам об общеуголовных преступлениях следует считать неприемлемой, поскольку она не отвечает задачам уголовного законодательства в части обеспечения международного мира и безопасности человечества.

Список литературы:

1. Кибальник, А.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко; под науч. ред. А.В. Наумова. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. — 385 с.
2. Богуш, Г.И. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство: монография / Г.И. Богуш, Г.А. Есаков, К.Н. Русинова. — М.: Проспект, 2018. — 176 с.
3. Курносова, Т.И. Имплементация международно-правовых норм о военных преступлениях и преступлениях против человечности в российское уголовное законодательство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.И. Курносова. — М., 2016. — 29 с.
4. Гигинейшвили, М.Т. Апартеид: предпосылки и перспективы криминализации в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Т. Гигинейшвили. — Краснодар, 2013. — 25 с.
5. Опалич, О.В. Проблемы реализации международно-правовых норм, направленных на обеспечение мира и безопасности человечества, в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Опалич. — Томск, 2012. — 17 с.
6. О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда: распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2016. — № 47, ст. 6630.
7. О ратификации Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества: Указ Президиума ВС СССР от 11 марта 1969 г. № 3667-VII // СПС «КонсультантПлюс».
8. Верле, Г. Принципы международного уголовного права: учебник / Г. Верле; пер. с англ. С.В. Саяпина. — Одесса: Феникс; М.: ТрансЛит., 2011. — 910 с.
9. Jalloh, C.C. What makes a crime against humanity a crime against humanity // American University International Law Review. — 2013. — Vol. 28.
10. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. — Т. I: Преступление и наказание. — 1133 с.
11. Малярова, Е.А. Контекстуальные обстоятельства как элемент состава преступления по международному уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Малярова. — М., 2017. — 30 с.
12. Кочои, С.М. Преступление геноцида: монография / С.М. Кочои, Х.А. Хасан; под ред. С.М. Кочои. — М.: Проспект, 2017. — 128 с.
13. Human Rights. A Compilation of International Instruments. Volume I (Second Part). Universal Instruments. — New York and Geneva: United Nations, 1994.
14. Радошнова, Н.В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Радошнова. — Саратов, 2015. — 28 с.
15. Субботина, Е.Н. Имплементация норм международного уголовного права в уголовное законодательство зарубежных стран и России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Н. Субботина. — М., 2013. — 22 с.

М.А. Дорофеева,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории
государства и права Юридической
школы Дальневосточного
федерального университета

M.A. Dorofeyeva,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Department of
Theory and History of State and Law of
Law school Far Eastern Federal University
dorofeeva.ma@dvfu.ru

Образовательная технология делиберации как способ преодоления функциональной неграмотности и формирования критического мышления в рамках дисциплины «История государства и права России»

Аннотация: в условиях глобализации образовательного пространства, активной конкурентной среды образовательных программ особую актуальность приобретают образовательные технологии, позволяющие сформировать критическое мышление и исправить функциональную неграмотность. Цель работы — определить значимость делиберации для формирования функциональной грамотности и критического мышления в рамках историко-юридических дисциплин. Методами исследования стали эксперимент, дескрипция, опрос, онлайн-анкетирование. Результаты показывают, что при использовании делиберации происходят рост познавательной мотивации, коммуникативного сотрудничества и осознание нехватки навыков убеждения. Студенты учатся доносить информацию без дискуссий, аргументированно и спокойно. Автор приходит к выводам, что технология делиберации может быть использована в обучении студентов образовательных программ юридических направлений и специальностей при изучении актуальных проблем истории государства и права, конституционного, уголовного, международного права.

Ключевые слова: делиберация, история государства и права России, юридическое образование, критическое мышление, функциональная неграмотность.

Deliberation educational program as a means overcome functional illiteracy and to create critical and analytical thinking during the course “History of Russian state and law”

Abstract: Today, in the period of globalization, particularly in educational sphere, the most relevant technologies are those, that can help to form critical thinking and correct functional illiteracy. The aim of this paper is to define the relevance of deliberation in legal historical education in the process of functional literacy and critical thinking creation. The main research methodology included experimental and sociological methods. The results showed that while using deliberation students could realize the lack of persuasion skills and the raise of willingness to learn and communicate. Students are trained to communicate and give information calmly and use suitable arguments. The main author's conclusion is that the deliberation technology may be used during legal historical educational process and most other legal disciplines, such as international law, constitutional and criminal law.

Keywords: deliberation, history of Russian state and law, legal education, critical thinking, functional illiteracy.

В условиях глобализации образовательного пространства, активной конкурентной среды образовательных программ особую актуальность приобретают педагогические технологии, позволяющие сформировать критическое мышление и исправить функциональную неграмотность.

Под функциональной неграмотностью понимается неспособность читать и писать на уровне, необходимом для выполнения простейших общественных задач; в том числе неумение: читать текст, находить нужную для деятельности информацию, понимать смысл прочитанной книги или инструкции, написать логически связный текст [1, с. 9–10].

Критическое мышление — это система суждений, которая используется для анализа вещей и событий с формулированием обоснованных выводов и позволяет выносить обоснованные оценки, интерпретации, а также корректно применять полученные результаты к ситуациям и проблемам [2, р. 4].

В связи с этим автор констатирует проблему наличия как минимум у пятой части первокурсников Юридической школы ДВФУ функциональной неграмотности, что приводит к несформированности критического мышления [3, с. 79]. Проблема является препятствием для осуществления образовательной деятельности в любом университете: отсутствие критического мышления у студентов приводит к невозможности формировать понятийное мышление, самообучаться и осуществлять исследовательскую деятельность, освоение которой является критерием получения образования высшего уровня. Данную проблему решить в рамках существующих образовательных практик сложно. Академическая лекционно-практическая система подразумевает, что студент-первокурсник уже обладает такими навыками (то есть ориентирована на наличие функциональной грамотности). Практики применения методов активного обучения (кейсы, игры, дискуссии, визуализации и пр.) в большей части призваны решать специфические предметно-отраслевые или профессиональные задачи. Преодоление функциональной неграмотности — это самостоятельная проблема.

Особый интерес вызывает образовательная технология — делиберация. Понятие делиберации обычно применяется в контексте обсуждения политической жизни общества и подразумевает широкую коммуникацию социальных групп в целом и индивидов в частности по значимым общественным и политическим вопросам. В концепциях Д. Бессет, Д. Дьюи, D. Wilcox она открывает в обществе возможности рационального обсуждения, аргументированного диалога, а также формирует компромисс, делая центральным не голосование, но широкое обсуждение и выработку решений, учитывающих различные мнения. Следовательно, делиберацию можно считать разновидностью коммуникативной динамики, при которой участники являются носителями активности и целеполагания,

способствуя обмену мнений с целью принятия каких-либо решений [4, с. 28]. С точки зрения когнитивных процессов делиберация — это «акт размышлений, взвешивания и изучения причин за и против выбора», это «тщательные обсуждения и экспертиза», осмотрительность и осторожность в процессе выбора наиболее приемлемого и эффективного решения [5, с. 148].

Однако в обучающую практику делиберация вошла как образовательная технология, разработанная братьями Джонсон из университета штата Миннесота и адаптированная группой исследователей из Южной Каролины. Проект получил грант U.S. Department of Education и направлен на обучение учащихся основам жизни в демократическом обществе, социальной адаптации к условиям жизни за пределами школы, а также обучению навыкам ведения диалога, основываясь на правовых нормах [6, С. 93–95]. Реализуется данная технология в основном в рамках школы. Ее главная цель — вовлечение учащихся в обсуждение содержательного содержания институтов, государственных систем и основных принципов демократического общества.

Создатели технологии исходили из того, что обсуждение актуальных социальных вопросов — взвешивание противоположных взглядов, решение сложных вопросов, принятие решений большинства при уважении инакомыслия — не является естественным поведением. Обдумывание требует обучения, навыков и многочисленных возможностей для практики. *Именно школы* являются наиболее систематически и непосредственно ответственными за распространение таких знаний и навыков. Поэтому в школах надо создавать открытую и доброжелательную среду для обсуждения актуальных социальных проблем, которая позволит в итоге сформировать у учащихся основу правовых знаний, ценность поддержки демократических ценностей, мотивацию участия в политической дискуссии и политической вовлеченности.

В данный международный телекоммуникационный проект University of Minnesota (USA) «Обсуждение вопросов в демократическом обществе» («Deliberating in a Democracy») были вовлечены школы США и Латинской Америки, стран Восточной Европы, Азербайджана и России. В период с 2004 по 2012 год в рамках этих инициатив 560 преподавателей приняли участие почти 41 000 учащихся средних школ [7]. В России данная технология применяется отдельными педагогами или школами и не является обязательной [8]. В публичном пространстве известны единичные случаи. В ноябре 2005 г. в проекте принял участие Одинцовский лицей, в 2007 г. — школы Москвы, Дмитрова, Калининграда, Калуги [9].

Сама технология представляет собой структурированное обсуждение проблем в малых группах с последующим обменом мнениями в классе в целом. Главное в реализации делиберации — это правильная постановка проблемы в форме «обсуждаемого вопроса»: ответ на него

должен подразумевать ответ «да» или «нет» и выражать конкретную позицию¹.

Обязательными условиями для применения являются наличие особо структурированного экспертного текста небольшого объема по проблеме с актуальными данными и жизненными примерами, работа в рамках кооперативного обучения с жестко фиксированной этикой поведения, тайм-менеджмент, рефлексия. Фундаментальное правило — отказ от использования дискуссий, дебатов и споров. Так отрабатываются умения выражать свои мысли и идеи, получать и передавать информацию без оценочного суждения.

Классический сценарий занятия подразумевает первичное знакомство с текстом или иным материалом на занятии, 10 этапов работы со сменой партнеров по диалогу, фасилитацию преподавателя [10].

В целом анализ применения делиберации показывает следующее:

– более 90 % учителей согласились с тем, что на занятии они помогли своим ученикам научиться уважать точку зрения других (91 %) и выявить различные точки зрения, связанные с темами обсуждения (94 %);

– более 90 % учителей сделали выводы, что их ученики развивают более глубокое понимание проблем (96 %), применяют критическое мышление (94 %), принимают решения на основе фактических данных и логики (93 %), уважают точки зрения других (91 %) и выявляют несколько точек зрения, связанных с обсуждением тем (94 %);

– большинство учащихся сообщили, что им понравилось обсуждение (89%), они многому научились благодаря своему участию (89 %) и получили лучшее понимание обсуждаемых вопросов (90 %). Кроме того, 81 % указали, что они были более уверенными, когда говорили о спорных вопросах, и 84 % сообщили, что они повысили свою способность высказывать свое мнение [11].

Таким образом, данная образовательная технология способствует формированию навыков функциональной грамотности и научению, применению критического мышления. Учитывая обозначенные проблемы студентов-первокурсников, она может применяться в университетской образовательной среде и достаточно проста для использования.

Однако применение делиберации на практических занятиях курса «История государства и права России» позволило выявить ряд особенностей работы со студентами и изменить классическое занятие. Во-первых, изменилась цель применения технологии. Из плоскости общественно-политической она перетекла в область гносеологии. В рамках делиберации происходит производство личностного и особенно профессионального знания через науку посредством объединения различных знаний и возможностей различных действительностей

¹ Например: «Должна ли наша демократия позволить школам наказывать студентов за киберзапугивание за пределами кампуса?», «Должна ли наша демократия блокировать интернет-контент для защиты национальной безопасности?», «В нашей демократии должны ли легальные иностранные рабочие иметь те же трудовые права, что и граждане?» и т.п.

позиций как условия успешного взаимодействия с реальностью [12, с. 68–69]. Делиберация позволяет «чужое» знание, информацию из текста присвоить как «свое», то есть превратить его в структурированное, внутренне согласованное, проинтерпретированное и вписанное в более широкие пласты знания, а значит, сделать обоснованным и достоверным. Еще успешнее это происходит и потому, что подобное использование может применяться для ответа на определенный вопрос — чисто познавательный или прагматически-утилитарный [12, с. 74].

Во-вторых, выбор проблемы для обсуждения, исходя из познавательных задач дисциплины, должен быть не только социально-, но и научно-актуальным, то есть иметь важность для анализа существующей действительности, но вместе с тем не иметь устоявшуюся концепцию, быть максимально дискуссионным с точки зрения генезиса проблемы в науке, содержать возможность прийти к определенному, конкретному мнению. В связи с этим единственной темой в рамках «Истории государства и права России», позволяющей реализовать технологию делиберации, является тема «Столыпинская аграрная реформа».

В-третьих, логика обучения студента в высшей школе предполагает в качестве результата глубокое понимание изучаемого вопроса, грамотное овладение специальной терминологией, свободное оперирование юридическими и историческими фактами и выработку экспертного суждения по проблеме. В качестве объекта изучения студенту должен предлагаться текст, содержащий термины с их расшифровкой, генезис проблемы, большой перечень фактов, значимые научные концепции. Отвечая требуемому формату, он должен быть большего объема и предлагаться в качестве домашнего задания для предварительного изучения.

В-четвертых, одним из важных критериев успешности занятия (кроме формирования определенных навыков и применения критического мышления) стал рефрейминг хотя бы у одного студента, то есть в процессе занятия в ходе коммуникации с группой человек изменил точку зрения на проблему, сложившуюся при индивидуальном изучении текста, на противоположную.

В-пятых, в связи с научной и практической значимостью проблемы рефлексия происходит на занятии эпизодически и остается в качестве домашней письменной работы, обязательной для положительной аттестации.

Опрос и рефлексивное задание студентов показывают рост познавательной мотивации, коммуникативного сотрудничества, осознание нехватки навыков убеждения. Главной трудностью студенты называют сложность удержаться от оценочного суждения и эмоционально окрашенных споров.

Таким образом, технология делиберации может быть применена с небольшими изменениями в высшей школе. В юридическом образовании

с ее помощью могут изучаться актуальные проблемы истории государства и права, конституционного, уголовного, международного права.

Список литературы:

1. Гаврилюк, В.В. Функциональная неграмотность в условиях перехода к информационному обществу // В.В. Гаврилюк, Г.Г. Сорокин, Ш.Ф. Фарахутдинов. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. — 244 с.
2. Facione, Peter A. Critical Thinking: A Statement of Expert Consensus for Purposes of Educational Assessment and Instruction. Executive Summary. «The Delphi Report». The Complete American Philosophical Association Delphi Research Report / Queensborough Community College. — N.Y., 2018. — URL: <http://www.qcc.cuny.edu/SocialSciences/ppacorino/CT-Expert-Report.pdf> (accessed 25 January 2019).
3. Дорофеева, М.А. Стратегии самостоятельной работы студентов-первокурсников Юридической школы ДВФУ как проявление характеристик поколения Z // IV Тихоокеанский юридический форум. — Владивосток, 2018. — С. 77–82.
4. Герасимова, Г.И. Коммуникативное управление в структуре делиберативных процессов // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. — СПб: СПбГУ, 2017. — № 3. — С. 27–30.
5. Зайцев, А.В. Делиберативная демократия, диалог и их место в констелляции дискурса публичной политики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 2013. — № 15 (158). — С. 147–153.
6. Новикова, Т.Г. Делиберация. Гражданское обучение старшеклассников // Школьные технологии. — 2008. — № 2. — С. 93–98.
7. Deliberating in a Democracy in the Americas. URL: http://www.deliberating.org/index.php?option=com_content&view=article&id=19&Itemid=27&lang=en (дата обращения: 27.01.2019).
8. Новиков, А.Е. Технология делиберации в рамках элективных курсов в профильном обучении // Профильная школа. — 2007. — № 3. — С. 48–56.
9. Богучарская, Л. П. Использование ЦОР на уроках иностранного языка // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок»: электронное СМИ. М., 2003–2019. — URL: <http://открытыйурок.рф/статьи/591877/> (дата обращения: 25.01.2019).
10. Deliberation lessons / Deliberating in a Democracy in the Americas. Available at: http://www.deliberating.org/index.php?option=com_content&view=section&layout=blog&id=5&Itemid=37&lang=en (accessed: 27.01.2019).
11. The Deliberating in a Democracy in the Americas (DDA) Project Final Report December 31, 2012 / Deliberating in a Democracy in the Americas. Available at: http://www.deliberating.org/images/pdf/dda_final_report.pdf (accessed: 27.01.2019).
12. Пирожкова, С.В. Принцип участия и современные механизмы производства знаний в науке // Эпистемология и философия науки. — 2018. — Т. 55. — № 1. — С. 67–82.

Ю.В. Зуева,
соискатель Нижегородской
академии МВД России,
адвокат Нижегородской областной
коллегии адвокатов

Yu.V. Zuyeva,
Postgraduate degree seeker of the
Nizhny Novgorod Academy of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Lawyer Nizhny Novgorod regional bar
association
zuevajulia2009@yandex.ru

Самозащита права: к вопросу о правомерности и противозаконности

Аннотация: в статье актуализируется проблема функционирования института самозащиты в российском праве, необходимость обращения к которому нередко обусловлена неоднозначным, а порой и негативным отношением отдельных граждан к самой процедуре и последствиям защиты субъективных прав. Ситуация усугубляется существованием в отдельных слоях населения мнения о том, что правоохранители не защищают граждан от преступления, а борются с преступлением, рассматривая «абстрактного гражданина» не в качестве объекта государственной защиты, а в качестве потенциального субъекта правонарушения. В связи с этим может сформироваться ошибочное убеждение, что последующее столкновение с правоохранительной системой государства представляет для человека не меньшую опасность, чем та, от которой он избавился при помощи активной самозащиты. С учетом сказанного в статье анализируется специфика осуществления самозащитной деятельности, указываются необходимые для нее условия и возможные последствия ее реализации, предлагается жизненная стратегия «пассивной самозащиты».

Ключевые слова: институт самозащиты, самозащитная деятельность, охрана, защита, законность, противоправность, правонарушение, самозащитник, пассивная самозащита.

Self-defense of the right: to the issue of legality and illegality

Abstract: the article addresses the problem of the functioning of the institute of self-defense in Russian law, the need for recourse to which is often caused by the ambiguous and sometimes negative attitude of individual citizens towards the procedure itself and the consequences of protecting subjective rights. This situation is aggravated by the existence in certain sections of the population of the opinion that law enforcement officers do not protect citizens from crime, but fight against crime, considering that “abstract citizen” not as an object of state protection, but as a potential subject of an offense. In this connection, an erroneous conviction may be formed that the subsequent collision with the law-enforcement system of the state is no less dangerous for a person than that which he got rid of with the help of active self-defense. With this in mind, the article analyzes the specifics of self-defense activities, indicates the conditions necessary for it and the possible consequences of its implementation, suggests a life strategy of “passive self-defense”.

Keywords: institution of self-defense, self-defense activities, protection, defense, legality, wrongfulness, offense, self-defender, passive self-defense.

Самозащита как социальное деяние (действие или бездействие), как общеправовой феномен пока не подвергалась специальному общетеоретическому анализу. При этом в отраслевых юридических науках самозащита активно исследуется [1–10]. Можно констатировать, что эти исследования достигли «критической массы», настало время их общенаучного, междисциплинарного, общеправового освещения. В методическом плане важно прежде всего выявить глубинные психолого-мотивационные факторы юридически значимой самозащиты, которые часто выступают незаметным, но весьма влиятельным элементом ее сущности.

1. Охрана публичного и защита частного права.

В русском юридическом языке традиционно разграничиваются слова «охрана» и «защита». Первое используется применительно к публичному, второе — к частному праву. Отграничение охраны от защиты получает свое выражение в дифференциации правоохранительной и правозащитной систем. Если первая рассматривается в качестве совокупности правоохранительных органов, осуществляющих от имени государства деятельность в сфере реализации охранительной функции права (точнее, закона), то вторая представляется как некая внегосударственная конструкция, функционирование которой в принципе допускается, однако на практике она нередко ассоциируется с неправовой или даже «антиправовой» направленностью.

Целью правозащитной деятельности является обеспечение прав, свобод и законных интересов человека вне зависимости от того, кем, на каких основаниях и в какой форме эти права нарушены. Нередко между правозащитниками и правоохранителями возникают коллизии и конфликты, связанные с правонарушениями в области правоохранительной деятельности.

Часто забывается то обстоятельство, что само понятие «преступник» относится не к законодательной (уголовно-правовой), а научно-публицистической (криминологической) области познания и отражения социальной-юридической реальности. При таком подходе понимание функциональной направленности правоохранительной системы и правоохранительной деятельности предполагает отнюдь не презумпцию невиновности относительно человека, вовлекаемого в сферу правоохранительных отношений, а напротив, констатацию его виновности по факту вовлечения в орбиту правоохранительных отношений.

Анализ законодательных положений, определяющих назначение правоохранительных органов, свидетельствует, что все они должны защищать человека, его права, свободы и законные интересы.

Статья 1 Федерального закона «О полиции» гласит: «Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Полиция незамедлительно приходит на помощь каждому,

кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств» [11].

Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» в ст. 5 устанавливает: «Деятельность федеральной службы безопасности осуществляется на основе следующих принципов: законность; уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина; гуманизм...» [12].

Однако на практике складывается ситуация, в рамках которой правоохранительные структуры государства воспринимаются простыми гражданами не столько в качестве гарантов их прав, свобод и законных интересов, сколько в качестве потенциальной либо реальной угрозы им. Такой пессимизм распространяется не на всю правоохранительную деятельность государства. Например, положительно оцениваются гражданами усилия государства в борьбе с терроризмом. По данным ВЦИОМ, на вопрос: «Смогут ли власти защитить граждан от новых террористических атак?» поступили следующие ответы. Ответ «определенно да» дали 33 % граждан, «скорее да» — 52 %, «скорее нет» — 9 %, «определенно нет» — 3 %, «затрудняюсь ответить» — 3 % [13]. Объяснение такому (в целом негативному) отношению граждан к «защитной роли» государства можно найти, если рассмотреть модель правонарушения и определить в ней место человека и государства.

Правонарушение как субъект-объектная коммуникация не включает контрсубъекта — потерпевшего. Следовательно, государство, от имени которого осуществляется правоохранительная деятельность, если и интересуется гражданин в качестве объекта защиты и правосознания, то лишь опосредованно, в качестве абстрактного представителя «законопослушного населения».

Правоохранители чаще борются с преступлениями, а не защищают граждан от них, рассматривая «абстрактного гражданина» не в качестве объекта государственной защиты, а в качестве потенциального субъекта правонарушения, который в любой момент может быть «переведен» в статус субъекта юридической ответственности за инкриминируемое ему противоправное поведение.

Права, свободы и законные интересы людей могут нарушаться и должностными лицами, действующими от имени государства. К сожалению, вред, причиняемый ими, очень часто по юридическим последствиям превосходит вред, причиняемый представителями криминального мира.

Председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин с гордостью констатирует, что без малого 100 % направляемых в суд обвинительных постановлений, оформляемых следователями, завершается обвинительными приговорами судов [14]. Чиновник, являющийся, кстати, доктором юридических наук, считает этот цифровой показатель доказательством высокого качества работы вверенного ему подразделения правоохранительной системы. Полагаем, что о презумпции невиновности и состязательности уголовного процесса применительно к его позиции говорить излишне.

В условиях, когда государство фактически уходит из правозащитной области в правоохранительную, возникает логичный вопрос, каким образом человек может обеспечить защиту собственных прав, свобод и законных интересов и насколько эффективно могут быть им использованы средства и методы правовой самозащиты.

2. Самозащита права: законность и противоправность

Государством, в рамках реализуемой им правоохранительной функции, заключающейся в профилактике, выявлении, пресечении, расследовании правонарушений, а также определении и реализации мер негативной ретроспективной юридической ответственности, защита субъективного права, осуществляемая как в форме непосредственной реализации права (исполнение, соблюдение, использование), так и в форме частно-правового правоприменения, может в зависимости от обстоятельств рассматриваться и в качестве правомерной, и в качестве противоправной деятельности.

Конституция России закрепляет право каждого «защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (ст. 45). Вместе с тем судебная практика изобилует примерами того, как лица, защищавшие свою жизнь, здоровье, имущество, становились субъектами уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны (ст. 114 УК РФ). Проведенный анализ свидетельствует, что при рассмотрении дел данной категории велика степень судебного субъективизма, когда внутреннее убеждение судьи в правомерности либо противоправности средств самозащиты становится главным основанием вынесения приговора [15–16]. А с учетом отмеченной ранее преобладающей «презумпции виновности» в глазах представителей государственной правоохранительной системы практически всех субъектов уголовного обвинения вынесение судом обвинительного приговора в отношении лиц, реализовавших свое конституционное право на самозащиту, становится не только реальным, но и занимает преимущественное положение в силу сложившейся в правоохранительной среде обвинительной тенденции.

Таким образом, говоря о правовой самозащите, следует прежде всего понимать, что государственным правоохранителем активные действия, направленные на обеспечение собственной безопасности, будут скорее всего квалифицированы как противоправные, с соответствующими негативными последствиями для «самозащитника». Из этого следует, что при любом конфликте с исходящей от контрсубъекта угрозой следует предпринять все возможные усилия, чтобы избежать его, в противном случае — необходимо осознавать, что последующее столкновение с правоохранительной системой государства представляет для человека не меньшую опасность, чем та, от которой он избавился при помощи активной самозащиты.

А раз так, то и относиться к представителям государственной правоохранительной системы следует не как к защитникам, а как к враждебно настроенным субъектам. При этом в отличие от правонарушителей,

с которыми закон позволяет поступать адекватно той угрозе, которая от них исходит, любое противодействие сотрудникам правоохранительной системы, независимо от того, насколько соответствуют закону совершаемые ими действия, будет рассматриваться как «сопротивление сотруднику при исполнении им служебных обязанностей» с безусловными негативными последствиями для лица, такое сопротивление оказавшего.

Итогом всех предыдущих рассуждений выступает следующий тезис: основным и по сути единственным законным способом правовой самозащиты является уход от конфликтного взаимодействия как с криминальным миром, так и с правоохранительной системой государства. Глобальным проявлением такой формы самозащиты выступает непрекращающийся отъезд россиян на постоянное место жительства в зарубежные, преимущественно европейские государства и США.

Если государство демонстрирует неспособность защитить гражданина от исходящей от него угрозы, то и ожидать от него понимания и уважения оно не вправе.

Представленная жизненная стратегия «пассивной самозащиты», конечно, не может вызвать симпатии и в целом невыгодна гражданскому обществу и государству. Однако она получила достаточно широкое распространение в массовом общественном сознании и подлежит переориентации. Для этого, естественно, требуется целая система организационных, морально-воспитательных, культурно-психологических усилий и значительных материальных затрат.

Список литературы:

1. Страунинг, Э.Л. Самозащита гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук / Э.Л. Страунинг. — М., 1999. — 167 с.
2. Усанова, В.А. Конституционное право человека на самозащиту в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Усанова. — Волгоград, 2003. — 230 с.
3. Веретенникова, С.Н. Меры самозащиты в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / С.Н. Веретенникова. — Екатеринбург, 2004. — 189 с.
4. Зиновьева, О.П. Самозащита гражданских прав в законодательстве России: дис. ... канд. юрид. наук / О.П. Зиновьева. — Ростов н/Д, 2006. — 166 с.
5. Меркурьев, В.В. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на самозащиту: дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Меркурьев. — Рязань, 2006. — 458 с.
6. Микшис, Д.В. Самозащита в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Микшис. — Тюмень, 2006. — 175 с.
7. Халиков, В.Р. Самозащита в российском трудовом праве: дис. ... канд. юрид. наук / В.Р. Халиков. — Челябинск, 2006. — 192 с.
8. Лазаренкова, О.Г. Право удержания и самозащита в современном гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук / О.Г. Лазаренкова. — СПб., 2007. — 197 с.
9. Лебедев, С.И. Самозащита гражданских прав в договорных отношениях: дис. ... канд. юрид. наук / С.И. Лебедев. — М., 2010. — 184 с.
10. Газаева, А.А. Конституционное право на самозащиту в Российской Федерации: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Газаева. — М., 2018. — 214 с.

11. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2011. — № 7, ст. 900.

12. О федеральной службе безопасности: федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — № 15, ст. 1269.

13. Горелик, А. Террористов победят спецслужбы и просвещение // Парламентская газета. — 2019. — 19–25 апреля.

14. Бастрыкин рассказал о низком числе оправдательных приговоров и хорошей работе СК. Председатель Мосгорсуда ранее говорила об обратном. — URL: <https://www.fontanka.ru/2019/03/01/079/> (дата обращения: 24.05.2019).

15. ВС признал необходимой самообороной полсотни ножевых ударов, от которых скончались двое обидчиков. — URL: <https://pravo.ru/news/view/121550/> (дата обращения: 24.05.2019).

16. Козлов, В. Ворвался в дом — получи. — URL: <https://www.gazeta.ru/social/2012/04/25/4563121.shtml> (дата обращения: 24.05.2019).

В.С. Уманец,
старший преподаватель
кафедры уголовного и уголовно-
исполнительного права Саратовской
государственной юридической
академии

V.S. Umanets,
Senior Lecturer of the Department
Criminal and Penal Enforcement
Rights of the Saratov state law
Academy
verasergeevna8@rambler.ru

Социальная природа более мягкого наказания в контексте статьи 64 Уголовного кодекса РФ

Аннотация: актуальность статьи заключается в изучении социальной и правовой природы более мягкого наказания, его уголовно-правового воздействия. Оно сдерживает лиц от совершения преступления и корректирует поведение виновного. Цель статьи — проанализировать природу более мягкого наказания через призму разного рода обстоятельств, характеризующих общественную опасность преступления и лица, его совершившего. Пониженная степень их общественной опасности выступает основным критерием назначения более мягкого наказания. Доказывается социальное происхождение более мягкого наказания, его уголовно-правовая регламентация. Природу более мягкого наказания следует изучать с точки зрения его общественно полезного результата. Такое наказание обладает способностью оказывать охранительное и предупредительно-исправительное воздействие. Методологической основой исследования выступает совокупность научных методов, включающих в себя комплексный анализ явлений и процессов при помощи конкретно-исторического, диалектико-логического, системного, структурно-функционального, сравнительного, социологического и других методов.

В ходе написания статьи были сформулированы теоретические и практические предложения и выводы. К ним относится создание системы научных представлений о социальной природе назначения более мягкого наказания, которая определяется исключительными обстоятельствами, закрепленными в ст. 64 УК РФ, регламентирована задачами и целями Уголовного закона, а также принципом гуманизма. Выводы, изложенные в статье, могут быть использованы в правоприменительной деятельности в части правильного назначения более мягкого наказания.

Ключевые слова: более мягкое наказание, социальная природа мягкого наказания, правовая природа, общественная опасность преступления, общественная

опасность личности виновного, справедливость наказания, гуманность наказания, уголовно-правовое воздействие, исключительные обстоятельства, смягчение наказания, индивидуализация наказания.

The social nature of milder sentences in the context of Art. 64 of the Criminal Code of the Russian Federation

Abstract: *the actuality of the given article is in studying of social and legal nature of more lenient punishment and its criminal legal influence. It deters persons from committing crimes and improves the offender's conduct. The purpose of the article is to analyze the nature of more lenient punishment through various circumstances characterizing social danger of the crime and the criminal. The lower degree of social danger is the main cause of imposing more lenient punishment. The conclusions of the author prove social nature of more lenient punishment and its criminal legal regulation. It is better to study the nature of more lenient punishment from the position of its socially valuable results. Such kind of punishment is able to have protective, preventive and correctional effect. The methodological basis for the study of this issue is a set of scientific methods that include a comprehensive analysis of phenomena and processes using specific historical, dialectical, logical, systemic, structurally functional, comparative, sociological and other methods.*

During the writing of the article, theoretical and practical proposals and conclusions were formulated. These include the creation of a system of scientific ideas about the social nature of the sentencing, which is determined by the exceptional circumstances enshrined in Art. 64 of the Criminal Code, is regulated by the tasks and objectives of the Criminal Law, as well as the principle of humanism. The main conclusions set forth in the article can be used in law enforcement with regard to the correct assignment of a milder sentence.

Keywords: *more lenient punishment, social nature, legal nature, social danger of crime, social danger of the criminal's individuality, justice of punishment, humanity of punishment, criminal legal influence, exceptional circumstances, mitigation of sentence, individualization of punishment.*

Более мягкое наказание имеет свою социально-правовую природу, которая определяется законодательно закрепленными обстоятельствами, характеризующими совершение преступления, отражающими личность виновного. Таковыми выступают исключительные обстоятельства, установленные в ч. 1 ст. 64 УК РФ. Они связываются с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления и другими обстоятельствами, а равно с активным содействием участника группового преступления его раскрытию. Наличие исключительных обстоятельств лежит в основе существенного снижения степени общественной опасности совершенного преступления и впоследствии выражается в смягчении наказания по правилам ст. 64 УК РФ. Следовательно, правовое закрепление исключительных обстоятельств, индивидуализирующих наказание, служит главным критерием назначения более мягкого наказания.

В связи с этим социальная природа более мягкого наказания определяется обстоятельствами, отражающими общественную опасность совершенного преступления, которое, соответственно,

выступает социально негативным явлением для общества. В свою очередь, если преступление имеет социальное происхождение, то наказание социально полезно, поскольку прежде всего влияет на поведение личности виновного, его исправление. При этом любое наказание, даже более мягкое, так же социально обусловлено, так как сугубо индивидуализировано и назначается в определенных ст. 43 УК РФ целях. Об этом свидетельствуют позиции ученых прошлого и настоящего времени.

Так, обстоятельства, характеризующие социально-правовой аспект более мягкого наказания, определяют его происхождение, связанное с индивидуальным уголовно-правовым воздействием на конкретную личность.

Изучая способы уголовно-правового воздействия на преступную личность, И.А. Ребане затрагивал социальный аспект назначения наказания в части его влияния (принуждения) на преступную личность [1, с. 6–49]. Именно поэтому наказание, включая более мягкое, способно оказать прямое (непосредственное) воздействие на поведение личности (его исправление), а также имеет охранительное и предупредительное воздействие в целом. Тем самым более мягкое наказание социально полезно и юридически оправданно. Его предназначение, безусловно, определяется двумя взаимообусловленными категориями — «общество» и «закон», поэтому социальное естество более мягкого наказания проявляется в законе — в ст. 64 УК РФ.

Назначая более мягкое наказание, в соответствии со ст. 64 УК РФ, требуется учитывать его социальное происхождение. Оно определяется прежде всего поведением преступной личности, характеризуется многообразием его социальных свойств, и, в свою очередь, влияет на его общественную опасность. По мнению В.Д. Филимонова, одни из них имеют социальную природу (например, признаки, определяющие должностное положение), другие — биологическую или психологическую основу (например, потребности, положительные или отрицательные свойства темперамента) [2, с. 3, 5–6].

Однако обстоятельства, отражающие степень общественной опасность личности виновного, при назначении более мягкого наказания учитываются наряду с обстоятельствами, характеризующими общественную опасность совершенного преступления. В свою очередь, социальное свойство преступления — его общественная опасность, служит главным основанием законодательного установления и правоприменительного выбора меры государственного принуждения, а именно, вида и размера наказания за совершенное преступление. Так, по мнению З.М. Салихова, благодаря материальному определению преступления представляется возможным дать оценку преступлению исходя из его сущностной стороны, то есть характера и степени общественной опасности содеянного, многообразия индивидуальных обстоятельств, его характеризующих, а также личности виновного.

Ученый считает, что общественная опасность как неотъемлемое и качественное свойство преступления и личности виновного включает в себе индивидуализирующие начала [3, с. 6–7]. Именно они способствуют назначению наказания, с учетом правил ст. 64 УК РФ, согласно которым их социальная природа определяется существенным снижением степени общественной опасности личности виновного.

Уменьшение степени общественной опасности личности виновного, влияющей на назначение более мягкого наказания, требует взвешенного анализа установленного множества ее объективно-субъективных социальных факторов, индивидуализирующих наказание [4, с. 4]. При этом индивидуализация наказания невозможна без учета обстоятельств, характеризующих общественную опасность самого преступления, социальная природа которого также определяется обстоятельствами его совершения, влияющими на назначение более мягкого наказания, и индивидуализируют его. Они определяются, например, степенью осуществления преступного намерения, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, ролью подсудимого в совершении преступления в соучастии, особенностью места, времени и способа совершения преступления [4, с. 15, 17].

В связи с этим более мягкое наказание можно охарактеризовать как наказание, естественно вызванное обстоятельствами особого рода, имеющими природное происхождение и существенно понижающими общественную опасность как самого преступления, так и личности виновного. Однако обстоятельства особого рода имеют различный «смягчающий» потенциал. Их социально-правовые свойства неравнозначны и требуют соответствующей достаточной правовой регламентации [5, с. 4–10]. Согласно ст. 61 УК РФ речь идет об смягчающих обстоятельствах, предусмотренных и не предусмотренных законом. В действительности они абсолютно не одинаковы по своей социальной значимости и юридической силе. Порой они даже не относятся к личности виновного, а только к членам его семьи (например, заболевание матери или отца виновного). Далекое не во всех случаях речь при таких обстоятельствах должна идти в пользу назначения более мягкого наказания. Таким образом, если дифференцировать круг предполагаемых ст. 61 УК РФ смягчающих обстоятельств, получим их социальное неравенство и разную юридическую силу, а следовательно, возможность определить их исключительность по правилам ст. 64 УК РФ.

Соответственно, исключительный характер более мягкого наказания социально обусловлен указанными обстоятельствами, непосредственно влияющими на степень общественной опасности, изменяя ее качественную основу в сторону уменьшения наличия данной опасности, с последующим смягчением типового наказания [6, с. 8–9]. Однако смягчающие обстоятельства в составе преступления

влиять на степень общественной опасности преступления, оставляя при этом непоколебимым сам характер его общественной опасности. В частности, проявлением этого служат два состава преступления (ст. 105 и ст. 107 УК РФ), у которых характер общественной опасности одинаков, а степень общественной опасности разная. В указанных составах преступлений одинаков объект посягательств — жизнь человека, но степень общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, снижена за счет аффекта, спровоцированного противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Стало быть, наказание за рассматриваемые преступления неодинаково по своей социально-правовой природе. Должным образом и правовая природа более мягкого наказания определяется Уголовным законом, а поведение личности виновного служит критерием оценки его назначения [7, с. 6–9]. В этом смысле исключительность ст. 64 УК РФ выражается в социальном происхождении обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности личности виновного, характеризующих его поведение.

И.В. Михайленко полагает, что назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за совершение конкретного преступления, обусловлено социально-правовыми аспектами, связанными с обстоятельствами совершенного преступления, характеристиками личности виновного [8, с. 7]. Следует согласиться с автором в том, что поведение виновного в большей степени имеет социальное происхождение, поскольку исходит от воли (желания) виновного, вызванного общественными процессами.

Кроме того, по мнению профессора Н.А. Лопашенко, в реальной действительности определенные обстоятельства совершения преступления или личности виновного так корректируют преступное поведение, что назначение справедливого наказания в рамках санкции статьи Особенной части, даже с учетом положений Общей части, становится невозможным [9, с. 551–554]. Следовательно, возникает необходимость назначения другого наименьшего наказания, чем предусмотрено статьей Особенной части УК РФ. Таким образом, имея социальное происхождение, указанные обстоятельства отражают степень общественной опасности совершенного преступления и личности виновного, значительно уменьшают ее общественную опасность и служат основанием назначения более мягкого наказания. Более мягкое наказание целиком и полностью обусловлено социальным естеством определенного рода обстоятельств. Оно социально по своей природе так же, как и преступление, и регламентировано уголовно-правовыми положениями.

В доктрине уголовного права встречаются разные подходы к подобному смягчению, вызванные социальным предназначением

наказания. К ним можно отнести: гуманизм российского уголовного законодательства; экономию мер карательного воздействия и целесообразность применения или неприменения наказания за совершенное преступление [10, с. 5–10]. В этом смягчении проявляется решение социальных проблем, связанных с предупреждением преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Социально-правовая природа более мягкого наказания раскрывается через призму обстоятельств, характеризующих преступление и личность виновного, получивших законодательное закрепление в ст. 64 УК РФ.

2. Социально-правовая природа более мягкого наказания регламентирована задачами и целями Уголовного закона — ст. 2 и 43 УК РФ, обладающими социальным и государственно-правовым значением.

3. Социальное назначение более мягкого наказания продиктовано принципом гуманизма, а также содержащимися в ней показателями общественной опасности совершенного преступления и личности виновного. Статья 64 УК РФ «Назначение более мягкого наказания...» отражает естественное предназначение Уголовного закона, его социальную сущность и задачи уголовно-правовой охраны.

4. В целях правильного и единообразного применения положений ст. 64 УК РФ целесообразно дополнить абзац 1 п. 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» следующими положениями: «Исключительные обстоятельства, дающие основание для применения статьи 64 УК РФ, социально обусловлены обстоятельствами, характеризующими преступление и личность виновного. Признание указанных обстоятельств исключительными обязательно при назначении более мягкого наказания за каждое совершенное преступление».

Список литературы:

1. Ребане, И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок: автореф. ... д-ра юрид. наук / И.А. Ребане. — М., 1968. — 51 с.

2. Филимонов, В.Д. Общественная опасность личности преступника: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук / В.Д. Филимонов. — М., 1971. — 32 с.

3. Салихов, З.М. Индивидуализация наказания при его назначении судом по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З.М. Салихов. — Казань 2002. — 23 с.

4. Савенков, А.В. Принцип индивидуализации при назначении наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Савенков. — СПб., 2004. — 25 с.

5. Колиев, В.Л. Смягчение наказания по уголовному праву: теоретический, правовой и правоприменительный аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Л. Колиев. — Волгоград, 2003. — 23 с.

6. Буланов, А.Ю. Роль смягчающих обстоятельств при квалификации преступлений и назначении наказания: автореф. ... дис. канд. юрид. наук / А.Ю. Буланов. — М., 2004. — 31 с.

7. Бабаян, С.Л. К вопросу о правовой природе и основании института замены неотбытой части наказания более мягким видом // Российский следователь. — 2012. — № 22. — С. 6–9.

8. Михайленко, И.В. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом за совершение конкретного преступления: автореф. ... канд. юрид. наук / И.В. Михайленко. — Томск, 2012. — 22 с.

9. Лопашенко, Н.А. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ). Глава 1. История уголовного права и уголовного закона России // Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.А. Лопашенко. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 752 с.

10. Гараева, А.Р. Смягчение наказания при его исполнении в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Гараева. — Казань, 2007. — 23 с.

И.Я. Селиванов,
*аспирант кафедры таможенного,
административного и
финансового права Саратовского
национального исследовательского
государственного университета
имени Н.Г. Чернышевского*

I.Ya. Selivanov,
*Postgraduate student of the Department
of Customs, Administrative and
Financial Law of the Saratov State
University named
after N.G. Chernyshevsky*

Проблемные вопросы административной ответственности региональных и муниципальных депутатов

Аннотация: в статье исследуется институт административной ответственности депутатов регионального и муниципального уровней. Особое внимание уделяется соотношению административного законодательства и иных законов, регулирующих вопросы административной ответственности. Актуальность темы выражается в повышенном контроле общества за процессом привлечения к ответственности лиц с особым правовым статусом. Цель работы заключается в изучении действующих проблем института административной ответственности региональных и муниципальных депутатов и предложении пути их разрешения. В исследовании были использованы диалектический и дедуccionный методы, метод правового моделирования, анализа и сравнения. Делается вывод об отсутствии особых условий применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности депутатов регионального и муниципального уровней. Для разрешения правовой коллизии предлагается изменить действующее законодательство.

Ключевые слова: административная ответственность, административные правонарушения, иммунитет, специальные субъекты, региональные депутаты, муниципальные депутаты.

Problematic issues of administrative responsibility of regional and municipal deputies

Abstract: *the article studies the institute of administrative responsibility of deputies of regional and municipal levels. The author pays special attention to the ratio of administrative legislation and other laws governing the issues of administrative responsibility. The relevance of the research topic is expressed in the increased control of the company over the process of bringing to responsibility of persons with a special legal status. The aim of the work is to study the existing problems of the Institute of administrative responsibility of regional and municipal deputies and propose ways to solve them. The study used dialectical and deductive methods, the method of legal modeling, analysis and comparison. The author comes to the conclusion that there are no special conditions for the application of measures to ensure the production of an administrative offense and bringing to administrative responsibility of deputies of regional and municipal levels. To resolve the legal conflict, it is proposed to change the current legislation.*

Keywords: *administrative responsibility, administrative offenses, immunity, special subjects, regional deputies, municipal deputies.*

Научным сообществом подробно изучаются проблемные вопросы административной ответственности, однако институт административной ответственности лиц с особым правовым статусом в научной литературе комплексно не исследован. По этой причине представляется важным рассмотреть данный институт с точки зрения соблюдения принципа равенства перед законом и судом.

Порядок применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (судей, прокуроров, депутатов, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации и иных лиц), закреплен ч. 2 ст. 1.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), согласно которой особые условия устанавливаются Конституцией Российской Федерации и федеральными законами [1]. Возникает вопрос: распространяются ли особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении на депутатов региональных и муниципальных уровней?

КоАП РФ предусматривает особые условия производства по делу в отношении депутатов, но без уточнения парламентского статуса (федерального, регионального или муниципального). Парадоксально, но основной закон, определяющий нормы административного права, не уточняет статус депутата, поэтому в таких вопросах правоприменителю следует обратиться к Конституции и федеральным законам.

Неприкосновенность депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации декларируется ст. 13 Федерального закона «Об общих принципах

организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [2], согласно которой при привлечении депутата к уголовной или административной ответственности, его задержании, аресте, допросе, обыске, совершении иных уголовно-процессуальных или административно-процессуальных действий, проведении оперативно-разыскных мероприятий в отношении депутата, его багажа, служебных и личных транспортных средств, переписки, используемых им средств связи и принадлежащих ему документов, а также при проведении оперативно-разыскных мероприятий в занимаемых им служебном и жилом помещениях применяется особый порядок производства по уголовным или административным делам, установленный федеральными законами.

Анализ законоположения позволяет сделать нетривиальный вывод о несогласованности законодательства, а именно ст. 1.4 КоАП РФ и ч. 2 ст. 13 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В этих законах отсутствует непосредственный порядок производства по административным делам в отношении обозначенных субъектов, более того, один закон ссылается на другой. Правовая неопределенность возникла из-за изменения законодательных конструкций. Ранее действующий закон предусматривал получение согласия законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации на передачу дела в суд в отношении депутатов регионального уровня, однако Конституционный Суд Российской Федерации в 2002 г. признал часть статьи несоответствующей Основному закону. В своем Постановлении Конституционный Суд указал, что «институт неприкосновенности является отступлением от конституционного принципа равенства перед законом и судом (ст. 19), закреплен непосредственно Конституцией Российской Федерации в отношении строго ограниченного круга лиц (ст. 91, 98 и 122) и, следовательно, не может быть распространен федеральным законом на других лиц» [3]. До настоящего дня коллизия не устранена и порождает противоречия в правоприменении. Таким образом, вопрос об особенностях производства по делам о привлечении к административной ответственности депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации нуждается в разрешении.

Выявленная коллизия — предмет изучения научного сообщества. В частности, В.Н. Хорьков считает, что норма Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» неконкретная и могла быть установлена в КоАП РФ, а также является мертворожденной и неприменимой на практике [4, с. 47].

С данным мнением сложно не согласиться, ведь в реальной жизни закон не работает. Соответствующие выводы можно сделать после анализа судебной практики. Так, в постановлении Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 25 апреля 2017 г. по делу № 5-250/2017 указывается, что ни упомянутый закон, ни КоАП РФ, ни какой-либо другой нормативный правовой акт не содержат норм, устанавливающих особый порядок привлечения депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти Российской Федерации к административной ответственности [5]. В решении Свердловского областного суда от 6 июля 2016 г. по делу № 71-346/2016 подчеркивается, что правовой институт парламентской неприкосновенности призван оградить депутата от неправомерного вмешательства в его деятельность по осуществлению мандата, в том числе со стороны органов исполнительной власти, от попыток оказать на него давление путем привлечения или угрозы привлечения к административной или уголовной ответственности. Вместе с тем неприкосновенность не может рассматриваться как личная привилегия депутата, освобождающая его от ответственности за совершенные административные и уголовные правонарушения [6].

Неприкосновенность депутатов представительного органа муниципального образования декларируется ч. 8 ст. 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», согласно которой гарантии прав депутатов при привлечении их к административной ответственности (совершения административно-процессуальных действий) устанавливаются федеральными законами [7]. Как де-юре, так и де-факто гарантии у депутатов муниципального уровня отсутствуют, потому что закон не содержит особенностей производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности депутатов представительного органа муниципального образования.

В заключение отметим, что законы должны приниматься для обеспечения государственной политики и единого порядка сфер деятельности граждан, то есть во избежание правовой путаницы. Право можно сравнить с живым организмом, поэтому некоторые законы со временем могут утратить свою необходимость, это нормальное явление. В подобных случаях от правового рудимента следует отказаться, так как наличие в законе коллизий может привести к негативным последствиям, например, неправильному толкованию и применению закона. Подобные последствия могут негативно повлиять на авторитет власти.

По нашему мнению, решить проблему возможно несколькими путями, во-первых, следует разработать новый механизм привлечения депутатов регионального и муниципального уровня к административной ответственности, придать ему юридическую силу; во-вторых, согласиться со сложившейся практикой, признать ч. 2 ст. 13 Федерального

закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и ч. 8 ст. 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» утратившими силу в части наделения депутатов правовым иммунитетом. Предпочтение стоит отдать второму варианту, так как статус федерального парламентария отличается от статуса регионального и муниципального депутата по объему прав и обязанностей, гарантий и неприкосновенности. За длительное время особый порядок привлечения к административной ответственности указанных лиц не был принят, а значит, целесообразность наличия правовой конструкции отсутствует.

Список литературы:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 1, ч. 1, ст. 1; — 2018. — № 1, ч. 1, ст. 83.
2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1999. — № 42, ст. 5005.
3. По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края: постановление Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2002 г. № 9-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 16, ст. 1601.
4. Хорьков, В.Н. К вопросу о круге лиц, обладающих иммунитетом от административного задержания // Современное право. — 2014. — № 3. — С. 45–49.
5. Постановление Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 25 апреля 2017 г. по делу № 5-250/2017 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». — URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 01.05.2019).
6. Решение Свердловского областного суда от 6 июля 2016 г. по делу № 71-346/2016 // Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». — URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 01.05.2019).
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2003. — № 40, ст. 3822.

**Обзор методологического семинара на тему
«Цифровое право: методология исследования»**

(г. Саратов, 18 апреля 2019 г.)

**Review of methodological seminar on “Digital rights:
research methodology”**

(Saratov, April 18, 2019)

О.Л. Солдаткина,

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры информатики
Саратовской государственной
юридической академии,
старший научный сотрудник
Саратовского филиала Института
государства и права Российской
академии наук*

O.L. Soldatkina,

*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Computer Science
Saratov State Law Academy,
Senior Researcher of Saratov Branch
of the Institute of State and Law of
Russian Academy of Science
buzum@mail.ru*

Цифровое право: методология исследования*

Digital law: research methodology

Программа «Цифровая экономика», в которой были намечены основные стратегические направления по построению экономики инновационного типа, дала толчок к изменению государственных регуляторов, в том числе и права, что ведет к формированию «цифрового права». В целом все исследователи признают тот факт, что право меняется в самой своей сути, однако в научных статьях, посвященных цифровизации права, упор делается на правовом обеспечении внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни (Ломакин А. Цифровизация права // Трудовое право. 2017. № 9. С. 103–111; Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17). Представляется, однако, что такой подход несколько однобокий, так как процесс цифровизации права имеет два аспекта: с одной стороны, это разработка «сопровождающего» права, новое познание и осмысление его элементов (объектов, субъектов, прав) с точки зрения цифровой эпохи, с другой — автоматизация правовой отрасли, так называемые legaltech (программы искусственного интеллекта, боты), призванные алгоритмизировать юридические процессы и нормотворчество.

Если рассматривать цифровое право как продукт процесса цифровизации права, то при формировании его дефиниции также необ-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

ходимо учитывать двойственную природу родового понятия. Таким образом, цифровое право — это новая форма существования правовой системы, получаемая в процессе глубокого проникновения информационно-коммуникационных технологий в общественную жизнь, имеющая цифровую природу и характеризующаяся изменениями по сравнению с классическим правом всех структурных элементов (субъект, взаимодействие субъектов, объект, права человека), а также работы юриста и всей юридической системы, включая законотворчество, правоприменение и т.д.

Помимо этого, представляется, что в связи с формированием информационного общества и цифрового права новое звучание получает вопрос о применении дополнительных специфических методик исследования. Цифровизация — процесс по сути своей технической, соответственно, логичным выглядит «заимствование» и некоторых научных методов. Проиллюстрируем это на примере методики системного анализа.

Особенность системного исследования состоит в его применимости для решения слабоструктурированных задач, не имеющих стандартных ответов (Крайнюченко И.В., Попов В.П. Системное мировоззрение: теория и анализ. Пятигорск, 2005. URL: <http://holism.narod.ru/Systems/content.htm>). Учитывая сложность социальных систем, данная особенность делает метод системного анализа крайне полезным инструментом для научных изысканий в гуманитарной сфере. Кроме того, этот вид анализа посредством глубокого проникновения в суть проблемы помогает с большей эффективностью распределить все виды ресурсов. Метод системного анализа также дает отличные результаты при выстраивании «дерева целей».

Универсальным средством методологии системного анализа является четкое выделение в процессе исследования некоторого количества логических элементов. Для процесса целеполагания этапы следующие: ставится задача, описывается текущее состояние системы, намечается желаемое состояние системы. Далее на основе разницы текущего и желательного состояния системы определяются направления развития, подцели.

Данный метод подходит и для постановки целей отдельных сегментов цифрового права. Для примера возьмем не самую популярную и потому слабо изученную область по цифровизации деятельности правоприменительных органов.

1 этап. Постановка задачи. Говоря о цифровизации права, большинство исследователей имеют в виду законотворческую деятельность, однако без грамотной информатизации органов судебной системы процесс цифровизации вряд ли можно считать успешным. Поэтому указанная трансформация, несомненно, является насущной потребностью российского общества. «Цифровой суд» (назовем его так) должен создаваться таким образом, чтобы максимально использовать преимущества информационных технологий и цифровых данных.

II этап. Определение текущего состояния системы. Конечно, российское правосудие в информационную эпоху меняется: действует и развивается государственная автоматизированная система (ГАС) «Правосудие», в базе данных которой уже находится более 80 млн дел; существует возможность подавать документы в суд в электронном виде; при рассмотрении дел все чаще прибегают к системе видеоконференций, чтобы заявитель мог участвовать в рассмотрении обжалования приговора, даже если он, например, отбывает наказание в другом регионе.

Положительная динамика есть, однако обращает на себя внимание тот факт, что данный процесс в отечественной судебной системе часто сводится к банальной компьютеризации, не используя и половины тех возможностей, что предоставляют современные информационные технологии. Кроме того, он натывается на всевозможные преграды: неподготовленность кадров, устаревшие технологии, недостаточно современная компьютерная техника.

С точки зрения пользователя ГАС «Правосудие» также не совсем удобна: практически не предусматривается создание документов (в основном используется загрузка скан-копий бумаг); невозможно получить через систему и решение суда, что вызывает необходимость личного визита в суд за его традиционным вариантом; интерфейс системы не назовешь «дружелюбным» и интуитивно понимаемым.

Таким образом, ГАС «Правосудие» дублирует бумажный документооборот, что в начале информатизации судебной системы было существенным шагом, но сейчас не удовлетворяет требованиям времени.

III этап. Желательное состояние системы. Современному обществу недостаточно простых сервисов по подаче обращений. Для того чтобы удовлетворить его потребности, необходимы востребованные сервисы в электронном виде, что в свою очередь должно повлечь за собой полный отказ от бумажного документооборота в пользу изначального существования информации в форме данных, а не документа. Это означает, что именно цифровая форма существования судебной информации и самой системы должна стать первичной, а реальные судебные органы должны быть ориентированы прежде всего на «цифровую» форму работу с «клиентом».

В плане мероприятий программы «Цифровая экономика» ([URL: http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/01/DE_normativ.pdf](http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2018/01/DE_normativ.pdf)) есть пункты, касающиеся и правосудия, но все это частности, которые основной проблемы по модернизации судебной системы не решают.

Выскажем свои представления о том, какой должна быть судебная система будущего:

1. Для судебной системы важна ориентированность на удобство работы пользователей (судей, граждан), для которых в свою очередь нужно обеспечить процесс подготовки к работе в цифровом суде.
2. На смену документу как единице существования информации придут данные, что подразумевает возможность проводить судебные

процессы в цифровой форме от начала и до конца (возможно, не во всех случаях). Для организации межведомственного взаимодействия следует унифицировать форматы хранения данных для всех государственных информационных систем. Необходима также разработка «типовых» сервисов.

3. Транзакции в суде нового поколения должны стать прозрачными настолько, насколько это возможно, что обеспечит доверие граждан к системе.

4. Уровень защиты конфиденциальной информации нужно установить высокий, причем не только технический, но и организационный (новые стандарты защиты пользовательских данных).

5. Внедрение системы должно быть экономически обоснованным.

IV этап. Формирование «деревя» целей. На основе разницы того, что есть, и того, что необходимо, намечаем подцели цифровизации судебной системы. Ограничимся для примера только первой целью. С точки зрения ориентированности на удобство работы пользователей (судей, граждан) важно решить следующие задачи:

1. Создать новые стандарты обучения на различных этапах образования, как общеобразовательных (для того, чтобы граждане могли активно пользоваться цифровой формой взаимодействия с судом), так и специальных (подготовка юристов нового поколения, более адаптированных для цифрового судопроизводства).

2. Действующие информационные системы сегодня часто становятся цифровым «прикрытием» устаревших форм работы судов. В рамках процесса цифровизации это недопустимо, причем изменения должны коснуться не только судебного документооборота, но и самого процесса. В качестве апробации таких радикальных изменений возможно проведение «пилотных» проектов в отдельных регионах.

3. Обеспечить равные цифровые возможности судебных органов в различных регионах.

Подцели других целей расписываются аналогично.

Еще одной сферой применения метода системного анализа является количественная и качественная оценка влияния отдельных элементов системы на эффективность ее функционирования в целом. Методология уже апробирована нами ранее на примере установления приоритетов правовой политики в сфере обеспечения информационной безопасности в сети Интернет (Малько А.В., Резчиков А.Ф., Иващенко В.А. и др. Правовая политика в сфере обеспечения информационной безопасности в сети Интернет: моделирование процессов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2. С. 72–81). Суть состоит в построении некоторой математической модели реального процесса и оценки реакции системы на изменение входных параметров, что позволяет спрогнозировать положительную динамику системы и действительно распределить финансовые и прочие ресурсы.

Таким образом, начатый сегодня процесс формирования цифрового права требует использования помимо классических для

гуманитарных наук методов познания и междотраслевых подходов, в том числе тех, что пришли из информатики и кибернетики — их применение дает особо интересные результаты. Однако метод системного анализа, как и остальные аналогичные подходы, при работе на правовом поле применим только как вспомогательный.

Выступления Speeches

А.В. Малько,
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
директор Саратовского филиала
Института государства и права
Российской академии наук*

A.V. Malko,
*Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian
Federation, Director of Saratov branch
of Institute of State and Law of
Russian Academy of Science
i_gp@ssla.ru*

М.Ю. Горбунова,
*аспирант кафедры теории
государства и права Саратовской
государственной юридической
академии*

M.Y. Gorbunova,
*Post-graduate student of Chair of
Theory of State and Law of Saratov
State Law Academy
mg612@yandex.ru*

Поощрение использования информационных технологий в процессе отправления правосудия* Encouragement of information technology's using in the administration of justice's process

Уникальная особенность поощрений как юридического средства заключается в том, что стимулируемое им заслуженное поведение является взаимовыгодным — как для поощряемых, так и для общества и государства в целом. Отдельные ученые заявляют, что поощрительные нормы представляют собой ценность прежде всего именно для государства [1, с. 25–32]. Они выполняют стабилизирующую функцию, способствуя поддержанию устойчивости и порядка в общественных отношениях. Удельный вес поощрений в юридической инструментари и эффективность управленческого воздействия, осуществляемого при их помощи, являются своеобразным маркером уровня развития общества и его социальной зрелости.

Важнейшей сферой, в которой поощрения имеют мощнейший регулятивный потенциал, является судебная система, где с их помощью можно стимулировать столь актуальные в настоящий момент внедрение и использование передовых информационных технологий.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

Существенный «прорыв» связан с принятием в 2002 г. Федеральной целевой программы «Электронная Россия» (2002–2010 годы), утвержденной Постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 [2], благодаря реализации которой были достигнуты значимые результаты в сфере интеграции государственных институтов в сферу информационных технологий. Однако аналитики с сожалением констатируют, что после 2010 г. Россия снизила темпы движения в этом направлении [3, с. 56–60].

На наш взгляд, подобное заявление излишне категорично, поскольку определенные шаги в рассматриваемом направлении продолжают предприниматься. Особое внимание в последнее время уделяется информатизации сферы правосудия, которая направлена, с одной стороны, на обеспечение его доступности и упрощения процедур для населения, с другой — на снижение нагрузки на судебную власть, иными словами, заключает в себе баланс частных и публичных интересов в обществе.

С 2012 г. в Российской Федерации действует государственная автоматизированная система «Правосудие», база которой включает несколько десятков миллионов дел. С 2017 г. любые процессуальные документы можно направлять в суд в электронной форме, также возможно составление судебного акта в виде электронного документа. В настоящее время идет работа по подключению судов к Единому portalу государственных услуг, благодаря которому граждане смогут наиболее оперативно обращаться с исковыми заявлениями с одновременной уплатой госпошлины. Вместе с тем, по мнению Председателя Правительства РФ Дмитрия Анатольевича Медведева, работу по технологической модернизации судебной системы нужно обязательно продолжать [4].

В ближайшее время планируется подключение судебной системы к portalу государственных услуг, что будет способствовать дальнейшему развитию электронных сервисов, эффективному решению проблемы уведомления граждан о принятых в отношении них решений, стимулированию положительной активности населения. Немаловажную роль в этом может сыграть опыт использования системы «Мой арбитр» арбитражных судов, который, безусловно, следует учесть и вдумчиво переработать [5].

Еще одним направлением внедрения информационных технологий в процесс отправления правосудия может стать введение роботов-стенографистов. Это позволит максимально полно фиксировать все происходящее в зале судебного заседания, в чем, безусловно, крайне заинтересованы стороны, которые имеют право (и часто им пользуются) обжаловать вынесенные решения в вышестоящую инстанцию. В то же время значительно сократится время на ведение протокола. Не исключены случаи, когда секретари случайно или сознательно (возможно, даже по негласному указанию судей) упускают какую-либо важную деталь. Осуществление защитником

записи приводит к подаче замечаний на судебный протокол, что дискредитирует всю судебную систему. Следовательно, появление роботов-стенографистов отвечает интересам правосудия в целом.

Указанное нововведение должно появиться уже в 2019 г. Первая апробация идеи состоялась в июле 2018 г. в рамках опытной эксплуатации комплекса аудиовидеофиксации судебных заседаний «Нестор. Правосудие» в Свердловском и Шебекинском районных судах Белгородской области, после чего была существенно доработана [6].

Между тем, несмотря на все перечисленные, без сомнений, несущие в себе большой положительный потенциал новшества в применении информационных технологий в сфере осуществления правосудия, менталитет нашего населения (работников судебной системы, в частности), отличающийся консерватизмом и ретроградностью, будет препятствовать быстрому и эффективному введению новых технологий. В связи с этим для достижения поставленных задач, по нашему мнению, целесообразно обратиться к юридическим средствам, доказавшим свою результативность в различных сферах жизнедеятельности, а именно к поощрениям.

Несмотря на, казалось бы, очевидность того, что повсеместное внедрение информационных технологий в деятельность судебной системы является выгодным для всех участников судебного процесса, стимулировать (поощрять) их использование в сфере правосудия необходимо с обеих сторон — как непосредственно судей и иных работников судов, так и граждан, которым предоставлена возможность выбирать способ урегулирования споров. Что касается первых, то ввиду их возрастных, психологических, культурных и иных особенностей процесс перехода от устаревших методик к современным, отвечающим потребностям информационного общества, безусловно, нуждается в дополнительных (поощрительных) средствах. Далеко не все сотрудники суда, причём как вновь поступающие на службу, так и работающие в системе долгое время, могут и готовы свободно работать в системе электронного документооборота. Отсутствие квалифицированных специалистов выступает одним из главных препятствий реализации программы информатизации деятельности по отправлению правосудия. В связи с этим, во-первых, следует проводить постоянное обучение и повышение квалификации кадров в данной области с учетом обновляющейся нормативной базы, во-вторых, предусмотреть меры поощрения для тех, кто успешно прошел обучение новым технологиям, применяет их в своей работе, способствует повсеместному их распространению и использованию. Для этого следует внести соответствующие коррективы в нормативные правовые акты, начиная с федерального законодательства. Так, в базовом для данной сферы Законе РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [7] закрепляется возможность установления ежемесяч-

ной доплаты за знание иностранных языков и их использование при исполнении должностных обязанностей (ст. 19), что, без сомнения, следует оценить положительно. Однако, на наш взгляд, в условиях стремительно информатизирующегося общества аналогичное положение, касающееся возможности применения мер поощрения, следовало установить за такое общее основание, как внедрение и использование информационных технологий при исполнении должностных обязанностей, которое далее должно конкретизироваться в подзаконных правовых актах.

Упомянутый выше Закон определяет, что в пределах установленного фонда оплаты труда судьям могут выплачиваться премии и оказываться материальная помощь, порядок которых устанавливается актами Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ соответственно для судей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ и актами Судебного департамента при Верховном Суде РФ по согласованию с Советом судей РФ для судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Граждан как противоположную сторону судебного процесса также необходимо стимулировать к использованию информационных альтернатив обычных процедур, причем действенное всего это можно сделать при помощи поощрений (льгот) материального характера. Приведем довольно удачный, на наш взгляд, пример применения мер поощрения для граждан в виде возможности получения 30 % скидки при электронной подаче заявления и безналичной оплате госпошлины через портал «Госуслуги», предоставленной с 1 января 2017 г. [8], ставших весомым аргументом в пользу обращения определенной части населения к информационным технологиям. При подключении судов к Единому portalу государственных услуг, благодаря которому граждане смогут оперативно обращаться с исковыми заявлениями с одновременной уплатой госпошлины, возможно, следует предусмотреть аналогичный материальный стимул к предпочтению данного варианта действий традиционной модели, который будет взаимовыгоден для обеих сторон.

Таким образом, Российская Федерация должна и дальше двигаться по направлению интеграции в пространство глобального информационного общества. При этом важно, чтобы происходила не только внешняя, технологическая модернизация, но и внутренняя трансформация государства по пути дальнейшей демократизации власти и становлению истинного народовластия, чему, безусловно, будут способствовать продолжающееся внедрение и активное использование информационных технологий в процессе осуществления правосудия, в стимулировании которых существенную роль способны играть поощрения, используемые как в отношении работников судебной системы, так и рядовых граждан, выступающих участниками судебного процесса.

Список литературы:

1. Шабаетова, О.А. Ценность и значение поощрительных норм в механизме правового регулирования // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 2. — С. 25–32.
2. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)»: постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 5, ст. 531.
3. Апанасенко, Ф.Е. Социальные последствия развития электронного государства в современных российских условиях // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2018. — № 1. — С. 56–60.
4. Кузьмин, В. Суд под защитой. Дмитрий Медведев пообещал судьям снизить нагрузку // Российская газета. — 2019. — 12 февраля.
5. Куликов, В. Судитесь в личном кабинете. Граждане смогут подавать иски через портал госуслуг // Российская газета. — 2018. — 26 ноября.
6. Козлова, Н. Суд: встать, робот идет // Российская газета. — 2018. — 5 дек.
7. О статусе судей в Российской Федерации : закон от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Российская газета. — 1992. — 28 июля.
8. URL: https://www.gosuslugi.ru/help/news/oplachivayte_gosposhliny_soskidkooy_30 (дата обращения: 04.03.2019).

С.Ф. Афанасьев,*доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой арбитражного
процесса Саратовской
государственной юридической
академии***S.F. Afanasiev,***Doctor of Law, Professor,
Head of the Arbitration Department
Saratov State Law Academy
af.73@mail.ru***Цифровое право в контексте электронного
аудиопротоколирования в судах***
**Digital law in the context of electronic audio recording
in courts**

Известно, что с 1 сентября 2019 г. во всех судах Российской Федерации ввиду принятия Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вводится обязательное аудиопротоколирование судебного заседания. Новый порядок предусматривает, что такое протоколирование будет осуществляться с использованием средств аудиозаписи непрерывно как в самом заседании, так и при совершении отдельного процессуального действия. Представляется, что это только начало большого технологического прорыва, поскольку следующим шагом, по всей видимости, будет являться создание программы автоматической подготовки протокола судебного заседания на основе системы распознавания лиц и речи, т.е. элементов искусственного интеллекта. Во всяком случае, об этом заявил заместитель председателя Мосгорсуда Д. Фомин: «Протокол су-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

дебного заседания будет формироваться автоматически в электронном виде, практически без участия секретаря. Это, конечно, облегчит работу аппарата суда и даст гарантию того, что протокол достоверен, в нем зафиксировано точно то, что происходило в судебном заседании. Количество жалоб в этой части сведется к минимуму» (Мосгорсуд внедрит программу автоматической подготовки протокола судебного заседания. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/mosgorsud-vnedrit-programmu-avtomaticheskoy-podgotovki-protokola-sudebnogo-zasedaniya/>).

Такие технологии уже широко известны в других отраслях знаний и бизнеса, в частности в 2018 г. IT-гигант Facebook выпустил на рынок продукт распознавания лиц и начал его активно продвигать на американском и европейском рынках. Однако нужно помнить, что это не первая попытка. Некоторое время назад Facebook пробовал сделать то же самое, но столкнулся с препятствием в виде Конвенции «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», заключенной в Страсбурге в 1981 г., которая требует согласия пользователя на сбор и анализ соответствующих личных сведений. Вот что пишет по этому поводу Н. Сингер: «В Европейском союзе жесткий закон о защите данных, он требует от компаний получения явного и свободно предоставленного согласия на сбор конфиденциальной информации, такой как данные о лице» (Natasha Singer Facebook's Push for Facial Recognition Prompts Privacy Alarms. URL: https://www.nytimes.com/2018/07/09/technology/facebook-facial-recognition-privacy.html?emc=edit_ne_20180709&nl=evening-briefing&nid=6067543320180709&te=1).

В России Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» закрепляет аналогичное правило — обработка персональных сведений в том числе и лица, участвующего в конституционном, гражданском, административном, уголовном судопроизводстве, осуществляется с согласия субъекта таких данных, что, безусловно, должно приниматься во внимание как при аудиопроотолировании, так и в ходе дальнейшего применения перспективных технологий искусственного интеллекта.

Кроме того, следует помнить, что аудиопротокол — это не просто способ фиксации всего происходящего в зале судебного заседания. Согласно действующим нормам процессуального права всякий протокол и приложения к нему представляют собой письменные доказательства по делу. Как отмечал Е.В. Васьяковский, «протокол является доказательством того, что в нем записано; но тяжущиеся не лишены права опровергать его содержание, причем оценка представляемых ими в опровержение доказательств зависит от суда, рассмотрению которого они подлежат по ходу дела» (Васьяковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2017. С. 228).

По смыслу новой редакции ст. 228 ГПК РФ аудиопротокол приравнивается к протоколу, составленному в письменной форме, следовательно, он есть одна из разновидностей письменных доказательств. Однако в ст. 231 ГПК РФ говорится о другом: лица,

участвующие в деле, их представители вправе знакомиться с протоколом и аудиозаписью судебного заседания, причем такая запись не расшифровывается в скобках в качестве аудиопотокола (подобно тому, как это сделано в ст. 228 ГПК РФ). При этом ст. 71 ГПК РФ не была дополнена указанием на то, что к письменным доказательствам относится аудиопотокол. Последнее вполне понятно, если учесть, что в перспективе планируется внедрение программы автоматической подготовки протокола судебного заседания на базе системы распознавания лиц и речи, что явно выходит за пределы критериев, детерминирующих понятие письменного доказательства. Более того, Конституционный Суд РФ еще в 2009 г. применительно к УПК РФ констатировал, что «письменный протокол судебного заседания в части, касающейся фиксации показаний и исследования иных доказательств, может рассматриваться как производное доказательство в сопоставлении с аудио- или видеозаписями, в которых непосредственно запечатлены ход и результаты судебного разбирательства» (Определение Конституционного Суда РФ № 1007-О-О от 2 июля 2009 г.). Стало быть, аудиозапись (в узком смысле — аудиопотокол), окончательная правовая природа которой пока неясна, считается первичным доказательством по отношению к такому производному письменному доказательству, как традиционный протокол судебного заседания. Вместе с тем, как правильно отмечается в специальной литературе, парадокс состоит в том, что по закону аудиопотокол без письменного протокола самостоятельного процессуального значения не имеет. В АПК, а именно в ст. 155, данная проблема решается за счет того, что обычный протокол рассматривается сквозь призму дополнительного средства фиксации.

В.В. Кулапов,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного
права Саратовской государственной
юридической академии*

V.V. Kulapov,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of Department of
International Law of Saratov State
Law Academy*

**Рекомендации Совета Европы по развитию
электронного правосудия***
**Council of Europe recommendations for e-justice
development**

Представляется справедливым утверждение о том, что в настоящее время подавляющее число государств так или иначе стремятся внедрять те или иные информационные технологии в систему

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

судопроизводства. Весомую помощь в грамотной организации работы в этом направлении оказывает Совет Европы.

В частности, заслуживают внимания следующие рекомендации, основанные на всестороннем изучении и обобщении национального опыта 47 государств — членов самой многочисленной европейской международной организации (Guidelines on how to drive change towards Cyberjustice. European Commission for the Efficiency of Justice. Document adopted on 7 December 2016. URL: <https://rm.coe.int/16807482de>).

1. Любой проект в области развития электронного правосудия должен начинаться с оценки социального запроса на внедрение той или иной технологии и возможностей ИТ-индустрии. Игнорирование указанных факторов может привести к принятию безответственных решений, чреватых нецелевым расходованием бюджетных средств.

2. Разработка любых технологических решений должна начинаться с констатации принципов, лежащих в основе судебной системы. «Информационные технологии должны быть адаптированы к нуждам судей и иных пользователей, они никогда не должны нарушать принадлежащих им гарантий и процессуальных прав» (CCJE Opinion No. 14 (2011), conclusion/recommendation No. 4).

3. Разработчикам информационных технологий следует вовлекать в свою работу будущих пользователей своего продукта. Это позволяет минимизировать несоответствия между заявленными потребностями продукта и его практической реализацией.

4. Вопрос безопасности использования информационных технологий должен решаться прагматично. Киберугрозы для судебной системы по своей сути аналогичны угрозам, стоящим перед любой частной или публичной компанией. Соответствующие риски неизбежны, правильным решением является нестремление избежать их вовсе. Более верным шагом будет разработка четкой политики по управлению этими рисками.

5. Важным соображением при разработке программного обеспечения является сравнение соответствующего продукта с аналогичными продуктами, используемыми другими органами власти как в рамках одного государства, так и за рубежом. Такое сравнение позволит обеспечить возможность дальнейшего взаимодействия и обмена информацией, в том числе при реализации международного сотрудничества по конкретным делам.

6. Разработку той или иной технологии полезно сопровождать аудитом сложившихся правил и процедур. Электронное правосудие — хорошая возможность пересмотреть некоторые из них с целью повышения эффективности реализации фундаментальных принципов судопроизводства.

Реализация перечисленных рекомендаций на практике в разных государствах осуществляется по-разному. Думается, что со временем по мере неизбежного и повсеместного увеличения роли информационных технологий при отправлении правосудия их значение будет только возрастать.

Н.Н. Ковалёва,
*доктор юридических наук,
профессор кафедры
административного и муниципального
права Саратовской государственной
юридической академии*

N.N. Kovaleva,
*Doctor of Law,
Professor of the Department of
Administrative and Municipal Law
Saratov State Law Academy
kovaleva.natalia@mail.ru*

**Машиночитаемое право как механизм умного
регулирувания в области связи
Machine-readable law as a mechanism of smart
regulation in the field of communication**

Одна из основных целей программы «Цифровая экономика» — создание экосистемы цифровой экономики, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан. Умное регулирование предполагает снижение административных барьеров в области связи, на сегодняшний день заурегулированность выступает одним из факторов, тормозящих развитие отрасли.

Как отмечает Д. Цыганков [1], введение правовых экспериментов, то есть принятия актов с конечным сроком действия (англ. — sunset legislation), поможет выбрать наилучший подход для новых, совсем неизвестных сфер регулирования, в которых часто возникают оазисы инноваций. Кроме того, необходим переход к языку правотворчества (англ. — plain legal writing).

По первому тезису нужно отметить, что 27 декабря 2018 г. в рамках заседания президиума правительственной комиссии под председательством М.А. Акимова был утвержден План мероприятий федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» [2]. Одним из элементов данного плана является проведение исследования возможности перевода норм права в машиночитаемый вид и автоматизации их исполнения, разработки языка и инструментов для описания самоисполняемых контрактов.

Создана АНО «Цифровая экономика» в целях предоставления услуг в сфере развития цифровой экономики в Российской Федерации, в том числе путем поддержки общественно значимых проектов и инициатив в указанной сфере, а также координации взаимодействия между бизнес-сообществом в сфере цифровой экономики, научно-образовательными организациями, иными сообществами и органами государственной власти. На сайте организации публикуются уже готовые продукты для улучшения качества жизни граждан, для повышения эффективности государственного управления и бизнеса. Предложенные, а также иные механизмы могут применяться и в

работе провайдеров. Возможно их нормативное закрепление. Однако существуют риски неэффективности, что, в свою очередь, может решаться путем активно пропагандируемого механизма «регулятивных песочниц», которые, по сути, есть правовой эксперимент, позволяющий технологиям, предусмотренным цифровой экономикой, выйти из существующего нормативного регулирования, провести какое-то время в созданной «песочнице» и в процессе выработать новые правила и инструменты мягкого регулирования.

Что касается нового языка правотворчества, то, исходя из задач, сформулированных указанным Планом мероприятий, необходима подготовка концепции регулирования операторов связи, организаторов распространения информации в сети «Интернет» в части обработки данных, идентификации, обработки сведений (информации) об абонентах и пользователях услуг, соблюдения конфиденциальности и комплексного регулирования оказания услуг пользователям, включая способы идентификации пользователей и предоставления им дополнительных услуг, оборот пользовательского оборудования. В связи с этим проводятся научные исследования, доказывающие возможность применения данной технологии в целях снижения административных барьеров.

Внедрение машиночитаемого права в нормотворческий процесс особенно актуально в области регулирования связи как наиболее чувствительной отрасли к таким воздействиям.

Данный механизм не только снизит зарегулированность сферы связи, но и избавит от рисков появления избыточной регулированности в будущем, повысит эффективность взаимодействия провайдеров и органов государственной власти, упростит и облегчит регулирование сферы взаимоотношений провайдеров и потребителей.

Список литературы:

1. Цыганков Д. «Умное регулирование» для России. — URL: <https://iq.hse.ru/news/177672092.html> (дата обращения: 05.04.2019).
2. Центр компетенций по нормативному регулированию цифровой экономики возглавляет Фонд «Сколково». — URL: <http://sk.ru/foundation/legal/p/about.aspx> (дата обращения: 05.04.2019).

В.Ф. Борисова,
кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии

Н.А. Калмазова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
Саратовской государственной
юридической академии

V.F. Borisova,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Civil Procedure
of the Saratov State Law Academy
vfb2709@yandex.ru

N.A. Kalmazova,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the English
Language Department of the Saratov
State Law Academy

Предпосылки разработки Концепции правового регулирувания электронного правосудия* **Background of the development of the Concept of legal regulation of e-justice**

Создание Концепции правового регулирования электронного правосудия по гражданским делам должно базироваться на нескольких отправных точках:

- интеграции автоматизированных информационных систем арбитражных судов и судов общей юрисдикции;
- унификации цивилистического процессуального законодательства;
- направленности на устранение разрыва между консервативным законодательством и прогрессивным развитием информационных технологий, применяемых в судебном процессе;
- использовании технико-юридического понятийного аппарата, соответствующего имеющимся в цивилистическом процессуальном законодательстве институтам и корреспондирующим электронным опциям;
- разработке и дифференциации новых терминов, процедур, институтов, адекватных новым сервисам автоматизированных информационных систем судов;
- ориентированности концепции на поступательную цифровизацию правосудия, уход от автоматизации документооборота при сохранении бумажных аналогов;
- учете адаптированности информационных технологий и нормативной платформы для расширения возможностей реализации процессуальных прав и обязанностей участниками судопроизводства.

Разработка концепции развития законодательства предполагает определение основной идеи, цели, предмета правового регулирования, круга лиц, на которых оно будет распространяться, их прав и обязанностей. Концепция развития законодательства в сфере электронного правосудия не может стать фундаментом для эффективного правового

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

регулирования без трансформации понимания основных принципов гражданского процессуального права. Безусловно, с внедрением электронных возможностей в области реализации права на обращение в суд, процедуры представления в суд документов и доказательств, аудиопротоколирования, видео-конференц-связи, изготовления документов в электронной форме, процедуры извещения изменяется традиционное действие принципов доступности судебной защиты, состязательности, диспозитивности, непосредственности. «Цифровое» правосудие не может не затронуть соотношение императивных и диспозитивных начал в гражданском процессе. Кроме того, все чаще речь идет о трансформации гражданской процессуальной формы в формат электронной процессуальной формы.

Понимание сущности комплекса изменений нормативной базы основывается на общей характеристике и оценке состояния действующего правового регулирования (Постановление Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576 «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов»). В настоящее время к основным проблемам правового регулирования электронного правосудия по гражданским делам относятся: отсутствие регламентации процедуры реализации процессуальных прав и обязанностей участников процесса; порядка представления и исследования электронных доказательств; аудиопротоколирования; принятия, проверки и возвращения «электронных» обращений в суд; допустимости применения фикции извещения; создания и ведения «электронного дела». Частично и узко эти аспекты урегулированы в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и приказах Судебного департамента при Верховном Суде РФ, который взял на себя функцию расширительного толкования процессуального законодательства.

Л.В. Голоскоков,
*доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданско-
правовых дисциплин Московской
академии Следственного комитета
Российской Федерации*

L.V. Goloskokov,
*Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law
Disciplines Moscow Academy of the
Investigative Committee of the Russian
Federation*

**Правовая наука — бумажная, электронная,
цифровая: что дальше?**

Legal science — paper, electronic, digital: what's next?

Правовая наука долго пребывала в «бумажном» состоянии, недавно начала попытки освоения электронной формы, а сейчас мы только и слышим — цифровое право, цифровая экономика. Реальность стала цифровой, но право осталось в бумажной форме. То, что закон от Москвы до Сахалина идет не два года, а долю секунды,

не меняет суть отношений: не важно, прочитает исполнитель закон с бересты, бумаги или с экрана компьютера. Если он не хочет исполнять закон, «цифра» не поможет: крали все и до закона о госзакупках, не меньше крадут и с ним. Да, автоматизация правовых процессов идет, но право всегда отставало от осмысления реалий, а сегодня юристы видят ускорение этого процесса, и пришедшие во все сферы электроника, сети, «цифра» положения дел не меняют. К технологиям нужна идея. Идея прорыва, опережения. Нужно перестать быть вторыми и догоняющими, только отвечающими на вызовы.

Правовая наука исследует новое явление, находит решение, защищает его в диссертации, после чего решение может дойти до законодателя через много лет, а может, и нет. Сегодня итог диссертационного исследования в информационной сфере может устареть быстро, значит, строить здание науки из кирпичей диссертаций можно далеко не всегда. Мы продолжаем строить здание науки на зыбком фундаменте, но он рушится быстрее, чем мы его укрепляем, а ведь нужно не только ремонтировать свой дом (право), а вести вперед страну. Право отстает, и тогда возникает вопрос, для чего оно нужно, где его прогностическая функция? Не к гадалкам же идти!

Нам нужна правовая наука проактивная, сверхбыстрая, работающая на опережение, действующая, а не только предлагающая решения. Государство и право завязли в плохо проводящей сигналы обратной связи «вертикали власти», не используют сетевые методы, а наука «исследует» объект, предмет или процесс, который к моменту «окончания» исследования изменились или исчезли. Пример — отмененная распоряжением Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. № 195-р программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Само слово «исследование» в новейших сферах жизни и права может завести в методологический тупик, ибо старые методы поиска ответов на новые вызовы выглядят так: под задачу создается научный коллектив, он ищет решение и передает его заказчику (государству). Решение часто устаревает уже на этапе формулирования задачи. Чтобы правовая наука была проактивной, идущей впереди событий, формировала их, а не шла у них на поводу, нужна новая конструкция — сплав государства и права в сетевом формате, что можно сделать путем построения модельного сетевого виртуального государства, которое будет не предлагать, а сразу внедрять правовые конструкции. Оно нужно, в частности, для безопасного социального экспериментирования, когда можно испытывать те институты и механизмы, которые в реальном государстве невозможно опробовать. Например, элементы новой Конституции; элементы теории правовых (законных) интересов, особенно в финансовой сфере; теории справедливости в сфере права; способы контактов с внешним миром через посредника с особыми возможностями (виртуальное государство); методы достижения лидерства в новых сферах, которые пока никем не освоены. Модельное государство

должно создать образ будущего, образ победы, настрой на совместную проектную работу всех творческих лиц, включая юристов, и для их объединения нужны сетевые и цифровые технологии. Право и государство должны принять гибкую сетевую форму и создавать свои сверхглобальные поля и правила игры, а не только «толковать» новые угрозы (кибератаки, криптовалюты и т.п.) и, потеряв время и понеся убытки, противодействовать на местечковом уровне широкомасштабным замыслам заокеанских стратегов, которые тонко навязывают правила на специально выстроенных сетевых и цифровых полях не для того, чтобы проигрывать.

О.В. Лазарева,
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры теории государства и
права Саратовской государственной
юридической академии*

O.V. Lazareva,
*Candidate of Law, Associate Professor
Department of Theory of State and
Law Saratov State Academy of Law
mureksin_sar@mail.ru*

**Право как государственная воля общества в
цифровой реальности**
**Law as the will of the state companies in the digital
realm**

Научное осмысление процесса цифровизации предполагает поиск решений актуальных проблем, касающихся возможности его влияния на государственно-правовые явления, на само право как государственного регулятора общественных отношений, а также выявления дальнейших тенденций и прогнозирования состояния будущего права в цифровой реальности.

В юридической литературе положение о цифровизации права понимается неоднозначно. Как и любое нововведение, оно вызывает дискуссию. Одни ученые отстаивают возможность оцифровать право, они убеждены, что цифровое право — необходимость сегодняшнего и завтрашнего дня. Другие ученые утверждают, что цифровизировать право невозможно, нельзя превратить такое сложное явление в схематичный алгоритм действий. По нашему мнению, точнее говорить не о цифровизации права, а о цифровизации законодательства. Приведем конкретную аргументацию.

В соответствии с поручением Правительства РФ от 17 декабря 2018 г. № ТГ-П12-9009 в целях дальнейшей реализации плана мероприятий федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» разработан проект федерального закона «О проведении эксперимента по ведению документов, предусмотренных трудовым законодательством, связанных с работой, в электронном виде у отдельных работодателей». Целью данного законопроекта является отработка

механизмов ведения в организации документов, связанных с работой, в электронном виде без дублирования на бумажном носителе, а также подготовка предложений по внесению изменений в законодательство. Проводить эксперимент планируется с 1 января 2020 г. по 31 декабря 2022 г. В течение 2019 г. будет подготовлен ряд законопроектов, регламентирующих работу с электронными документами, также будет урегулирован вопрос об использовании отечественных технических средств и программного обеспечения для осуществления хранения информации в электронном виде с обеспечением ее аутентичности, целостности и достоверности в течение установленных сроков хранения. Кроме того, законопроектом предусмотрена подготовительная работа по участию работодателей в эксперименте на основе принятия локальных нормативных актов и (или) внесения в них изменений.

Таким образом, право как динамичная система подвержена воздействию процесса цифровизации и не может оставаться неизменной. При этом право выступает не объектом, а средством цифровизации. Как государственная воля общества право выполняет инструментальную роль в развитии цифровой экономики, а нормативное регулирование является первым базовым ее направлением.

И.А. Кузьмин,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного
права и теории права Юридического
института Иркутского
государственного университета*

Е.С. Кузьмина,

*старший преподаватель кафедры
социальной философии и социологии
Института социальных наук Иркут-
ского государственного университета*

I.A. Kuzmin,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor at Department of
Constitutional Law and Theory of Law of
Law Institute of Irkutsk State University
grafik-87@mail.ru*

E.S. Kuzmina,

*Senior Lecturer, Department of Social
Philosophy and Sociology Institute
of Social Sciences of Irkutsk State
University
kuzelenas@mail.ru*

**Социально-правовое картирование в методологии
гуманитарных исследований: цифровые контексты
Social and legal mapping in the methodology of
humanitarian studies: digital contexts**

Методология современных гуманитарных исследований объединяет значительное количество различных методов, среди которых все большую популярность и применение получает социальное картирование (картографирование) (Скалабан И.А. Социальное картирование как метод анализа социально-территориального пространства // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 61–72). Индикация социально-правовых процессов по территориальному признаку осуществляется на основе систе-

матизации поступающей из различных источников актуальной информации с ее дифференцированным нанесением на географические карты. Преимущества полученной социально-правовой карты заключаются в наглядности и доступности соответствующих сведений, необходимых для выявления и разрешения в ходе политико-административного управления социальных проблем (в том числе принятие правотворческих и правоприменительных решений), а также в расширении инструментария научных исследований. При этом территориальное распределение социально-значимых явлений и процессов осуществляется по административно-территориальным единицам как объектам публичного управления на всех уровнях.

Формирование обозначенных карт, отражающих социально-правовую информацию, происходит при использовании цифровых технологий на основе данных статистического анализа. Так, портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ показывает распределенность зарегистрированных преступлений по территориям субъектов России. На основании поручения Президента РФ была создана общественная интерактивная карта незаконных свалок, сигнализирующая публичным субъектам всех уровней об имеющихся проблемах на конкретных территориях. А.В. Юрковский предлагает собственное видение конституционно-правовой карты Северо-Восточной Азии с точки зрения анализа распространения правовых интересов и ценностей (Юрковский А.В. Конституционно-правовая карта Северо-Восточной Азии: эстолого-аксиологический анализ. Иркутск, 2018. 171 с.).

Динамичное развитие регулируемых правом общественных отношений в области цифровых технологий ставит перед обществом и государством новые цели и приоритеты в области распространения, использования и защиты информации. Первостепенное значение цифрового права обнаруживается в процессе становления цифровой экономики, что подтверждают последние законодательные новеллы гражданского законодательства. В рассматриваемом контексте открываются перспективы для внедрения картографического инструментария.

Специализированное программное обеспечение, позволяющее обрабатывать социально-правовую информацию и формировать соответствующие карты, представлено инструментами IBM SPSS Statistics, SAS Visual Analytics, Vortex 10 и многими другими.

Таким образом, метод социально-правового картирования является важным элементом методологии гуманитарных исследований, обладает непосредственной теоретической ценностью и практической применимостью, способен содействовать профилактике, оперативному выявлению и разрешению социальных конфликтов в правотворчестве и правоприменении.

А.Е. Михайлов,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории
государства и права Саратовской
государственной юридической
академии*

A.E. Mikhailov,
*Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of
Theory of State and Law of Saratov
State Law Academy*

Цифровая экономика: теоретико-правовые подходы Digital economy: theoretical and legal approaches

Современные технологии не стоят на месте, постоянно развиваются, поэтому появляются вопросы, связанные с правовым регулированием в информационной сфере (Шадрина Т. Уроки кибергигиены // Российская газета — Неделя. 2018. 15 марта. № 54 (7517)). С использованием цифровых технологий повседневная жизнь человека и правовые отношения меняются. Все большее число граждан РФ признает необходимость обладания цифровыми компетенциями.

В законодательном акте определение цифровой экономики приводится впервые в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. При этом информационное общество — общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. Актуальность анализа влияния цифровой экономики на правовое регулирование в информационной сфере, а также в целом проблема нарушения права в области цифровых технологий вызваны и настоящими реалиями, и теми национальными целями и стратегическими задачами, которые сформировала Стратегия на III этап осуществления до 2024 г. Государственная политика в сфере цифровой экономики в настоящее время закреплена в указах Президента РФ, а также в Распоряжении Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. В соответствии с обозначенными документами главной целью программы «Цифровая экономика Российской Федерации» является создание экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой обеспечено эффективное и постоянное взаимодействие государства и граждан. Однако широкое распространение получила такая проблема, как электронное мошенничество, связанное с платежными картами и электронными кошельками. Существует несколько разновидностей мошеннической деятельности с банковскими картами («кардинга»). Одно из современных его направлений — хищение данных банковских карт с помощью подставных интернет-страниц. Используя собственное вредоносное программное обеспечение, злоумышленники заражают персональный компьютер жертвы, на котором может храниться информация о банковском счете. С помощью чужой карты пре-

ступник переводит средства на свои личные счета, легализовав их, например, через криптовалюту, гарантирующую абсолютную анонимность транзакций. Не так давно получил распространение вещевой «кардинг». Товары из зарубежных магазинов покупаются на деньги людей, данные карт которых попадают к мошенникам.

В российском уголовном законодательстве существует множество статей, посвященных электронному мошенничеству (ст. 187 УК РФ — неправомерный оборот средств платежей, ст. 159 — мошенничество, ст. 210 — преступное сообщество и др.). Все действия мошенников опираются на анонимность в Интернете, которую могут гарантировать специальные сервисы и интернет-браузеры, скрывающие реальный адрес человека, пользующегося в данный момент устройством. Подобные средства в Российской Федерации на законодательном уровне не запрещены. Ограничение их на уровне закона способствовало бы значительному сокращению числа преступлений, совершающихся в Интернете. Отдельно следует отметить роль криптовалюты, полностью гарантирующей анонимность всех денежных переводов. Введение юридической ответственности за факт ее использования также могло бы способствовать не только сокращению мошеннических действий в Интернете, но и в целом лишить злоумышленников способа легализации средств с ее помощью.

И.В. Воронцова,
*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского
процессуального права Казанского
филиала Российского государственного
университета правосудия*

I.V. Vorontsova,
*Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil
Procedural Law of the Kazan Branch
of the Russian State University of
Justice*

О соотношении понятий «электронный суд» и «электронное правосудие»*

Concerning relationship between the concepts of «e-court» and «e-justice»

На протяжении последних десятилетий в правовом поле как российского, так и зарубежного права отмечается повышенный интерес к таким терминам, как «электронное правосудие» и «электронный суд», «цифровые технологии», «интеллектуальный суд», «интеллектуальная судебная система», «цифровой судья», «частный онлайн-суд».

В связи с повсеместным развитием информационных технологий в различных сферах общественной жизни, в том числе в сфере российского правосудия, назрел вопрос соотношения в первую очередь

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

понятий «электронное правосудие» и «электронный суд». Относительно понятия «электронное правосудие» следует отметить, что в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362 оно официально определено и представляет собой способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде. Не вызывает сомнений, что понятия «электронное правосудие» и «электронный суд» являются разными по значению и содержанию. Несмотря на частое использование последнего в правовой сфере, его значение не определено. Однако уже сегодня можно выдвинуть достаточно смелое предположение, что электронный суд — это суд недалекого будущего. В качестве одной из предпосылок такого предположения является разработанный группой профессиональных юристов и программистов проект «Е-суд», который в настоящее время используется исключительно как эксперимент по ограниченному кругу юридических вопросов.

Тем не менее, данную систему невозможно недооценивать. Положительный опыт использования похожих систем уже зафиксирован в Узбекистане, Нидерландах, Украине и других государствах. E-SUD в Узбекистане представляет собой информационную систему, позволяющую заявителям направить в суды по гражданским делам различные процессуальные документы (исковое заявление, жалобу) в электронном виде. Схожие возможности есть и у граждан Российской Федерации, благодаря, например, сервису ГАС «Правосудие». Зарегистрированные пользователи, имеющие электронную подпись, с помощью данного сервиса могут обратиться в суды по гражданским делам, подав заявление или исковое заявление, прилагаемые к ним документы в электронном виде, а также, в случае соблюдения технических требований, получить в личном кабинете уведомление о получении судом документов. Если суд не тот, не читаются документы, не тот формат, не тот вид подписи или имеются иные нарушения, пользователь получит уведомление о том, что документы не могут считаться поступившими в суд.

Таким образом, Е-суд в России, который обозначен разработчиками как электронный суд, и E-SUD в Узбекистане — совершенно разные программные продукты, они предполагают предоставление совершенно различных возможностей. Электронный суд в России предлагает гражданам обратиться к сервису по очень ограниченному кругу дел путем заполнения несложных форм, предложенных на официальном сайте данной информационной системы с целью предварительного ознакомления с возможным решением суда по делу. Электронный суд в Узбекистане предлагает реальные возможности участникам судопроизводства дистанционно обращаться в суд, знакомиться с материалами дела, получать иную информацию по делу, в том числе судебное решение.

А.В. Воронин,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры истории
государства и права Саратовской
государственной юридической
академии*

A.V. Voronin,
*Candidate of Law, Associate Professor
of History of State and Law Saratov
State Law Academy*

**Автоматизированный поведенческий анализ в
решении задач обеспечения справедливости
правосудия в суде присяжных: ценностный подход
с использованием глубинных нейронных сетей**
**Automated behavioral analysis in solving the tasks of
ensuring justice in a jury trial: value approach using
deep neural networks**

Справедливость судебных решений — фундаментальная проблема правосудия. Суд присяжных является одной из форм судопроизводства, в которой в наиболее концентрированном виде воплотились представления общества и демократического государства о справедливом разрешении дел.

Вместе с тем выборность присяжных не всегда гарантирует справедливый вердикт. Значительное влияние на восприятие, анализ и оценку обстоятельств дела, интерпретацию позиций сторон по делу и т.п. оказывает система ценностей присяжных заседателей. Неосведомленность о системе ценностей присяжных приводит к ошибочному применению судом и сторонами процедур мотивированного и безмотивного отводов кандидатов в состав жюри, что негативно отражается на взаимодействии присяжных.

Для составления примерной картины внутренних качеств кандидатов в присяжные на этапе отбора суд и стороны должны обладать глубокими познаниями в области психологии, социологии и других научных дисциплин. Сложность и трудоемкость такой работы с присяжными очевидны.

Одним из средств автоматизации поведенческого анализа кандидатов в присяжные выступает разработка системы информационной поддержки, способствующей выявлению ценностных характеристик кандидатов в присяжные. Обычно данные характеристики определяются на основе коэффициентов корреляции ценностного опросника Шварца. К сожалению, привлечение кандидатов в присяжные к прохождению опроса, особенно непосредственно перед началом процесса, может повлечь нарушение конфиденциальности, поэтому сопутствующие опросы нельзя рассматривать в качестве практически применимых процедур. В то же время широкое распространение социальных сетей среди населения позволяет предположить, что некоторые из присяжных заседателей могут иметь личные профили,

доступные онлайн. Более того, открытая информация в соцсетях редко находится под защитой каких-либо частных соглашений, поэтому может быть правомерно использована и проанализирована. Типичным применением системы информационной поддержки может быть оценка коэффициентов корреляции ценностей кандидатов в присяжные, имеющих открытые профили в социальных сетях, и прогнозирование возможного социально-психологического портрета. Данная информация используется системой информационной поддержки для определения особенностей восприятия и обработки информации потенциальными присяжными и информирования суда о том, как данные особенности могут повлиять на ход процесса.

Предлагаемая система информационной поддержки состоит из двух основных модулей: клиентской части и серверной части.

Серверная часть должна выполнять три задачи: 1) находить активные профили присяжных в соцсетях с использованием минимально доступной информации. Предполагается, что кроме имеющихся в открытом доступе сведений из общих списков присяжных (фамилии, имени, отчества, города и диапазона возраста кандидатов в присяжные) другая информация не доступна; 2) извлекать всю необходимую информацию со страниц профилей в соцсетях. Примером такой информации могут служить публичные посты, комментарии, репосты, группы пользователя, фото, аудио, видео; 3) оценивать коэффициент ценностной корреляции на основе извлеченной информации с использованием специально разработанной и оптимизированной глубинной нейронной сети.

Основная задача клиентской части — интерпретировать предоставленную информацию для установления возможных взаимоотношений и ассоциаций в пределах и между коэффициентами ценностных корреляций. Конечная цель анализа состоит в предоставлении специальных рекомендаций, предложений, напоминаний, ориентиров и предупреждения составу суда.

З.С. Байниязова,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
государства и права юридического
факультета Саратовского
национального исследовательского
государственного университета им.
Н.Г. Чернышевского*

Z.S. Bajnijazova,
*Candidate of Law,
Associate Professor of Theory of
State and Law Law Faculty Saratov
national research state University
named after N.G. Chernyshevsky*

О влиянии цифровой экономики на право и правовую систему

On the impact of the digital economy on the law and legal system

В современных условиях одним из приоритетных направлений развития Российского государства является развитие цифровой экономики, процессы цифровизации общества в целом. Цифровая экономика — актуальный вызов времени, на который право и в общем правовая система должны дать адекватный ответ. Возникает вопрос о том, каким будет правовой уклад российского общества в цифровую эпоху.

В условиях развития цифровой экономики к праву предъявляются повышенные требования, связанные прежде всего с обеспечением устойчивого правового регулирования, необходимостью создания соответствующих правовых условий развития цифровой среды, формирования единого правового пространства. Новые экономические, социальные задачи ставят и перед отечественной правовой системой задачи улучшения ее характеристик, социальной адаптации, укрепления юридических возможностей. Сегодня трудно представить развитие экономики без устойчивой и стабильно функционирующей правовой системы. При этом ее эффективное развитие предполагает обеспечение ценностных основ права. Право и правовая система диалектически связаны между собой. Право для правовой системы является одним из основных ценностных ориентиров ее развития. Отечественная правовая система способна динамично и гибко реагировать на происходящие изменения в обществе, если к этому способно само право. Эффективность права — один из важных критериев эффективности в целом правовой системы.

Очевидно, что сегодня в условиях развития цифровой экономики речь идет о постепенном изменении роли права и правовой системы в современном российском обществе. Цифровая экономика задает соответствующие параметры развития для права, в целом правовой системы. Право и правовая система должны быть направлены на осуществление задачи развития цифровой экономики, быть соответствующим правовым сопровождением процессов цифровизации общества, находиться в состоянии, адекватном динамично изменяющимся общественным отношениям. При этом для эффективного развития

процессов цифровизации общества важны следующие факторы: повышение социальной ценности права; устойчивое правовое регулирование; гармоничное соотношение федерального и регионального законодательства, соответственно, федеральной и региональной законотворческой политики; взаимосогласованное действие правотворчества и правоприменения.

Из изложенного следует, что на современном этапе развития Российского государства вопросы повышения эффективности права, правовой системы приобретают особый смысл и нуждаются в пристальном теоретическом внимании.

А.С. Анисимова,
*младший научный сотрудник
Саратовского филиала Института
государства и права РАН*

A.S. Anisimova,
*Junior Researcher Saratov Branch of
the Institute of State and Law, Russian
Academy of Sciences*

Правовая политика в сфере цифровизации права Legal policy in the field of digitalization of law

XXI век ознаменован повсеместным проникновением цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности человека: начиная от общения, поиска различной информации до получения услуг в электронном виде, осуществления правосудия и совершения иных юридически значимых мероприятий. Все эти действия осуществляются в электронном виде в Интернете, что в значительной степени ускоряет и упрощает указанные процессы, а также ведет к постепенной замене бумажных носителей.

Возможности цифровых технологий все больше привлекают к себе внимание государства. Так, активно развиваются электронные формы взаимодействия общества и государства. Например, в 2018 г. на Едином портале государственных и муниципальных услуг Российской Федерации было зарегистрировано более 60 млн пользователей, а также оказано 1,3 млрд госуслуг; в государственной автоматизированной системе (ГАС) «Правосудие» находится более 80 млн дел.

Влияние цифровых технологий определяет потребность развития современного правового регулирования с использованием цифровых технологических платформ, новых видов цифровых услуг и др. В частности, предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде регламентируется соответствующими нормативными актами, среди них: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (в ред. от 29 июля 2018 г.); Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; требования к Единому portalу государственных услуг (ЕПГУ или Госуслуги) перечислены в Постановлении Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 861 «О федеральных государственных инфор-

мационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» (в ред. от 13 июня 2018 г.) (вместе с «Положением о федеральной государственной информационной системе «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)», «Правилами ведения федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)», «Положением о федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», «Требованиями к региональным порталам государственных и муниципальных услуг (функций)»).

Технологии воздействуют не только на общественные отношения, но и преобразовывают устоявшиеся правовые механизмы их регулирования. Сегодня классическая теория права находится под «угрозой» воздействия новых технологий, в особенности Интернета. Если даже в самом общем приближении понимать под правом совокупность норм, регулирующих отношения, складывающиеся между субъектами по поводу определенного объекта, то становится понятно, что в цифровую эпоху буквально каждый компонент данного определения наполняется определенными особенностями.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, в Интернете преломляются действие и образ многих социальных институтов и регуляторов, в том числе права. Оно становится не только средством, инструментом, обеспечивающим внедрение цифровых технологий и их использование в различных сферах общественной жизни — экономике, управлении и других сегментах социального бытия, но и объектом воздействия «цифровизации». Изменяются содержание, форма, механизм действия права (Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 1).

В частности, преобразовываются правоотношения, возникающие в связи с использованием цифровых технологий, которые представляют собой регулируемые правом и находящиеся под охраной государства общественные отношения, возникающие на основе цифровых технологий в виртуальном пространстве, что ведет и к особой их специфике — расширяется субъектный состав правоотношений (к ним, наряду с пользователями, относятся и технические субъекты, деятельность которых направлена на обеспечение работы самой цифровой технологии и ее компонентов); сами правоотношения формируются с помощью технических субъектов, обслуживающих работу Интернета, — оператора, провайдера и др. Таким образом, цифровизация права трансформирует привычные нам правоотношения и ведет к важности привлечения специалистов из технических сфер.

Вместе с тем достижение успешного результата цифровизации права возможно лишь с учетом выстраивания четкой и последовательной правовой политики в указанной сфере, способствующей планомерному внедрению в жизнь грядущих изменений.

Правовая политика — дефиниция, которая включает в себя не только теоретические вопросы, но и состоит из практических рекомендаций, разрабатываемых в целях усовершенствования действующего права, в том числе и деятельности государства, направленную на повышение эффективности правового регулирования. Указанная категория становится одной из наиболее важных в XXI веке, категорией, отражающей масштабные процессы правового развития общества (Малько А.В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 26).

Как известно, одной из форм проявления правовой политики является разработка концепций, которые ложатся в основу дальнейших преобразований в праве и законодательстве. На сегодняшний день в рассматриваемой сфере такого документа нет, разрабатываются многочисленные проекты законов о внесении изменения в действующее законодательство (проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22 мая 2018 г.); проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (подготовлен Минфином России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16 февраля 2018 г.)).

Вопросы цифровизации права поднимались на Московском международном форуме «Открытые инновации» (Сколково, 17 октября 2017 г.). Одним из участников форума был Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев. В частности, в его выступлении было отмечено, что цифровизация оказывает воздействие в первую очередь на самих людей, на традиционные компании (те, которые успешны в традиционных секторах экономики), а также на государство. Кроме того, цифровизация касается не только образа жизни людей, но и вносит изменения в принципы работы действующих отраслей. В связи с этим государством инициирована модернизация пяти сфер: нормативные акты, кадры, образование, формирование исследовательских компетенций и технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность (URL: <http://government.ru/news/29668/>).

Процессы цифровизации оказывают влияние и на подходы в сфере государственного управления, на процесс и средства правового регулирования. Так, в качестве средств правового регулирования можно выделить технико-правовые нормы (блокировка запрещенной информации), с помощью которых осуществляется упорядочение имеющегося контента в Интернете, однако специфика таких норм заключается в неразрывной связи с цифровой техникой и Интернетом.

Важно отметить необходимость нового подхода к правовым институтам в эпоху развития цифровых технологий, последовательной адаптации традиционных правовых механизмов к новым реалиям, в то же время все эти изменения должны основываться на четко разработанной научной концепции, включающей в себя основные понятия, цели, задачи и механизм цифровизации права, что позволит избежать проблем в толковании и правоприменении новых средств.

Это наиболее актуальный вопрос, поскольку на повестке дня обсуждение таких категорий, как «виртуальный субъект», «искусственный интеллект», «цифровые транзакции», которые могут стать составными элементами новой структуры «цифровой экосистемы» (Карцхия А.А. Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения. 2018. № 1. С. 40).

Таким образом, современное общество находится на этапе глобального перехода к новому технологическому укладу, связанному с «цифровой революцией», особенности которой определяются не только изменениями в технологиях, но и в не меньшей (если не в большей) степени в самом праве и политике, включая формы и модели организации, а также механизмы государственного управления.

В.В. Нырк*ов,*
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории
государства и права Саратовской
государственной юридической
академии

V.V. Nyrk*ov,*
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of the Theory state and law, Saratov
state law academy
k_tgp@ssla.ru

**Двоичность правовой информации как
методологический подход в исследовании проблем
процессуально-правового регулирования, сопряженных
с использованием информационных технологий***
**The duality of legal information as a methodological
approach in the study of the problems of procedural
and legal regulation associated with the use of
information technologies**

Информационные технологии в современной юридической практике, судебной и иной деятельности часто коренным образом трансформируют содержание и структуру механизма правового регулирования. Внедрение этих технологий меняет не только саму юридическую практику, но и действующее законодательство, модифицирует по ряду направлений средства и способы правового регулирования общественных отношений. Особым образом данная тенденция социально-правового развития отражается на процессуальных правоотношениях, что обусловлено во многом использованием таких инструментов, как: электронная цифровая подпись, электронная форма обращения в суд, автоматизированная информационная система, «электронное» правосудие и др. Нарастающими темпами проводится в юридической практике автоматизация целого ряда процессуаль-

175

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

ных действий, что позволяет ускорить процесс отправления правосудия в определенных случаях, обеспечить экономию процессуального времени и финансово-материальных ресурсов.

Однако подобная информационно-технологическая сторона развития механизма правового регулирования сопряжена и с появлением определенных проблем, затруднений, а порой вызывает и отчетливо просматривающиеся негативные последствия для функционирования правовой системы. При этом наблюдается отставание российского законодательства по содержанию и структуре от информационно-технологических новаций, активно внедряемых в экономике, политике и социально-культурной сфере жизни российского общества, а также в своевременной правовой регламентации информационно-технического сопровождения судебной деятельности, в сфере взаимодействия граждан с судебной системой и т.д.

На наш взгляд, в сложившейся ситуации требует более активной разработки принцип двоичности правовой информации. Данный принцип может способствовать более полной и точной адаптации как содержания, так и структуры законодательства к набирающей темп информационно-технологической трансформации юридической практики.

В кратком виде суть принципа двоичности правовой информации можно изложить так.

1. Данный принцип получает свое обоснование в рамках кибернетического подхода к исследованию права, базируется на основных постулатах теории управленческой информации.

2. Двоичная система построения правовой информации по ряду моментов схожа с двоичным кодированием, применяемым при создании программного обеспечения, широко используемого в информационно-технологических системах, в том числе обслуживающих и потребности юридической практики.

3. Двоичность представляет собой фундаментально необходимое, сущностное свойство для всякой управленческой информации, поскольку иным образом невозможна передача управленческого сигнала в сложноорганизованных системах. Следовательно, и праву присущ данный принцип в качестве его неотъемлемого сущностного свойства, ибо по своей природе оно есть инструмент социального управления. Представляется верной позиция, согласно которой переход к более простому способу фиксации правовой или иной управленческой информации означал бы полную невозможность фиксировать какие-либо изменения в социальной системе, поскольку во всех случаях субъект управления получал бы один-единственный сигнал или некоторую последовательность принципиально неразличимых сигналов (Малько А.В. Правовые стимулы и ограничения: двоичность информации как метод анализа // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5. С. 78).

4. Прямым выражением принципа двоичности правовой информации выступает использование в содержании законодательства парных юридических понятий и терминологических конструкций.

5. Двоичность законодательно устанавливаемых нормативных правовых предписаний проявляется и в специфике их структуры, которая предстает в виде простейшей формулы «если - то», что также позволяет допускать аналогии в сопоставлении языка права и языка программирования, используемого в информационно-коммуникационных технологических системах. При этом нормативные правовые предписания, обладающие двухзвенной структурой, образуют сложные попарно взаимосвязанные связки-цепочки, обеспечивая тем самым системную реализацию друг друга на практике.

6. С позиции двоичности информации регулирование правоотношений рассматривается посредством сведения всех возможных вариантов управленческого воздействия в итоге к диалектически взаимосвязанным парам правовых инструментов: «запрет – дозволение», «стимул – ограничение» и др. В результате законодательство, а равно и право в целом, предстает как государственно-организующая, управленческая информация (Пошквичус В.А. Кибернетический подход к праву (некоторые аспекты) // Вопросы кибернетики. Правовая кибернетика. М., 1977. Вып. 40. С. 38–39).

Метод оценки нормативного содержания системы процессуального законодательства с позиции принципа двоичности правовой информации позволит, на наш взгляд, решить в перспективе следующие задачи:

- точно определять объект правового регулирования в области применения цифровых технологий в юридическом процессе и деятельности судебных приставов в ходе исполнения судебных решений;
 - использовать алгоритм парных правовых понятий в правовой регламентации правоотношений, реализуемых с применением современных информационно-коммуникационных технологий;
 - обеспечить теоретико-методологическую и практическую возможность сближения языка закона с используемым программным обеспечением в информационно-коммуникационных технических системах, что, в свою очередь, необходимо для дальнейшей автоматизации определенных процессуальных действий;
 - обосновать необходимость внедрения новых средств и способов нормативно-правовой регламентации правоотношений, возникающих в связи с применением цифровых технологий в различных отраслях права;
 - проводить дальнейшую унификацию в законодательстве различных видов юридических процессов с одновременным сохранением требуемого уровня их специализации;
 - корректировать структурное построение законодательства с учетом возрастания темпов и расширения процесса использования в юридической практике новейших информационно-коммуникационных технологий;
 - развивать моделирование процессуальной и иной юридической деятельности, усовершенствовать мониторинг действующего законодательства посредством применения современных информационных технологий;
 - минимизировать информационную избыточность предписаний процессуального законодательства.
-

Редакционная коллегия юридического научного журнала «Правовая политика и правовая жизнь» внимательно изучила документы, представленные рабочей группой Комиссии РАН по противодействию фальсификации научных исследований, свидетельствующие о фактах публикации на страницах журнала (2015. № 3; 2015. № 4) статей А.И. Чернявского и В.С. Шаронова, содержащих масштабные некорректные заимствования (плагиат).

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что указанные факты нашли свое подтверждение. В связи с этим редакция сообщает об отзыве указанных публикаций (ретракции) и передаче соответствующей информации в Совет по этике научных публикаций АНРИ и в НЭБ (elibrary.ru).

Выражая серьезную озабоченность по поводу поступивших в адрес редакции материалов, отмечаем, что редакционная политика журнала всегда была направлена на недопущение публикации статей с возможным научным плагиатом (сомнительным авторством).